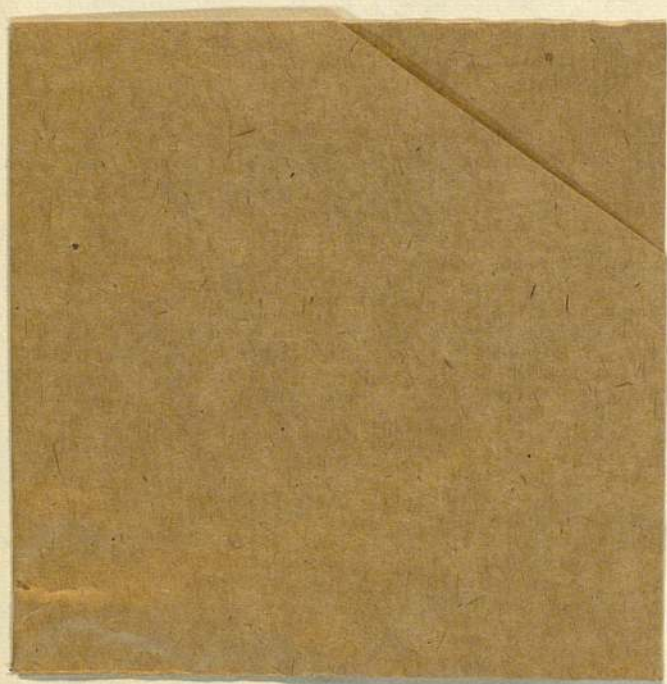
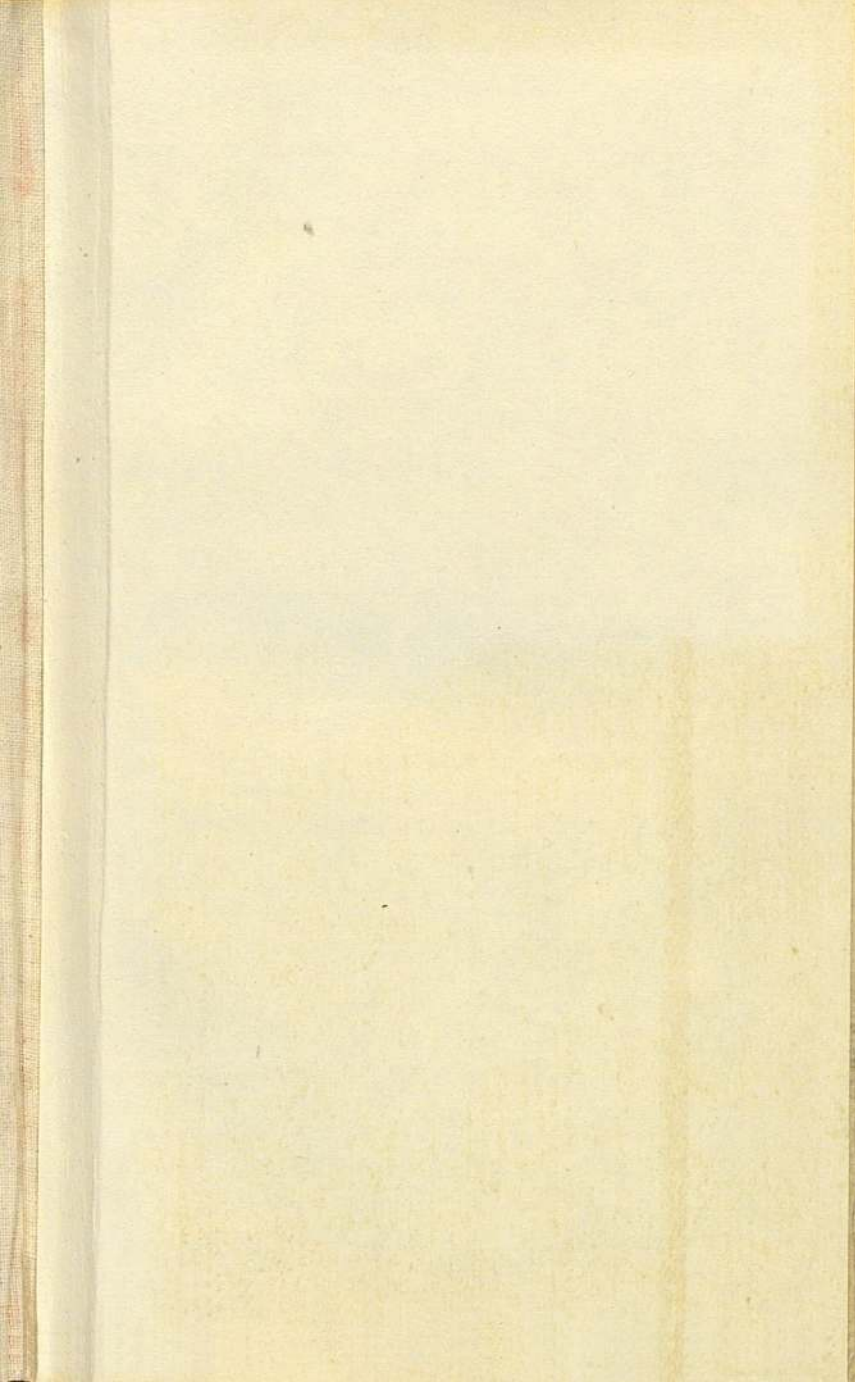

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

ПОКОЯЩІЯ
ТРУДОЛЮБЕЦЪ
ПЕРІОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ,
СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
ВЕЧЕРНІЯ ЗАРИ.

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ
Богословскія, Философическія, Нра-
поучительныя, Историческія, и
псякаго рода какъ пажныя такъ
и забащныя матеріи, къ пользѣ
и удопольтсію лювопытныхъ
читателей, состоящія изъ пог-
линныхъ сочиненій на Россійскомъ
языкѣ и переподобъ съ луч-
шихъ иностранныхъ писателей
пѣ стихахъ и прозѣ.

— — — Sibi quis
Speret, idem frustra fudet, frustra que laboret:
Hor,

ЧАСТЬ I.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ЛЮБЕЗНѢЙШЕМУ:
ОТЕЧЕСТВУ

И

ВСѢМЪ ВѢРНЫМЪ

СЫНАМЪ ЕГО

БЛАГОДАРНЫМЪ СЕРДЦЕМЪ

Всеусердно посвящаютъ

ИЗДАТЕЛИ

ПОКОЯЩАГОСЯ ТРУДОЛЮБЦА.

О Patria!

Ipsa tibi blandos fundunt cunabula flores.

VIRG.

Отечество драгое!

И самые пшеницы цвѣты тебѣ приносятъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ежели ты, любезный Чипашель, изъ числа любительей своего отечества; ежели ты безплодный Членъ его; ежели усердное швое о благѣ общемъ ревнованіе дѣлаешь себя достойнымъ дражайшаго имени Сына отечества: тебѣ, достойный Патриотъ, въ числѣ другихъ, посвящается книга сія. Таковымъ приносимъ мы малую жертву сію, для такихъ издаемъ труды свои и у такихъ въ рукахъ желаемъ ихъ видѣть.

Отъ такихъ мужей вкорененная въ насъ искренная любовь къ отечеству возбудила въ насъ ревность къ старанію сдѣлать себя достойными его сынами; и въ семъ намѣреніи отважились мы предпріять изощреніе разума своего вмѣстѣ съ очищеніемъ своея нравственности. Мѣсто, въ которомъ мы находимся, не мало намъ способствуетъ къ сему двоякому предмету; а свободная воля есть главное къ тому побужденіе и надежнѣйшая подпора. Сіи наши упражненія вознамѣрились мы издавать въ свѣтъ, надѣясь, что ежели труды наши не принесутъ желаемой пользы, по крайней мѣрѣ усердіе оправдаетъ слабость силъ нашихъ. Есть ли при семъ въ виду у насъ какая корысть, о семъ судить можно

какъ изъ основаній , на которыхъ выходятъ въ свѣтъ труды наши , такъ и изъ того что мы кромѣ внутренней пользы , никакой другой отъ того не получаемъ. Единое наше намѣреніе есть то , чтобъ приводя себя въ совершенство приносить другимъ какую либо пользу. Первый опытъ такого нашего намѣренія извѣстенъ публикѣ подъ названіемъ *Вечернія Зари* , благосклонное ея принятіе и одобреніе именитыхъ сыновъ отечества побудили насъ предпріять новое сіе изданіе , и за *Вечернюю Зарю* послѣдуешь *Покоящійся Трудоловецъ* , преемникъ блѣднаго ея свѣта ! послѣ остающагося слабаго сего сіянія дня естественнo послѣдуешь во всей природѣ сладкое успокоеніе : послѣ *Вечернія Зари* , при которой мы были близки ко сну , теперь наслаждаемся мы покоемъ , и такъ названіе сего нашего изданія съ именемъ прежняго не такъ не согласно , какъ-то съ перваго взгляда показаться можешь. Сколько названіе *Вечернія Зари* прилично трудамъ нашимъ , ибо оно сверхъ нравственнаго смысла означаетъ и время упражненій нашихъ : столько данное нами имя *Покоящагося Трудоловца* почитаемъ мы приспoбoленнымъ сему нашему изданію , какъ продолженію перваго. Къ такому трудамъ какое время способнѣе вечерняго , когда царствующее повсюду спокойствіе удаляетъ отъ насъ всѣ огорчительныя заботы и безпокойства , когда тихое безмолвіе природы распространяетъ въ насъ ощущенія своего бытія ? Представь себѣ ,

любса-

любезный читатель, вечерний благораспоряженный воздухъ улаждающій всѣ чувства наши, сколько онѣ способствуетъ къ возвышеннымъ-мыслямъ, сколько поощряетъ къ шаковымъ прудамъ! Все приводитъ тогда насъ въ восторгъ, все обращаетъ тогда на себя вниманіе наше! Всѣ бури, всѣ смяшенія, всякой шумъ утихаетъ, и начинается тишина. Тогда душа наша предается самой себѣ, и мы, кажется, совершенно тогда обладаемъ собою, или по крайней мѣрѣ болѣе всякаго другаго времени. Духъ нашъ, не возмущаемъ будучи никакимъ наружнымъ шумомъ, отдается вожденію самой природы; при каждомъ шагѣ встрѣчая въ ней неизчисленные чудеса, дѣлаетъ онѣ различныя сношенія между ею и собою, между собою и Богомъ и попеременно то возлещаетъ къ своему Творцу, то углубляется въ сокровенности природы и щипитъ поднявъ покровъ сея Богини, то входя въ самага себя всѣ вещи находишь въ себѣ и все изъясняетъ человекомъ. Отсюда-то нечувствительно рождаются богодуховенныя, и поучительныя размышленія, и сіи то спасительныя своя размышленія любители мудрости передаютъ намъ то въ богословскихъ и философическихъ разсужденіяхъ, то въ нравственныхъ наблюденіяхъ и примѣрахъ, то въ краткихъ какихъ либо изреченіяхъ. Мысли наши учреждаются тогда самою господствующею тишиною; покой царствующій въ Атмосферѣ усугубляетъ стремленіе наше къ бдѣнію, и вопль въ самой при-

родѣ вдругѣ двѣ прѣшивности въ одно время: *покой* и *бдѣніе*. Сама природа начертала намъ сіе имя, и подѣ покрываломѣ своимѣ скрытно предписала Іероглифѣ нравственнѣхъ нашихъ упражненій, научая насѣ, что въ то время, когда съ дневнымѣ шумомѣ престаивушѣ волненія души, утихнушѣ бури страстей и прекращаются суешности наши, въ покой и тишинѣ человекѣ дѣлается способнѣйшимѣ къ приличнымѣ его духу упражненіямѣ. Тогда благоговѣя предѣ небесами вмѣстѣ съ природою, воспѣвающею при вечерѣ благодарственную пѣснь Создателю своему, исполняется онѣ нѣжнѣйшихъ чувствованій почтенія, удивленія и благодарности къ премудрости, величеству, и благости источника жизни; въ сіе время умѣ нашѣ скорѣе и удобнѣе постигаетѣ Божественныя совершенства, — и вошѣ откровеніе Бгословскихъ познаній; удобнѣе проникаетѣ въ связь вещей, — и такѣ обьясняетѣ темныя свои понятія новыми Философическими истиннами; усматриваетѣ взорѣ свой въ малый міръ, — и приближается къ самопознанію и нравственнымѣ совершенствамѣ, и такѣ далѣе.

Сей самый порядокѣ будетѣ порядкомѣ трудовѣ помѣщаемыхъ въ изданіи нашемѣ; онѣ такой почти, какой наблюдали мы и въ изданіи *Вечернія Зари*; и сіи наши труды съ прежними ни въ чемѣ почти не различаются, какѣ развѣ только въ томѣ, что мы соображаемся съ обстоятельствомами своими рѣшились про-

должашь изданія наши не ежемѣсячно, а по нѣскольку часней въ годъ; но въ семъ не можно, кажешся, полагаешь великаго различія.

Вошѣ, любезный чашатель, краткое начертаніе прудовъ и намѣреній нашихъ; прими сіи посильныя упражненія и суди о нихъ безприспрасно. Безприспрасный судъ швой будешь для насъ полезнѣе, нежели неосновательная Кришика словошолковъ. Тошѣ, кшо извиняя свойственныя намъ ошибки опкроешь средство къ исправленію оныхъ, сверхъ всего увѣришъ насъ, чшо онъ недоволенъ рѣшившимися хотя малымъ чѣмъ либо служить своему отечеству.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

ВЕЧЕРНІЯ ЗАРИ.

При изданіи перваго нашего Журнала подъ названіемъ *Вечернія Зари*, чрезъ объявленіе именъ нашихъ отъ Издавшей Упреняго Свѣща, ставъ извѣсны почтеннѣйшей Публикѣ, мы не желаемъ шеперь скрыть отъ нея, что большая часть изъ числа нашего отбыли, а на мѣсто ихъ желающіе ревностно споспѣшествовать благу отечества присоединились къ оному другіе для продолженія Періодическихъ Изданій; почему долгомъ своимъ пославляемъ, въ знакъ благодарности нашей къ пріявшимъ шоль благородные шруды, объявить имена ихъ почтеннѣйшей Публикѣ: они суть здѣшнаго Императорскаго Университета Студенты: *Михайло Антоновичъ Антонскій*, *Василей Сергѣевичъ Подшипаловъ*, *Антонъ Антоновичъ Антонскій*, *Папелъ Аванасъевичъ Сохацскій*, *Карпъ Власъевичъ Мислопскій*, *Ипанъ Огдорочичъ Софочичъ*, *Михайло Андрѣевичъ Петропскій*, *Александръ Матпѣевичъ Росинскій*, *Кассіанъ Петропичъ Келемветъ*, *Якобъ Ипаночичъ Благодаровъ* и *Игнатъ Васильевичъ Голубовскій*.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Матерій находящихся въ I. части.

	страни.
I. Увѣщаніе къ дѣшамъ. - -	1
II. Рѣчь къ молодымъ дѣшамъ о выборѣ друзей. - -	17
III. О Симпатіи, Физіогноміи и предвѣщаніи сердца. - -	37
IV. Молишвы предложенныя въ стихи:	
1. <i>Востаише отъ сна припа-</i> <i>даемъ ти блаже, и пр.</i> - -	66
2. <i>Достойно есть яко по-</i> <i>истинну и пр.</i> - -	67
V. Предложенныя псалмы.	
1. <i>Псаломъ 19.</i> - -	69
2. <i>Псаломъ 25.</i> - -	—
VI. Хвала всевышнему. - -	70
VII. Душеспасительное размышленіе при словахъ: <i>аще не Господь</i> <i>созиждетъ градъ, псуде бдѣ</i> <i>стрегій.</i> - - -	71
VIII. Человѣкъ къ душѣ своей. - -	73
IX. Спансы. - - -	76
X. Сонетъ: <i>смерть отчаяннаго</i> <i>грѣшника.</i> - - -	78
XI. Рондо. - - -	78
XII. Эпитафія. - - -	81
	XIII.

- XIII. Ода , прѣмя. - - - - 82
- XIV. Рапсодія богинѣ Минерпѣ. - 86
- XV. Нравоучительныя размышленія.
1. Богъ есть пысочайшее благо. - - - - 87
  2. Пыакіе отв природы умы, естли не будутъ надлежащимъ образомъ наставляемы , тѣмъ опаснѣйшими дѣлаются , чѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ природной остроты. - - 91
  3. Богъ челоѣческимъ прѣприятіями располагаетъ по своему хотѣнію. - 95
  4. Всякъ имѣетъ свои недостатки и непыгоды. - 100
  5. Въ счастіи ли друзья нужныѣ , или въ несчастіи. - - - - 103
- XVI. Завѣщаніе Кирова предъ смертію. - - - - 109
- XVII. Искусство править государствомъ или наставленіе престарѣлаго Персидскаго Монарха сыну его. 117
- XVIII. О пріятности , которую находить челоѣкъ въ уединеніи , о причинахъ прелести сея , и о томъ сколь она не сильна доказашь то , что челоѣкъ сошворенъ для уединенія. - - - - 124

- XIX. Похвала женскому полу. - 151
- XX. Опытъ крашкого для дѣтей
ученія о душѣ. - - - 157
- XXI. О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣд-
ствій. - - - 171
- XXII. Странныя приключенія. - -
1. Испуганный заяцъ при-
чиною плѣченія Рима. - 177
  2. Споръ двухъ кучероуъ при-
чиною разрыва дружбы
между двумя державами. 179
  3. Скочокъ причиною получе-
нія знатнаго достоин-
ства. - - - 180
- XXIII. Анекдоты :
1. О поспитаніи согла-
сноуъ съ избираемымъ
состояніемъ жизни. - 182
  2. Обидахъ и пустынникъ,
посточная поповъсть. - 188
  3. Благотпорительность,
Персидская поповъсть. - 195
  4. Сади. - - - 201
  5. Побѣда честности надъ
склонностію ко злу, истин-
ная поповъсть для дѣтей. 203
  - 6 Чудный случай. - - 208
  7. Несчастія отъ туфлей. 210
- XXIV. Жадность къ богатству. - 216
- XXV.

	страни.
XXV. Загадки. - - - -	220
XXVI. Оспѣшы Фалеса, одного изъ славныхъ семи Греческихъ му- дрецовъ. - - - -	222
XXVII. Письмо къ издашелямъ <i>Покоя-</i> <i>щаго Трудолюбца.</i> - - - -	224
XXVIII. О камнѣ называемомъ Панпа- вра. - - - -	243
XXIX. Имя всѣмъ временамъ года. - - - -	245
XXX. Весна. - - - -	246

ПОКОЯЩІЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦЪ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

I.

Упѣщанія къ дѣтямъ.

Составте, любезныя дѣти! главное ваше упражненіе изъ почнаго наблюденія шѣхъ должностей, копорыми вы обязаны всевышнему Существу. Вѣрше, что на семъ основано все ваше блаженство. Храните свято сіи должности, какъ предъ очами свѣта, такъ и въ уединеніи вашемъ! Страхъ Господень да будетъ основаніемъ всѣхъ вашихъ дѣяній. Не ищите никогда, по какой бы по причинѣ ни было, разрѣшить себя отъ такой обязанности, которая сколько справедлива и сколько нужна. Совершеннѣйшимъ блаженствомъ, сладчайшимъ покоемъ и величайшимъ удовольствіемъ духа тогда шокмо наслаждаться будете, когда послѣдуете спасительному сему ученію; тогда шолько, говорю, сохраните честь вашу чисту и непорочну. Любовь и почщеніе къ вамъ отъ всѣхъ честныхъ людей, даже уваженіе и отъ самыхъ порочныхъ, всюду слѣдовашь будущъ

за вами, когда вы поступать будете по шѣмъ первымъ должностямъ и предписаніямъ премудрости и благоразумія, какія даетъ намъ опкровеніе; тогда получите вы епособность съ надежнымъ успѣхомъ умѣрять самихъ себя и свои спраши, и во всемъ поведеніи наблюдать умный поступокъ. Вы опдалише тогда опъ себя нищету и скудость, неизбежныя сіи испочники шолкихъ искушеній ко злу; и не прикоснуся тогда къ вамъ ни злощастіе, ниже шѣ болѣзни, въ какія ввергающъ людей гнѣвъ, неумѣренность и другія безчисленныя спраши. Будьте швердо увѣрены, что ежели пребудеть въ васъ навсегда страхъ Божій, то и сѣмъ сей будешъ для васъ счастливымъ пребываніемъ, и что еще безконечно того больше, награжденія сіи изливашься на васъ будущъ и въ самой вѣчности.

II.

Не забывайше ни на малѣйшее время шой спрожайшей вѣрности, какою вы обязаны своему Государю. Ничто не можешъ васъ разрѣшитъ опъ сей должности; ибо законъ, благосостояніе общества, въ коемъ вы живете и частная ваша польза пребующъ опъ васъ онаго.

III.

Власнямъ и начальникамъ вашимъ оказывайше должное почшеніе и свою подчиненность. Съ шѣми, кои въ разсужденіи соспоаяія ихъ вамъ равны, обходитесь съ

ша-

шакоюжѣ учпивоcтiю , какой бы вы сами опѣ ихѣ попребовали ! благоcтѣ , cнiсхожденiе и челоуѣколюбiе да cоcпавяшѣ поcтупокѣ вашѣ cѣ тѣми , кои cоcпоянiемѣ cвоимѣ васѣ ниже ; крошотѣ и чечнiоcтѣ возбуждающѣ кѣ намѣ любовь и почтенiе вѣ cердцахѣ другихѣ , какѣ какѣ напрошивѣ шого , гордотѣ и надменотѣ не токмо подвергаютѣ наcѣ презрѣнiю , но ещѣ cверхѣ шого навлекающѣ на наcѣ много злодѣевѣ . Ибо всякѣ опѣ природы какѣ разположенѣ , что онѣ лучше все cнecетѣ cпокойнымѣ духомѣ , токмо не презрѣнiе и гордотѣ . Помните всегда , что природа и благодатѣ вcѣхѣ людей между cобоу cравняли ; и что , хошя между ими и полагаешя какое различiе , и хошя вѣ гражданскомѣ общечcтвѣ нѣкошорый родѣ подчиненнотѣ и нуженѣ : однакожѣ cѣ неравенcтво никоимѣ образомѣ не оправдаешѣ наcѣ вѣ шомѣ , ежели мы оcпавимѣ должное кѣ другимѣ почтенiе ; какѣ какѣ оножѣ не обязываешѣ другихѣ оказывашѣ кѣ намѣ уваженiе , когда мы cами взаимно исполняшѣ шого не хошимѣ .

IV.

Начинашѣ cколько можно ранѣе размышляшѣ о cмерпи ! cакая мыcль будешѣ имѣшѣ благополучное влiянiе во вcѣ ваши поcтупки . Она васѣ научишѣ разсуждашѣ о cмерпи cпокойнымѣ духомѣ , и не ужacашѣ оной при cомомѣ ея приближенiи .

V.

Впечатлѣйте глубоко въ души ваши сію истинну, что Богъ поставилъ васъ въ свѣтъ не съ тѣмъ, чтобы вы жили шокмо праздно и безъ всякаго дѣла. Онъ хочеть паче, дабы каждый человекъ упражнялся въ шакихъ дѣлахъ, копорыя бы клонились во первыхъ къ собственному его спасенію, потомъ ко благу человѣческаго рода вообще и каждого въ ономъ сочлена, а наконецъ къ снисканію себѣ всего попребнаго къ человѣческой жизни. На сіе шо особенно должны вы обратишь все свое вниманіе. Убѣгайте праздноспи, яко плодовишой матери всѣхъ пороковъ, и яко обильнаго испочника всякаго зла и бѣдности! думайте, что разумное упражненіе дѣлаеть вамъ честь, и что тѣ, копорыя жизнь свою влекутъ въ поносной праздноспи, подвержены презрѣнію всѣхъ разумныхъ. Помните припомъ, что вы безъ шруда не можете имѣть пропашаія, и что сія самая нужда привлекаеть васъ къ прилѣжному въ дѣлахъ упражненію. Слѣдовательно принимайте за свое дѣло съ охотою. Исполняйте свою должностъ по совѣспи и безъ малѣйшаго упущенія, за что и Богъ не оставишь васъ своимъ благословеніемъ. Не выпускайте изъ мыслей своихъ шого никогда, что вы должны будете дать опчетъ въ своемъ времени! и спарайте его препроводить такимъ образомъ, чтобы употребленіе онаго все-

выш-

вышнему Существу было пріятно, людямъ полезно и вамъ самимъ спасительно.

VI.

Паче всего испышывайте себя тщатель-
но, прежде нежели опредѣлите себя къ извѣ-
стному какому роду жизни и званію. Не по-
спушайте въ помѣ слѣно не посовѣщавъ
прежде съ такими людьми, которые по сво-
ему проицанію и искусству въ соспоиіи
дашь вамъ хорошій совѣшъ. Разбирайте
припомѣ, не токмо ваши склонности, но и
шакожъ разсмашривайте прилѣжно, имѣете
ли вы шакія дарованія и шакое расположе-
ніе вашего шѣла, какихъ пребуешъ соспо-
ніе, коему вы себя посвяшите хотите. Но
сего еще не довольно. Не принимайте на
себя никогда шакое званія, съ кошорымъ
не будупъ соединены слѣдующія два каче-
ства: по ешъ во первыхъ, чшобъ оно было
пришпойно и позволительно, а во вторыхъ
чшобъ оно было шакже полезно и подавало
вамъ довольное проишпаніе. Ешшли вы еди-
ножды выборъ свой сдѣлаете: по пребывай-
те на всегда посшоянны въ шомъ родѣ жиз-
ни, за какой вы взялись произвольно. Онъ
ешъ для васъ ша цѣль на земли, кошорой вы
достигнушь всячески спарашья должны. Не
успрашайшесь никакихъ препяшшвей, какія
бы съ вами въ семъ нуши ни могли случашь-
ся. Они легко преодѣлываются крошестію

духа, перпѣніемъ и неослабною, но усугубляемою ревностію въ наблюденіи своей должности, и въ исправленіи своего дѣла.

VII.

Посвящите себя тому званію, которое вы на себя принимаете. По страху Божию да будетъ оно первымъ для васъ предметомъ. Спайтесь по возможности оказать себя въ ономъ. Благородною ревностію достигнете легко сего конца, безъ котораго ничего добраго не дѣлается въ жизни. Спайтесь ежедневно о распространеніи вашего знанія, и о приобрѣтеніи себѣ истинныхъ достоинствъ. Паче всего берите нужное время на ваши труды; убѣгайте шорпливости; пріучайте себя къ размышленію; ибо одно шокмо неослабное прилѣжаніе и собственное разсужденіе дѣлаютъ наше ученіе прямо полезнымъ. И въ самоналѣйшихъ дѣлахъ наблюдайте шочность и нѣкоторой порядокъ! ешлы хотите, чшобъ чшеніе книгъ приносило вамъ истинную пользу, шо должны вы съ великимъ благоразуміемъ различать въ нихъ самополезнѣйшее отъ бесполезнаго. Пачежъ всего не пропускайте мимо ничего шакого, чего вы основашельно не разумѣете. Помните при семъ, чшо въшренность и легкомысліе дѣлаютъ насъ неспособными къ соблюденію порядка въ дѣлахъ нашихъ, и къ достиженію основашельности. Люди зараженные

сими слабостями подобны прожорамъ, копорые, когда ѣдятъ жадно, хотя наполняютъ желудокъ, но шѣмъ же самимъ препяшшвуютъ сваренію въ ономъ пици.

VIII.

Прежде нежели вступите въ какую службу, испытайте себя во первыхъ, имѣете ли вы способность, вкусъ и склонность, копорыя необходимо пребующся къ опправленію ея такимъ образомъ, какимъ повелѣваете честь и обязываетъ совѣсть? Во вшорыхъ хопите ли вы съ прилѣжаніемъ и почностію исполнять всѣ шѣ дѣла, копорыя налагаешъ на васъ избираемая вами служба? Естли примѣшите въ себѣ недостатковъ обѣихъ сихъ вещей, или хотя одной изъ оныхъ: то лучше не беритесь за искомую вами службу; ибо въ прошивномъ случаѣ, неуваженіе, спыдъ, общая хула, да и самая потеря душевнаго вашего покоя были бы неизбѣжимымъ шого слѣдствіемъ. Оспавайтесь лучше въ прежнемъ вашемъ соспоянніи, не вснупая ни въ какую службу, вы въ немъ можете пакже быть счастливы. Ибо многіе оспающся честными и почшенными до шѣхъ поръ, пока они не вснупаютъ ни въ какую службу. Естлижъ кому вздумаешся искашь себѣ знашнихъ чиновъ, и играшь ролю на театрѣ пространнаго свѣша безъ пошребныхъ къ шому дарованій; то не рѣдко случается, что чрезъ сіе са-

мое явными дѣлающа неспособность его къ тому и всѣ недоспашки; и симъ образомъ выходишь наружу то, чегобъ свѣшъ, не имѣя къ тому случая, и не примѣшилъ; а попому и не имѣлъ бы къ намъ того великаго презрѣнiя, кое мы, вступивъ безъ дарованiй въ службу, навлекли на себя сами.

IX.

Убѣгайте рачительно большаго разсѣянiя вашихъ мыслей. Вооружайтесь и ограждайте себя прошиву соблазна похотливой и праздной жизни; къ чему въ наши времена споль много приманокъ. Излишняя нѣга есть гробъ наукъ, трудолюбiя и благородной ревности. Она разоряетъ природныя наши дарованiя, портитъ наше сложенiе и наше здоровье. Она сводитъ насъ съ прямаго пути, и ко всякому важному дѣлу дѣлаетъ насъ неспособными, и что горше всего, приводитъ насъ въ несостоянiе дашь Богу опчетъ въ употребленiи нашего времени. Она заводитъ насъ въ своевольныя, пагубныя, а часто и наказанiя достойныя издержки, и препяшпвуетъ доставать себѣ полезными трудами нужное пропитанiе. Она была и есть единственныи источникъ упадка и совершенной гибели цѣлыхъ семействъ.

X.

На труды ваши употребляйте опредѣленные къ тому часы. Одна часть вашего времени посвящена бытъ должна на служенiе Богу;

Богу; другую часть онаго пребудушѣ себѣ шѣ должности, какія налагаетѣ на васѣ ваше званіе, и къ какимѣ обязываетѣ васѣ пріятное обхожденіе съ вашими родственниками, друзьями и съ прочими людьми знаменитыми своими заслугами къ обществу. Не будьте переменны въ послѣдованіи шѣхъ правилъ, какія вы себѣ въ семъ случаѣ предписали единожды, и не опшупайте ошѣ оныхъ никогда безѣ крайней необходимости. Паче всего убѣгайте лѣности; она дѣлаетѣ насѣ неспособными ко всѣмъ хоршимъ и похвальныхъ упражненіямъ; она погашаетѣ въ насѣ всю ревность къ добрымъ дѣламъ, и поставляетѣ непреборимыя препяшшвія въ произведеніи въ дѣйствіе изящнѣйшихъ нашихъ предпріятій.

XI.

Чтеніе добро и полезно; оно исправляетѣ нашѣ разумъ шѣмъ превосходитѣе, чѣмъ бо- лѣе его обогащаетѣ нужными познаніями; однакожѣ въ книгахъ имѣшь должно хоршой выборѣ. Убѣгайте такихъ, копорыя въ разсужденіи закона и нравоученія писаны вольно и соблазнительно; равнымъ образомъ и ша- кихъ, копорыя содержатѣ въ себѣ любовныя и непристойныя скаски; первыя изѣ сихъ сердце, а послѣднія, шо есть романы, удобно могушѣ склонять къ разнымъ слабостямъ и хоршо воспитанныхъ людей. Дѣвицы осо-

бемно воздерживашься должны отъ беспре-
спаннаго чпенія ; ибо настоящая ихъ долж-
ность состоишь въ томъ , чшобъ отпра-
вляшь домашнія дѣла, и занимаешь такими
шудами , кошорые приличны ихъ полу.

XII.

Спирайшесь заблаговременно пріобрѣстъ
себѣ на всегда хорошее имя , чему удобнѣйше
способствовашь вамъ будешъ хорошее и ум-
ное поведеніе. Вѣрше тому , что уже много
выиграно , ежели первое наше всшупленіе въ
свѣшъ сопровождаемо будешъ уваженіемъ къ
намъ отъ нашихъ согражданъ ; первое сіе
впечатлѣніе пребываетъ и не скоро заглаж-
дается. Ешлы же сначала узнаюшь васъ
съ худой стороны , и при всшупленіи въ свѣш-
ское обращеніе дурно себя поведете , то
много времени пребуешся къ тому , чшобы
заслужишь въ публикѣ выгодной объ васъ
опзывъ , и можешъ бышь тогда уже щце-
пны будупъ всѣ ваши шарамія прилагаемыя
къ досшиженію сего конца.

XIII.

Прямой разсудокъ и здравой разумъ
да располагаюшь и управляюшь вашими дѣ-
лами , вашимъ ученіемъ , вашимъ поведеніемъ
и всѣми вашими упражненіями. Сильныя дви-
женія вспылчиваго и живаго душевнаго свой-
ства приводяшь людей къ ужаснымъ заблуж-
деніямъ. Умѣрайше убо первыя волнованія
вашего

вашего воображенія , и прошивуполагайте онымъ медлительность разсужденія и разсмотренія. Ктожъ съ излишкомъ ошдается стремленію своей живоспи , тотъ чаще бываетъ подверженъ грубымъ погрѣшностямъ , нежели тотъ , кто меньше имѣетъ въ себѣ жару , и больше хладнокровенъ.

XIV.

Чтобъ жить счастливо въ свѣтѣ , и чтобъ сохранишь свою невинность и правоту сердца : то для сего нѣтъ никакой нужды спремительно гоняшься за счастіемъ. Неумѣренное желаніе богатства приводитъ людей въ тысячныя искушенія , и запусываетъ ихъ въ опасѣйшія сѣни. Часто оно бываетъ печальнымъ предвѣстникомъ бѣдности , стыда и презрѣнія. Ктожъ довольствуется среднимъ состояніемъ , тотъ подверженъ меньшимъ несчастіямъ. Почему не смотри на тѣхъ завидливо , которые васъ богаче. Если вы хотите жить довольны вашимъ состояніемъ : то мыслите , что вы еще гораздо счастливѣе тысячи другихъ людей , которые однакожъ несравненно васъ лучше.

XV.

Учись узнавать совершенно имѣніе ваше и силы , дабы могли вы впредь расположить по онымъ все ваше поведеніе.

XVI.

XVI.

Въ какомъ бы вы положеніи ни были, не опшваживайшесь никогда дѣлашъ шакихъ расходовъ, копорые превышающъ ваше имущество и вѣрныя ваши доходы; но еще паче ограничивайте себя шакъ, какъ будто бы по спрогому показанію вашего ума имѣли въ чемъ нужду. Спарайшесь кѣчто скопиль, чѣмъ бы вы могли облегчать несчастіе другихъ и вамъ самимъ помогать въ старости, въ копорой болѣзни слабость дѣлаешъ насъ неспособными къ шѣмъ трудамъ, коими бы могли мы что нибудь выработашъ. Прежде нежели предпримете что нибудь важное, шо исполните напередъ Евангельское ученіе! *сядьте и сдѣлайте счетъ, сколько ли у васъ имѣнія, чтобъ вы безъ преда себѣ могли издержать изъ онаго столько, сколько захотѣли?* Чрезъ сіе самое избѣжите бѣдности, шой злой совѣшницы и обильнаго испочника тысячи искушеній, копорая презрѣніе къ вамъ сдѣлаешъ шѣмъ поноснѣйшимъ, ештли вы должны будете укорять себя ею, яко слѣдшвіемъ порочнаго вашего поведенія. Не соблазняйшесь никогда примѣрами для юности, въ копорой люди не привыкли еще разсуждашъ; они болѣе всего заразительны. Не берите себѣ въ голову подражать шѣмъ, копорые лучше васъ живущъ и наряднѣе ходящъ. *Дожная, хошя и обыкновенная опшго-*

воржа,

ворка, что они равнаго съ вами состоянія, не можешъ васъ извинить въ томъ ни мало. Думайте всегда, что шѣ, у коихъ вы перенимаете хопите, вѣроятно васъ богашѣе, и чрезъ то прежде васъ сдѣлались въ состояніи играть въ свѣтѣ значнѣйшую роль. Ежелижъ напрошивъ того преимущественное ихъ предъ вами щегольство и распоченіе не будетъ поддерживаемо соразмѣрнымъ имъ богатствомъ и шекущими, такъ скажутъ, къ нимъ приходами : то вѣрно заключишь можете, что они шѣмъ же самимъ способомъ, какимъ себѣ искали важности и великости, заранѣе приутошворяли себѣ погибель. Поспигнешъ ихъ раскаяніе, посшдыное раскаяніе, какого вы разумною бережливостію конечно избѣжашъ можете. Считайте за неоспоримое основаніе то, что не безразсудная пышность, но добродѣпель и мудрость снискиваютъ вамъ неизмѣняемое уваженіе. Всѣ прочія пути къ доспигенію основательной славы ненадежны и опасны. Распоченіежъ изъ всѣхъ ихъ посмѣяннѣе достойнѣйшее. Языкъ только льстивыхъ прославляетъ распочителя; а всякой разумной челошкѣ считаешъ его за глупца, слѣпца и неспособнаго ни къ чему члена въ обществѣ. Ибо какъ можешъ съ успѣхомъ ошправлять государшвенныя дѣла шомъ, кто не умѣетъ владѣть порядочно собшвеннымъ своимъ имѣніемъ ?

 XVII.

Играйте въ карты мало, или, что еще лучше, совсѣмъ не играйте. Съ карточной игрою необходимо связана потеря дражайшаго времени. Она часто полагаетъ величайшія препятствія существеннымъ нашимъ должностямъ. Клябвы, раздоры, злоба, вѣтренность и бѣдность суть какъ обыкновенныя, такъ и разорительныя слѣдствія карточной игры. Она есть какъ бы опасной морской камень, о который часто и швердой корабль поспояншва разбивается.

XVIII.

Убѣгайте скупости. Скупой въ человеческомъ обществѣ есть прямое чудовище. Но столь же много берегитесь отъ противнаго ей порока распоченія (§ XVI). Одинъ только дуракъ великодушнымъ дѣлаетъ шаковую перемѣну и бываетъ порочнымъ, думая слѣдовать добродѣтели. Наблюдайте между сими двумя уклоненіями благоразумную средину. Оспорожность да будетъ предводительницею въ вашихъ поступкахъ; и не дѣлайте никогда шакихъ расходовъ, которые бы не соотвѣтствовали съ положеніемъ и обстоятельствомъ, въ какія поставишь васъ провидѣніе благоволило.

XIX.

Не дѣлайте того для себя необходимымъ, безъ чего обойтись можете. Частое

стное употребленіе излишнихъ вещей пре-
 обращаетъ ихъ въ необходимую надобность.
 Слѣдовательно будише довольны малымъ :
 чрезъ что будете счастливые ; ибо такимъ
 образомъ будешъ для васъ меньше нуждъ ;
 а чѣмъ меньше оныхъ будешъ , тѣмъ удо-
 биѣе удовлетворишь имъ можете.

XX.

Припомните еще , что кромѣ наказанія
 заслуживающихъ расходовъ , естъ изъ нихъ
 два рода такихъ , копорые ограничить на-
 добно ; понеже они чрезъ ежедневное ихъ
 повтореніе нечувствительно въ конецъ раз-
 зоришь васъ могутъ. Къ первому роду при-
 надлежитъ примѣчаемая нынѣ вездѣ пыш-
 ность въ споуѣ. Естли вы споловыя ваши
 издержки хоть мало возвысите больше обы-
 кновеннаго , то чрезъ сіе и въ одинъ уже
 годъ припши можете въ великую разспройку.
 Расходы втораго рода , копорыхъ вы совсѣмъ
 убѣгашь должны , состоятъ въ собираніи не-
 надобныхъ вещей. Не покупайте ничего ,
 безъ чего обойтись можете ! паче всего уга-
 шайте желаніе къ мѣлочамъ ; ничто такъ
 не испощаетъ нашего кармана , какъ охопа
 до бездѣлокъ , какъ бы онѣ дешево ни поку-
 пались , однако все дорого ; ибо нѣтъ ничего
 извѣстнѣе , какъ что шеряемыя на ненадобное
 деньги весьма дороги.

XXI.

Сколько можно берегись отъ долговъ, и ненавидьше ихъ всѣмъ сердцемъ. Они такая язва, которая непримѣнно пробѣдаетъ до костей, и чрезъ умноженіе процентовъ со дня на день становится опаснѣе. Во время займу хопя всякъ обѣщается порядочно плащить проценты: но часто встрѣчающа ся шакіе противные случаи, которые расстроивающъ все наше предпріятіе. Между тѣмъ занятая мами сумма часъ отъ часу растетъ, а съ ея умноженіемъ исполненіе нашихъ намѣреній становится всегда тяжелѣе. Какіяжъ изъ того слѣдствія? Должно взойши въ новые долги, чшобъ заплащить нарощіе старыя проценты; и ежели кому дойдешъ дѣло ужъ до сего, то шакоего погубель блиска. Терпѣніе нашихъ заимодавцевъ для насъ тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ оно долъ. Имъ только споишъ выговорить, чшо они долъ вѣришъ вамъ не хопящъ: но вы уже подвержены всѣмъ печальнымъ изъ того слѣдствіямъ. Осерегайтесь убо отъ несчастія, прежде нежели принуждены будете спонать отъ онаго. Ограничивайте свои расходы сколько можно больше. Человѣкъ никому не долженъ живешъ совершенно спокойно. Никшо не можешъ нарушить его удовольствія; онъ пользуется своимъ имѣніемъ въ шипинѣ, и наслаждается плодами своего шрудолюбія въ непрерывной радости; сладчайшая его слава естъ имя честнаго человѣка.

 XXII.

Не ручайтесь ни по комъ, какъ бы васъ неопспуно о шомъ ни просили, надлежишъ вамъ бышь довольно швердымъ шому вопроши-вишься. Поручительства хошя и служишъ доказательствами искренней довѣренности, но онижъ бываюшъ часто развореніемъ цѣ-лыхъ семействъ. Они продолжаются столь долго, какъ и самой долгъ, по которому они служишъ вмѣсто заклада. Мы часто по-забываемъ про нихъ и сами.

Продолженіе будетъ шпредь.

II.

Р Ъ Ч Ъ.

КЪ МОЛОДЫМЪ ДѢТЯМЪ.

О пшборѣ друзей.

По какой причинѣ, Екклезіастъ на-рочно совѣтуешъ намъ оберегаться друзей своихъ? для чего лучше не научаешъ онъ насъ средству, чрезъ которое бы мог-ли мы предупреждать злые умыслы вра-говъ своихъ, и опшрацаешъ ихъ нападки? унайше причину сего совѣта, подаваемого са-мою премудростію. Онъ не повелѣваешъ намъ опшерегаться опъ непріяшеля, ибо, его, гово-ришъ онъ, должны мы убѣгашъ; мы естествен-но его убѣгаемъ, и онъ наконецъ шѣмъ для насъ безопаснѣе, что мы уже почишаемъ его опаснымъ: но онъ хочешъ, чтобы мы опше-

регались друга. Для чегожъ бы это? для того, что природа насъ влечетъ къ нему, что мы приближаемся къ нему съ довѣренностію; и сіе шѣмъ для насъ опаснѣе, что мы считаемъ оное безопаснымъ.

Но должныли равно не довѣрятьшъ пому и другому? и не лучшели бы было, по слову перваго Римскаго Императора, быть однажды жершвою своихъ друзей, нежели всегда къ нимъ быть недовѣрчиву? такъ, не должно имѣть довѣренности къ обоимъ; но съ различіемъ времени и обстоятельствъ. Не довѣряйте вашимъ врагамъ, когда вы ихъ имѣете, и вашимъ друзьямъ, когда ихъ хотите имѣть, чтобы впредь вы могли жить съ ними безъ опасенія. Выбирайте друзей, съ коими бы вы могли навсегда быть, и опъкоихъ бы никогда не были принуждены осшерегаться.

О сихъ шо предосторожностяхъ въ выборѣ друзей, молодые люди! я намѣренъ нынѣ вамъ говорить. Сія матерія шѣмъ важнѣе, что вы въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ наипаче стремяшся къ сшисканію дружества, и имѣютъ способность къ пріобрѣшенію онаго; ибо хотя дружба и каждому возрасту сродна; но вамъ болѣе всѣхъ. Она раждаешся съ младенчества, а какъ она тогда еще слаба по причинѣ нѣжныхъ лѣтъ бываешъ, и пишашся шолько сладостію и пріятностію, шо малѣй-

малѣйшей досады довольно къ уничиженію ея при самомъ рожденіи. Она бываетъ поспояннѣе въ среднихъ лѣтахъ: но союзъ сей болѣе необходимосць, нежели желаніе, болѣе польза, нежели склонность сопрягающъ. Дружба пребываетъ даже и въ самой старости; сей возрастъ, въ коемъ всѣ страсти плесныхъ силъ уже умаляются, хранишь ее только по нуждѣ, какъ древо согбенное лѣтами покоится на подпорахъ своихъ; однако сокъ дружбы иссыхаетъ въ одно время съ разсудкомъ, и становится скучнымъ и помнымъ. Но какъ молодымъ людямъ она ничего не приноситъ кромѣ забавъ, то они и ищутъ ее съ большимъ жаромъ, нежели всякой другой возрастъ жизни.

Иногда случается имъ то, чего можно было избѣжать, но они не старались; пошому что мы въ такихъ лѣтахъ болѣе имѣемъ наклонности къ дружбѣ, но менѣе вниманія къ выбору себѣ друзей. Отъ чего и происходитъ, что сообразность разсудковъ и вкусовъ, подающая поликую выгоду равнымъ между собою людямъ, дѣлается часто бѣдственной ошъ нашего неразумія.

Для сего то я почелъ за приличное поговорить съ вами при вступленіи своемъ о выборѣ, который должно дѣлать въ своихъ друзьяхъ, и показавъ вамъ: *первое*, что каждому юношѣ всего легче ошибиться въ

семь выборов; второе, что ничего и быть опасно сей ошибки. Я постараюсь так ясно показать обь сии истинны, что вамь легко будеть уразуметь, колико предосторожностей пребудеть выборь друзей, и сколь нужно такое избирание. Здесь не будеть ни тонкоостей Философическихъ, ни вишійства Орашорскаго, но простыя изреченія наиболѣе соответствующія нашему намѣренію и вашей пользѣ составляють будущь рѣчь нашу.

Большая часть сочинителей, писавшихъ о сей маперіи, не безъ довольныхъ причинъ утверждають, что выборь друзей имѣетъ великія затрудненія, и что оный нерѣдко зависитъ отъ случая, какъ и отъ благоразумія.

Полагаемая ими тому причина состоитъ въ томъ, что между безчисленнымъ множествомъ людей родившихся къ общежителству малое токмо число годно къ дружеству. Я не намѣренъ возставать противъ сего мнѣнія, да и въ самомъ дѣлѣ много такихъ людей, кои или по природѣ, или по воспитанію бывають либо мало достойны быть любимы, либо несродны любить. Но какъ здесь неидеть дѣло о пріобрѣщеніи во всемъ совершеннаго друга, но единственно о удаленіи отъ себя людей опаснаго обращенія; то я смѣло скажу, что ошибка въ
выборѣ

выборѣ происходитъ не столько отъ случая, сколько отъ неразумія. Погрѣшность сія весьма обыкновенна шеперещимъ вашимъ лѣшамъ, отъ того ли, что молодые вольницы любяшъ васъ обольщаю и обольщаюшъ, или отъ того, что вы сами любите бытъ отъ нихъ обольщены?

Такъ, государи мои, имѣ пріятно васъ обольщаю. Ибо не думайте, чтобъ развращенные юноши дружились только съ подобными себѣ; напрошивъ того они жадно ищутъ обращенія и съ тѣми, въ коихъ царствуютъ правда, разумъ и непорочность нравовъ. Подобно какъ хищные вороны и ястребы, кои не всегда кидаются на смрадную и вонючую мертвечину, но лешаютъ также и около тихихъ голубицъ, кружась въ воздухъ и играя своими крыльями, ловяшъ они беззащитныхъ птицъ, спускаются на нихъ съ быстрымъ полетомъ, и расперзавъ прекращаютъ невинную жизнь ихъ въ когтяхъ своихъ! шакіе вольницы, о коихъ мы говоримъ, отдѣляются иногда отъ безчестнаго спада своихъ друзей, уповающихъ съ ними въ роскошахъ и сладострастіи, для прилѣпленія къ тѣмъ, кои имѣютъ крошкіе и невинные нравы. Кажется, что будто уславши отъ развращенной своей жизни, хотяшъ они наконецъ вступить на путь благоповеденія; но они дѣлаютъ по совѣмѣ

не съ тѣмъ намѣреніемъ, а съ другимъ. Они стараются покрыть позоръ свой славою тѣхъ, коихъ приобрѣли дружбу, ради удобнѣйшаго развращенія тѣхъ, къ коимъ они прилѣпляются; они не стыдясь иногда показывались даже и добродѣтельными. Дражайшая невинность! они себя обманываютъ. И сіе тѣмъ для нихъ удобнѣе, что они обманываютъ себя подъ видомъ любви. Новая приманка къ обольщенію, коей шрудно прошивусюся!

Ибо обыкновенно мы охотно считаемъ достойными похвалы тѣхъ, отъ коихъ оную получаемъ: равнобрюжъ безъ шруда находимъ сподобными дружбы и тѣхъ, о копорыхъ думаемъ, что они насъ любяшъ. Это опасный оборотъ самолюбія; оный не позволяешъ намъ вникашъ въ свойство людей намъ ласкающихъ, опасаясь возненавидѣть тѣхъ, отъ коихъ считаемъ себя бышъ любимыми.

Прибавьте къ шому и шо еще, что многіе молодые люди даже и хорошихъ нравовъ имѣюшъ въ себѣ нѣчто такое, что ихъ сполько же влечетъ бышъ обманушыми, сколько другіе любяшъ ихъ обманывать. Несмѣя сами впасть въ пропасть, они желаютъ, чтобы другіе ихъ шуда низвергли. Когда же послѣ шого спанушъ упрекашъ имъ въ развращеніи; тогда въ оправданіе свое скажушъ они, что они не сами развращились,

но что другіе ихъ до того довели, что другъ ихъ упросилъ, что они совсѣмъ не спарались знать, куда онъ ихъ хотѣлъ вести, что они долго спрошиваясь и что наконецъ въ ихъ поступкѣ меньше пресупленія, а больше заблужденія. Не такое ли состояніе большей части чинашелей моихъ? Слѣпой и дерзкой ихъ выборъ въ друзьяхъ не заспавляетъ ли иногда думашь, что естлибъ они не любили заблужденія, служащаго имъ въ извиненіе, то нежелалибы предускорить онаго.

Ибо среди сего множества юношей, встрѣчающихся съ вами въ домахъ и публичныхъ веселостяхъ, кои не всегда бывають примѣрами благоразумія, принимаете ли вы какую предоспорожность въ выборъ шѣхъ, коихъ вы хошите имѣть себѣ друзьями? Лишь встрѣпится съ вами кто нибудь изъ шаковыхъ, коего вы не знаете и имени, и едва знакомы по лицу, а ни мало по свойству, и вы его уже любите при первой встрѣчѣ, не имѣвъ еще случая разсмотрѣть, что болѣе всего заслуживаетъ въ немъ ваше вниманіе. По непоняшней склонности вы другъ къ другу приближаетесь, начинаете разговаривать; съ обѣихъ сторонъ учтивости, представленіе услугъ, свидѣшельства дружбы, словомъ, ни что не забыто. По разлученіи скоро опять встрѣчаетесь. Больше сего уже и не надобно. Вы шомчасъ дѣлаете себѣ другомъ того,

который едва еще спалъ вашъ собесѣдникъ. Ахъ! государи мои! развѣ вы не знаете, что первый законъ въ разсужденіи союзовъ, состоитъ въ недопущеніи на случай шѣхъ, кои въ случаѣ намъ предсавляеюшъ, и въ неслѣдованіи въ нашихъ склонностяхъ однимъ впечатлѣніямъ природы? Ибо сіи природныя чувствованія благосклонности, испытываемыя нами въ пользу незнакомыхъ намъ людей, сіи чувствованія по большой части слѣпы и весьма обманчивы для шѣхъ, кои однимъ только имъ внимаюшъ, когда съ одной стороны нѣкоторое природное опшращеніе часно удаляетъ насъ отъ шѣхъ, кои непорочны, вѣрны, справедливы и всѣ другія добродѣтели въ себѣ имѣюшъ: то съ другой мы находимъ себя влекомыхъ простымъ побужденіемъ природы къ шѣмъ, кои выключая нѣкоторыхъ ни къ чему служащихъ пріятностей не имѣюшъ ничего истинно достойнаго почтенія. Что я говорю? Оныя влекушъ насъ къ людямъ, кои еспьлибъ показали себя почно таковыми, каковы они еспь, но мы увидѣли бы ихъ исполненными пороковъ болѣе, нежели сколько намъ для изгнанія ихъ изъ нашего сообщества было пошребно. Станемъ внимать природѣ, но разсудокъ да управитъ движенія оныя; чшобъ одна насъ побуждала, а другой бы руководшвовалъ. Однимъ словомъ, чшобъ природа призывала дружбу, а разсудокъ бы ушверждалъ оную.

Видя

Видя тебя прилѣпившагося на нѣсколько дней къ одному изъ своихъ сверстниковъ, всевозможно часто его посѣщающаго и раздѣляющаго съ нимъ всѣ свои забавы, спрошу я тебя: какъ могла сдѣлаться между вами столь скорая и столь искренняя дружба? ты скажешь, мы вмѣстѣ учимся. Сильная причина къ взаимному согласію! но какого рода сіи ученія? — Честнѣйшаго. — Я тому вѣрю. — Мы оба любимъ разговаривать съ своими поварищами. — Очень хорошо. — Онъ любитъ чтеніе хорошихъ книгъ, и я въ томъ же нахожу удовольствіе. — Весьма изрядно. — Но въ другихъ вещахъ одинаковы ли ваши вкусы? — Мы еще о томъ ничего не говорили. — Ты о томъ съ нимъ ничего не говорилъ; и такъ ты предался ему безъ оспорожности! что скажешь ты тогда, еслили пишашъ онъ въ сердцѣ своемъ сѣмя всѣхъ пороковъ? еслили онъ скрываетъ смертоносный огонь подъ обманчивымъ пепломъ? Еслили онъ лишенъ всякаго чувствованія закона и добродѣтели? еслили рѣчи его лаская слуху оскорбляютъ благоприспѣшность, еслили читаемыя имъ книги спольже исполнены бѣдспвенными наставленіями къ сладострастію, сколь славятся красотою своего слога: не должноли было не вступая еще съ нимъ въ столь шѣсный союзъ извѣдать о томъ его мысли. И такъ вшорый законъ дружбы состоитъ въ томъ, чтобъ не предаваться никому безъ разсмотрѣнія, по

нѣкошорому только сходству вкусовъ или честиныхъ склонностей; ибо онѣ могутъ соединены быть съ другими, кои совсѣмъ поному прошивны.

Припомѣ весьма нужно оберегаться впечатлѣнія природными дарованіями или нѣкошорыми наружными шокмо пріятностіми чрезъ видѣ, одежду и украшенія производимаго, кои представляясь съ искусствомъ бывающъ иногда весьма способны къ оболъщенію. Такъ, государи мои, пріятности особы, блескъ красоты, чистота въ платьѣ, все сіе ослѣпляя глаза, легко проникаетъ въ сердце; а особливо когда при шакowychъ наружностяхъ бывающъ еще веселаго нрава, вкрадывающагося въ свойства, тогда безчисленное множество тайныхъ чувствованій благосклонности немедленно раждающъ удивленіе. Бѣдственное очарованіе! сіи пріятности шѣла и разума не всегда показываютъ чистые и невинные нравы. Чашо бываетъ, что безъ шщанія и безъ непрерывныхъ попеченій юноши помрачашъ многими пороками сіяніе благихъ даровъ, полученныхъ ими отъ природы. Гордостъ надмѣваетъ сердце молодыхъ людей; они никого кромѣ себя не любяшъ и ни о чемъ не думашъ, какъ только, чтобы плѣнять другихъ собою. Однимъ словомъ, сіи драгоценные дары, кои должныбъ быть украшеніями ихъ добродѣтели, дѣлающся источникомъ без-

численныхъ пороковъ. Я осмѣливаюсь сказать, чѣмъ болѣе природа украсила кого любви доспойными внѣшностями, тѣмъ осмотришельнѣе должно быть въ изысканіи его дружества.

Но что это! скажите, не уже ли учпивость и пріятность не спѣишь ни малаго уваженія? Онѣ заслуживаютъ оное конечно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, свеспи съ человѣкомъ дикимъ и глупымъ, грубаго свойства, задумчиваго и печальнаго нрава; какъ свеспи съ такимъ человѣкомъ дружеское обращеніе? и такъ имѣйте уваженіе къ крошкимъ и учпивымъ нравамъ; но чшобы сія вольность въ поступкахъ нераздѣльна была съ невинностію нравовъ, чшобы сіи пріятности въ лицѣ украшены были смыдливіостію, чшобы сія веселость разума была сопровождаема умѣренностію. Сыщите молодаго человѣка украшеннаго сими качествами, но и я скажу вамъ сдѣлайте для себя изъ него друга. Но еще скажу: не принимайте никого въ дружбу не узнавъ напередъ рачительно его нравовъ и свойствъ. Сіе единое правило вразсужденіи дружбы заключаетъ въ себѣ по моему мнѣнію всѣ другія.

Но коль сіе вниманіе, сіе наставленіе о нравахъ шрудно и скучно для шого, кшо любишь и чувствуетъ себя склоннымъ любить! какъ несносно съ шѣмъ, кшо намъ
вра-

нравишься своимъ разсудкомъ и природными своими качествами, долго не вступишь въ дружбу; усмиряешь движенія насъ къ нему влекущія, ищи за нимъ, какъ скажешь, дрожащими стопами, съ сомнѣнiемъ вывѣдываешь его поступки, кои могутъ принудить насъ ненавидѣть того, кого любимъ и когобъ всегда любишь желали! Признаюсь, государи мои, что это несносно; что это жестоко, но полезно и нужно; если вы это презрите, то должны опасаться ошибки въ выборѣ. Когда вы пускаетесь въ дорогу имѣя съ собою значную сумму денегъ, то не будете ли вы осморишельны, въ выборѣ своихъ спутниковъ? Но на что жъ почиашъ за тягость имѣшь равную предоспорожность, когда вы будете обременены тысячекратно драгоценнѣйшимъ сокровищемъ! но будемъ продолжашъ далѣе и скажемъ, что сколько же шрудно сдѣлашь хорошій выборъ, сколько опасно сдѣлашь худой.

Когда сказалъ я, что опасно обманываться въ выборѣ друзей; то не думайте, государи мои, чтобы разумѣлъ здѣсь упадокъ счастья и другія злополучія шаковаго рода, кои суть слѣдствія довольно обыкновеня худымъ обращенiямъ. Въ вашихъ ли лѣтахъ не бояшся сему подобныхъ перемѣнъ? да и непристойно бы было предложить такія причины христіанамъ, кои должны презирашь про-

преходящее и присоединяясь къ тому, что пребываетъ вѣчно. Я говорю только о великой пользѣ вашей оспорожности, и объявляю, что вы отваживаетесь на все, когда обязуетесь дружбою съ молодымъ человѣкомъ, коего нравы и чувствованія развращены. Почему это? Потому что онъ вселитъ и въ васъ собственныя свои страсти и воспрепятствуетъ отъ нихъ исправиться.

Изберемъ юношу добрыхъ нравовъ, я полагаю его изъ васъ, государи мои; онъ жилъ до сихъ поръ, въ благоразуміи, презвостни и чистотѣ; онъ положилъ за правило навсегда слѣдовать одинаковому расположенію поступка; но онъ хочетъ имѣть у себя друга; онъ ищетъ когонибудь, кому бы могъ дѣлать участіе въ своихъ склонностяхъ, въ своихъ удовольствіяхъ, въ своихъ огорченіяхъ: пускай предсавишься молодой человѣкъ, спашной, учивой, пріятной, но неимѣющей религіи и добрыхъ нравовъ. Пускай будетъ между ними столь шѣсный союзъ, что сдѣлается необходимымъ для того и другаго. По истиннѣ дружба не обрѣла ихъ равными, и такъ надлежитъ, чтобы она сдѣлала ихъ такими по пословицѣ, *равность дѣлаетъ друзей*, или *дружба дѣлаетъ равныхъ*. Въ такомъ случаѣ равенство состоянія не столь важна, какъ согласіе нравовъ. Который изъ нихъ по вашему мнѣнію будетъ упра-

управляшь волею и дѣйствіями другаго ; исправитъ ли добродѣтельной другъ развращеннаго ? Вѣрите, государи мои, что вы обманываетесь, когда думаете, что добрый и хорошаго вида виноградъ можетъ привести въ прежнее состояніе виноградъ померявшій свою сочность и цвѣтъ ! а посему и порочный другъ испорчитъ невиннаго друга ; онъ тотчасъ постарается скрыть себя, кто онъ шаковъ, и что мыслитъ. Ибо открывшись можно прийти въ несостояніе вредитъ. Онъ начнетъ сокрытіемъ своего свойства. Онъ ничѣмъ не усрашитъ пужливыхъ глазъ ; онъ ничего не скажетъ, что можетъ досадитъ непорочному слуху ; даже и самое его чело при случаѣ покроется знаками крохотности и снѣдливости. Сему подобными приманками онъ постарается пріобрѣсть его сердце ; онъ отдѣлитъ его иногда отъ его товарищей, и введетъ въ шайные разговоры. Нѣтъ ничего полезнѣе сихъ особенныхъ разговоровъ съ добродѣтельнымъ юношею ; равно нѣтъ ничего бѣдственнѣе съ развращеннымъ человекомъ. Тутъ - по безъ зазрѣнія или съ ложною снѣдливостію открываютъ все спрасти души своей, свои мысли, свои желанія, свои пресупленія ; тутъ - по взаимно дышутъ яда исполненнымъ дыханіемъ ; тутъ по наконецъ все остающееся отъ стыда, благочестія и невинности изпровергаемо бываетъ хитростями одного, и шеряется неразуміемъ другаго.

Съ какою скоростію тогда, съ какою способностію добродѣтельный юноша научается дѣлать злодѣянія! koliko словъ оправою упоенныхъ вмѣщаетъ обольщающій другъ въ тайныхъ своихъ разговорахъ, кои пребудутъ глубоко впечатлѣны въ младомъ сердцѣ! koliko разъ упомянетъ онъ припворнымъ видомъ о ушѣхахъ предословленныхъ юности, и о удовольствіи независимости! сколько разъ поспараетъ онъ прервать свои рѣчи либо для того, чшобъ неустрашить его, или чшобъ возбудить въ немъ любопытство! дошелъ ли онъ до своего намѣренія? Юноша успыдившись тогда незнаія, коего онъ не чувствуешь цѣны, не воспылаешь ли желаніемъ къ принятію такихъ наставленій? Тогда-то пойдушь рѣчи, къ коимъ уши его не были сотворены, и коихъ ему никогда не должно было слушать! эшо такія слова, кои всегда памяшуются, но не такъ легко забываются. Мнѣ спыднѣ было далѣе о семъ и говорить; я опасуюсь даже, чшобъ не обвинили меня въ шомъ, чшо я съ лишкомъ уже далеко проникъ въ подобные сему разговоры, или не мало времени самъ дышалъ симъ яда исполненнымъ воздухомъ. До сихъ поръ однакожъ молодой человекъ напоенъ бываетъ одними шолько правилами безпущства; можно сказать, чшо онъ болѣе несчастливъ, нежели преступникъ. Но скоро, государи мои, скоро онъ будетъ

приглашаемъ къ преступленію чрезъ того, который до сихъ поръ дѣлалъ ему одни только изчисленія удовольствій. Уже сей совѣшникъ роскоши вооружаетъ сердце его развратомъ прошиву страха, и чело его прошиву стыда безстыдствомъ. Уже безславіе, преступленія и самыя ужаснѣйшія дѣйствія получающъ имя невинныхъ забавъ и юношескихъ увеселеній; уже онъ поощряетъ его ко злу, побуждаетъ, подстрѣкаетъ. Что я говорю? возпламеняетъ! сей новой ученикъ роскоши самъ бѣжитъ и ввергается въ преступленія. Это не ищущій уже проводникъ, но самый соповарицъ. Онъ даже усиливается побѣдись и превзойши и учителя своего въ бездѣльничествахъ.

Опытъ не однократно подтвердилъ сказанное шеперь мною. Въ продолженіи жизни чрезъ долгое время непорочно проводимой виданы молодые люди, кои коснувшись устами своими удовольствіямъ роскоши, пожрали ее всю, и предались съ большею жадностію безпушству, нежели шѣ, коихъ своевольство началось съ нѣжнѣйшихъ лѣтъ; подобны будучи малому ручейку, который прервавъ наконецъ съ давняго времени удерживающій его ушесь стремился съ большимъ свирѣпствомъ, нежели шихо текуція рѣки въ широкихъ и глубокихъ своихъ берегахъ, не будучи ошановлены никакимъ препяшвіемъ.

Остановись здѣсь, о юноша! обратишь на спези свои, и осмопри со мною, опколѣ ты низпалѣ! Прежде сей бѣдспвенной дружбы, погубившей тебя, ты не зналъ даже и самаго имени сихъ постыдныхъ пороковъ, теперь тебя безславящихъ, или кои ты хощя и зналъ, но для того только, чтобы ихъ болѣе проклиная! а теперь ты не ограничившись единымъ познаніемъ оныхъ, ихъ боготворишь! прежде сего двусмысленныя слова, ядовитыя насмѣшки тебя опвращали; нынѣжъ ты ревностно ищешь, и съ жадностію поядешь рѣчи дышущія непристойною вольностію. Я зрѣлъ недавно на семъ челѣ, въ сихъ очахъ, на сихъ устахъ чистоту души, изображенную подѣ прелестными чертами непорочности; сія невинная спыдливость сокрылась съ лица швоего, замилась на устахъ твоихъ, и умерла въ швоемъ сердцѣ. И пакъ вопѣ конецъ бѣдспвеннаго сего союза, коего опасныхъ слѣдспвій не можно было скоро предвидѣшь. Счастливъ ты ешьли въ семъ несчастіи остається еще въ тебѣ нѣкопоя надежда вышши изъ таково бѣдспвеннаго соспоянія: но сколь опасно ешьли ты не захочешь прервать сего вреднаго союза, или хощя и захочешь, однако въ шомъ не успѣешь!

По моему мнѣнію ты будешь колеблемъ, ты будешь терзаемъ угрызениями совѣспи. Въ промежуткахъ спрасшей своихъ ты успы-

Часть I.

В

дишься

дишься сего развращенія. Тогда представился воспоминанію швоему по счастливое время, въ которое въ драгоцѣнной невинности душа швоя наслаждалась пріяшнѣйшимъ спокойствіемъ. Ты приведешь себѣ на память чувствованіе сего чиснѣйшаго удовольствія, которое ты вкушалъ отъ размышленія божественныхъ вещей, когда ты посвящалъ себя Богу и изоцрялъ разумъ свой просвѣщеніемъ. Увы! скажешь ты тогда, колико невинныя ушѣхи различны отъ законопреступныхъ! коль жестоко, коль горестно принести въ жершву чисную любовь Создателя развращенной дружбѣ шварей. Таковыя или другія сему подобныя разсужденія можешь быть вдохнушъ въ себя желаніе возвратишься къ добродѣтели; они извлекушъ у тебя слезы, кои подобно росѣ, предвозвѣспницѣ зари, будущъ знаками возвѣщающими божественный свѣшъ; но сіи драгоцѣнныя слезы скоро опрушся, сіи слабыя искры добродѣтели не замедляшъ погаснуть отъ насмѣшекъ и упрековъ швоего друга, или отъ новыхъ ушѣхъ, въ кои онъ тебя вовлечетъ.

Положимъ и то, что ты примешь тогда швердое намѣреніе переменишь свое поведеніе; для сдержаніяжъ онаго не должно имѣшь ни малѣйшаго обращенія съ своимъ другомъ; но какъ прервать сіи столь шѣсныя узы, какъ прервать союзъ, который нужда, привычка, а что еще и шого крѣпче, общіе без-

беспорядки ушвердили? осмѣлишься ли Ты клясшься вѣчно ненавидѣть того, кто знаетъ твои мысли и сокровеннѣйшія пресупленія, и наконецъ не меньше ли ты спрашишься Бога, нежели того, котораго возлюбилъ болѣе его самаго.

Но между молодыми людьми ежедневно бывающъ ссоры; ты употребишь сіе, говоришь ты, для побранки съ своимъ другомъ. Бывающъ ссоры, я въ томъ согласенъ, даже и за малѣйшія вещи, что свойственно шаковымъ лѣшамъ; но развѣ неизвѣстно, что дѣйствіе оныхъ не столько способно къ прерванію, сколько къ сильнѣйшему ушверженію цѣпей дружбы? Другъ твой погрѣшилъ передъ тобою; онъ чистаетъ въ очахъ своихъ гнѣвъ твой; онъ замолчитъ, притворится, показывая тебѣ гнѣвъ, котораго не имѣетъ, онъ первой спанетъ жаловаться; онъ вдругъ уйдетъ такъ, какъ бы не желалъ никогда уже возвратиться; однакожъ въ самую ту минушу возвращающа, твердо положившись не покидать тебя до шѣхъ поръ, пока разумокъ твой не будетъ смягченъ его ласками, преклоненъ моленіемъ, и обезоруженъ нѣкоторыми небольшими упреками. Дай Богъ что онъ не постарался загладить погрѣшносней своихъ новыми пресупленіями, коихъ ты будешь или предметомъ или сообщникомъ; ибо часто порокъ примиряетъ шѣхъ, коихъ ссора раздѣлила.

Понимаете ли вы теперь, государи мои! на что вы опваживаетесь, сведши дружбу съ человѣкомъ худаго и развращеннаго нрава? Ибо не думайте, чтобы трудно было сыскать такихъ молодыхъ людей, которые бы безъ сопрошивленія отдавались всѣмъ впечатлѣнїямъ, кои могутъ произвести надъ ними склонности и воля ихъ друзей: каждый возрастъ и каждый вѣкъ представляетъ столько печальныхъ примѣровъ зла, о коемъ мы горимъ, что оныя причиняютъ намъ болѣе печали, нежели удивленія. О ты предопредѣленная къ удовольствію человѣка бѣдственная и жестокая дружба, должно ли тебѣ дѣлаться источникомъ пагубы душъ, развращеніемъ нравовъ, и вѣчнымъ несчастіемъ бѣльшей части человѣческаго рода!

А ты вѣроломный другъ, къ тебѣ я обращаюсь, ты привлечій въ дружбу свою сего несчастнаго юношу, и принявій его безъ опасенія къ тебѣ идущаго! почему не былъ онъ предметомъ твоей ненависти! какая жестокость, какое варварство погублять изъ любви тѣхъ, коихъ не можно низложить силою! но онъ не хочетъ меня и слушать. Онъ торжествуетъ, онъ нагло хвалился тѣмъ, что погасилъ самый законъ и спыдъ въ сердцѣ юноши, сдѣлавшагося жертвою собственнаго своего неразумія!

И такъ къ вамъ возвращаюсь я теперь, любезные юноши! заклинаю васъ, разорвите скорѣе сію дружбу васъ связующую, когда вы безразсудно заключили оную; разорвите, пока еще узы васъ соединяющіе слабы, разшоргнише ихъ, не допускайте имъ болѣе властвовать надъ вами, прервите ихъ мужественно. Сей разрывъ многого будешь сподобись вашему сердцу, но горестъ ваша мало по малу успокоится, а естли она и продолится, то лучше терпѣть мученіе, которое кончится, нежели приготовить себя къ безконечному раскаянію. Но когда дружба еще не сведена, то благоразуміе да управитъ вашъ выборъ. Прилѣпнитесь къ другу, котораго благонравное обхожденіе способствовало бы къ истинному вашему благополучію.

III.

О СИМПАТІИ, ФИЗИОГНОМИИ И ПРЕДВѢЩАНІИ СЕРДЦА.

Симпатія, сіе таинство природы, всегда принадлежатъ будешь къ тѣмъ неисповѣдимымъ чудесамъ, которыхъ существенное качество не можетъ совершенно открыто быть въ семъ свѣтѣ. Опытъ удостовѣряетъ насъ очевидно и осязательно о силѣ Электрической и дѣйстви удивительнаго

магнита, который отъ одного полюса оп-
 вращается склоняясь къ другому; одна-
 кожъ самый пронцашельнѣйшій испытатель
 естества всегда будетъ шрудиться толь-
 ко въ размышленіи о сихъ загадкахъ,
 которыя споль глубокимъ покрышы мракомъ,
 что совершенно разрѣшишь оныя ешь дѣло
 невозможное.

Безпредѣльное почшеніе возбуждающъ въ
 насъ къ себѣ сіи таинства природы. Они
 представляющъ намъ великое изображеніе
 Творца ея, котораго бытіе изъ дѣй-
 ствіи само о себѣ вѣщаетъ, но котораго су-
 щества мы постигнуть не можемъ — хощя
 наше познаніе о его величествѣ, мудрости и
 благости посшепенно и возрастаешъ, однако
 для испытательнаго духа, питающагося из-
 шеченіями сокровеннаго божества, всегда
 останешся онъ непостижимымъ.

Чувственный міръ наполненъ шакими не-
 исповѣдимыми и удивительными вещами, о
 которыхъ бытіи мы не сомнѣваемся по ихъ
 дѣйствіямъ, но которыхъ внутреннее есте-
 ство понимаемъ мы споль же мало, сколько
 и образъ ихъ дѣйствія. Сіе не зави-
 ситъ отъ краткости жизни нашей, для ко-
 торой мы въ изслѣдованіи таинствъ природы
 не можемъ доходить до первыхъ и глубочай-
 шихъ ихъ источниковъ. Ибо когда одинъ
 испы-

испытатель передаетъ и осваиваетъ по себѣ свои открытія другому, по преемникъ, полученныя познанія отъ своего предшественника продолжаетъ, и когда къ онымъ присовокупяются еще новыя открытія другихъ, по наконецъ по тысячи испытателей могъ бы появиться послѣдній такой, который бы дѣло окончилъ, и распространяемое постепенно отъ его предшественниковъ познаніе привелъ бы къ совершенству. Но по многихъ покушеніяхъ въ открытіи сокровенныхъ силъ природы, не болѣе успѣли мы, какъ и мудрецы глубочайшей древности, которые уже издавна надъ оными вещами испытывали всѣ свои силы.

Причина сей медлительности въ изслѣдованіи столь многихъ тайнствъ природы находящаяся очевидно въ расположеніи нашихъ органовъ и въ предѣлахъ способности души нашей, которая еще не достигла той зрѣлости, чтобы всю природу разсматривать ясно въ каждой ея части порознь. Силы нашей, когда равно неизслѣдимое мыслящее существо, которое въ насъ обитаетъ, снабжено возможнѣйшимъ степенемъ совершенства, достигнетъ только къ тому, чтобы возбудить въ насъ неудовлетворимое желаніе, познать все въ тайныхъ его пружинахъ, чему мы съ просвѣщеннымъ по возможности разумомъ можемъ только удивляться, и разсматривать съ пріятнымъ и священнымъ ужасомъ.

А по сей ограниченности нашего духа, въ сравненіи съ безпредѣльнымъ пространствомъ, предохраняющимъ для насъ неопровержаемая сокровища познаній и вливающимъ въ насъ къ открытію всего того желаніе, сколько нибудь помыслишь можно, какимъ образомъ безконечность будущаго можешъ для разумныхъ существъ доставлять восходящія степени блаженнаго наслажденія.

Въ человѣкѣ, непозабывающемъ того, что въ немъ находящаяся болѣе, нежели чувственные недостатки, старающемся о назиданіи своего духа, и чувствующемъ себя достигшимъ до той точки, съ которой понимать можешъ, что верховнѣйшее человѣческое блаженство состоитъ въ распространеніи своихъ знаній, въ изслѣдованіи истинны и въ зрѣющемъ совершенствѣ духа, которое содѣлываетъ его способнымъ по степенямъ восходишь къ первому источнику вещей, и въ семъ возвышеніи находишь болѣе и болѣе удовлетворительной пищи для жаждущаго безпрестанно духа, въ такомъ, говорю, дѣйствительно просвѣщенномъ человѣкѣ, изъ собственной его природы и важнѣйшихъ ея потребностей, могутъ уже родиться разумныя понятія и предсавленія, посредствомъ которыхъ будешъ онъ въ силахъ, о совершеннѣйшемъ состояніи лучшей жизни будущей, сдѣлать себѣ сколько нибудь правильное, хотя еще и шемное начертаніе.

Таковое совершеннаго челоѣка возвышенное состояніе въ восточныхъ Иероглифахъ аллегорически, а въ священныхъ книгахъ церковныхъ весьма ясно описывается. Здѣсь въ разсужденіе пріемлется болѣе духъ челоѣчскій, нежели шѣло, сія чувстввенная часшь, въ добычу шлѣнію опредѣленная.

Высочайшее блаженство будущей жизни, въ миспическомъ смыслѣ взятое, состоишь въ ближайшемъ, несказанно улаждающемъ, лицезрѣніи Бога. Неоспоримая истинна, что до познанія Творца доводяшь постепенныя знанія въ изслѣдованіи шварей. — А пріобрѣтеніе сихъ яснѣйшихъ видовъ, сопряженное съ сильнымъ желаніемъ испышашеля, доказываетъ само собою, что истинное и неисчерпаемое блаженство состоишь будетъ въ томъ, когда мы благороднѣйшія свои желанія будемъ видѣшь одно за другимъ удовлетворенными, и глубины божества, въ сокровенныхъ дѣйствіяхъ мудрыхъ его законовъ, въ цѣломъ и неизмѣримомъ его швореніи, будемъ испышывать часъ отъ часу болѣе.

До того времени многое ошанется для насъ шайнствомъ, однакожь предметомъ нашего изслѣдованія. Мы сами, и шайнство отъ насъ наиболѣе закрытое нашего духа, его силы, свойства и способности суть также достойнымъ и неизслѣдо-

ваннѣмъ предметомъ нашего размышленія. Мы ходимъ ошупью во тмѣ, когда самихъ себя ищемъ; насъ водитъ только внутреннее чувство, однако въ семъ упражненіи есть иѣчто привлекательное, иѣчто обворожающее, такъ что самое слабое блистаніе того свѣта, который со временемъ взойдетъ для насъ, уже насъ веселитъ и ободряетъ.

Почто убо не шествуемъ за начинающимъ являющаго свѣтомъ? Для насъ всегда еще останется довольно къ опкрытію съ радостнымъ ужасомъ до тѣхъ поръ, когда возсіяетъ надъ нами свѣтъ полуденный — когда мы узнаемъ то, что теперь еще опъ насъ закрыто — дѣйствующаго въ насъ нашего духа, и того, кто его сотворилъ. — Мы въ гаданіи только умствуемъ о удивительномъ существѣ, которое насъ оживляетъ, въ насъ мыслитъ, разсуждаетъ и заключаетъ; но въ такомъ гаданіи, которое для насъ полезно и гораздо полезнѣе, нежели когда мы дѣлаемъ опыты надъ Электрическою силою, не зная въ чемъ собственно состоятъ оныя.

Способность духа сообщать себя духу, другому — сообщать посредствомъ Симпатіи, Физиогноміи и сердечнаго предаѣзанія — сія способность, основанная на опытѣ и корени внутреннихъ чувствъ, есть величайшее

шее шайнство живущаго въ насъ существа. Кто хочетъ умсшвовашъ и заблуждаться, найдетъ къ тому здѣсь пространное поле. — Я намѣренъ шолько упомянуть о томъ, что принимаешъ можно, избѣгая шаковыхъ ложныхъ умсшвованій.

Физиогномія естъ собраніе шакихъ вмѣстѣ взяшыхъ и чувсшвамъ подверженныхъ знаковъ, которые показывающъ намъ въ чело-вѣкѣ внутреннія душевныя способности, его нравъ и склонности. Сіи знаки хотѣшь привесши въ систему шакъ, какъ дѣлаешъ по Лавашеръ, по справедливости назвашъ можно заблужденіемъ. Хотя сіи знаки и ясно вспрѣчаются глазамъ нашимъ, однако они сущъ не во всякое время одинаковы. Физиогномія, дѣйствующая по знакамъ опредѣленнымъ перемѣняешся почти каждую минушу и при всякихъ обшояшельсшвахъ. Человѣкъ совсѣмъ имѣешъ другой видъ, когда онъ не одѣшъ, не выбрешъ, и обезображешъ при шомъ колпакомъ, нежели когда онъ появишся въ совершенномъ уборѣ. Малѣйшая болѣзнь, приняшее лѣкарство, досада, радость или печаль совсѣмъ дающъ ему другіе виды; самыя черныя лицъ преображающся; инаковы въ дѣтскомъ возрастѣ, нежели въ совершенномъ мужескомъ, и ошмѣнны въ глубокой старости. Самая въ Физиогноміи перемѣна изображаешъ внутреннее состояніе гораздо

силь-

силыѣе, нежели неподвижныя и неизмѣняемыя черты, которыя списываетъ живописецъ для удержанія сходства.

Лапатель извлекаетъ правила своей Физиогномической науки наиболѣе изъ главныхъ лицечертаній, принимая въ помощь и случайныя общошельства. Однако онъ съ лишкомъ мудритъ, относя къ выкладкѣ своей плашье, цвѣтъ его и тому подобное, которыя не иное что, какъ дѣйствія случайности, и надъ человѣкомъ, котораго онъ прямо разсмаприваетъ, не имѣющъ ни малѣйшаго дѣйствія. — Опредѣлишь на сіе правила есть дѣло не возможное. Основаніе угадывающаго Физиогномическаго чувства есть *je ne sais quoi*, (*) что сколькожъ справедливо, сколько и неудобоизъяснительно. Не всякъ имѣетъ сіе Физиогномическое чувство, его искать должно въ особенномъ шонкомъ органовъ расположенія, которое хощя зависить отъ частаго ихъ пріобученія и совершенія: однакожъ въ самой вещи есть сокровенная сила души нашей, которая пронцашельнымъ окомъ читаешъ внушенность другаго, и сама себѣ не можетъ показать причины, для которой она такія точно, а не другія качества въ человѣкѣ находить. Однако при всемъ томъ примѣчанія достойный опытъ увѣряетъ насъ, что

что

(*) Не знаю что - то.

что трудно обмануть истиннаго Физиогнома. Нѣкоторая духовная во взорѣ его осмроты заставляешъ себя чувствовашъ, и намъ ощу- щительно то, когда другой чашаетъ во глубинѣ души нашей и разбираешъ наши са- мыя сокровеннѣйшія помышленія. Также и по примѣчаніе не менѣе справедливо, что Физиогномъ можешъ чашающій взорѣ свой скрышь и по навыку глазамъ своимъ дашь такой незначашій оборотъ, которой воспя- щаетъ намъ чувствовашъ быструю силу пронцашельности; но чашаемое лице, кото- рое все обнаруживашъ, не можешъ укрывъся ни подъ какимъ пришворствомъ. Человѣкъ сколькобъ ни казался спокойнымъ, но когда сердцемъ его обладаешъ какое нибудь безпо- койствіе или пристрастіе, то оно совершенно видно на лицѣ его.

Съ совершеннымъ удостовѣреніемъ су- дить можно о другихъ по ихъ Физиогноміи. Кшо родился Физиогномомъ, того первое сдѣ- ланное ему впечатлѣніе никогда не обма- нывашъ. Противноежъ сему положеніе весь- ма часто награждаемо было худымъ успѣ- хомъ. Находяшя лицечершанія, о которыхъ по первому взгляду сказать можно, что подъ симъ скрывается характеръ какой нибудь подозрительный, одобреніе опъ другихъ, раз- смашриваніе порядка дѣйствій, которыхъ всѣ шекуютъ правильно и по виѣшнему виду под- швер-

пверждають слышанную похвалу, заспа-
вляють объ иномъ принявъ хорошее мнѣ-
ніе и признають за предразсудокъ всѣ сдѣ-
ланныя отъ него Физиогномическія впечат-
лѣнія. Однако послѣдствіе времени нау-
чаютъ, что первое чувство, которому не
можно было показать никакой опредѣленной
причины, было справедливо; а все то, что
чрезъ нѣсколько времени съ основаніемъ,
казалось, защищало выгоду предмета, было
ложно. Тысяча опытовъ ушверждаютъ, что
Физиогномія не обманываетъ и тогда, когда
кажешься насъ обманывающею. Посему тай-
ному чувству мы инымъ плѣняемъ, хотя
поступки его и не соопвѣтствуютъ нашему о-
немъ мнѣнію. Изъ самыхъ преступниковъ и
злодѣевъ — и можешь быть между осужден-
ными въ ссылку невольниками найдутся ша-
кіе, которыхъ лицечертанія не возвращаютъ
никакого порока и никакого преступленія. —
Нѣкошорая служанка осужденная въ дѣшоубив-
ствѣ когда ведена была на казнь, глаза ея
показывали, что въ ней былъ духъ чело-
вѣколюбія и добросердечія. Одинъ Физиогномъ
полюбопытствовалъ, узнать цѣлую исторію ея
жизни до самыхъ малѣйшихъ обстоятельствъ
и до послѣдняго безчеловѣчнаго ея поступка;
послѣ чего онъ удостовѣрился, что ея видомъ
не былъ обманутъ. — Она всегда была прямо
добросердечна и невинна. Въ жизни ея встрѣ-
чались тысяча случаевъ, которые доказали
ея

ея весьма крошкое и чувствительное сердце, неспособное озлоблять другихъ, жалосливое, благодѣтельное и гонимое подѣлившись малымъ и послѣднимъ имѣніемъ съ каждымъ удручаемымъ бѣдносію. Она нѣсколько лѣтъ прислуживала съ неупомимою ревностію престарѣлой своей больной госпожѣ, такой женщинѣ, которая чрезвычайно была свенравна, нешерпѣлива, и со всѣми домашними своими поступала весьма жестоко. Одна только сія служанка со всякою шерпѣливостію переносила и побѣждала ея свенравіе, такъ что въ благодарность за вѣрность свою извлекла у нея многія слезы. Она передъ смертію госпожи своей спояла на колѣнахъ у постели ея, подавала ей облегчающія лекарства, съ нею вмѣстѣ молилась, и молясь закрыла глаза ея. Тихій и пріятный ея нравъ, болѣе нежели ея красота, подвергли ея проискамъ одного человекъ, который сколько былъ хитръ и коваренъ что могъ надъ слабостями бѣднаго женскаго пола одерживать побѣду. Опчаяніе и заглушающій всѣ чувства стыдъ въ болѣзненныхъ часахъ ея рожденія, побудилъ ее къ ужасному поступку, удушить несчастній плодъ побѣжденной ея добродѣтели. Ибо ея любовникъ нарушивъ вѣрность предъ симъ ее оставилъ, и обманутое ея сердце давно уже сиѣдаемо было мучительною печалію. Она приступила къ сему дѣяствію съ трепещущими руками,

сѣ глазами горькія слѣзы ліющими и сѣ сердцемъ кровію обливающимся — Исполнена будучи раскаянія повергнула себя въ длани вѣчнаго милосердія и сѣ несказанно поражающимъ смиреніемъ взошла на сдѣланной для нея срубъ — Она была преступница ; но изъ глазъ ея видна была добродѣтель и сердце самое человѣколюбивѣйшее. И шакъ ея Физіогномія была неложна. Еслибъ мы захотѣли взять на себя трудъ въ пріисканіи способовъ , по которымъ каждаго испорію можно бы было изслѣдовать совершенно во всей ея обширности до самыхъ малѣйшихъ обстоятельствъ. Если бы мы постарались истинное внутреннее положеніе человѣка оплечить опъ наружныхъ обстоятельствъ , которыя часто совѣмъ прошивныя существенному его характеру производяшъ дѣйствія ; то бы мы по первому взгляду , всегда истинну опкрывающему , могли безъ всякой трудности судить справедливо сѣ хорошей и худой стороны о качествахъ другаго. Человѣчскія дѣйствія часто бывающъ болѣе несогласны сѣ характеромъ , нежели Физіогномія ; ибо духъ , который виденъ бываетъ изъ глазъ , есть духъ самаго человѣка — когда онъ опкрытымъ и обнаженнымъ предъставляется взору пронцашельнаго Физіогнома , тогда не можешъ онъ себя ему не обнаружить.

Находятся сладоспираспныя лица , которыхъ дѣйствія зависію не могутъ быть опор-

опорочены. Находясь такіе виды, которые изображаютъ невинность и безприсрастнѣйшую снѣдливость, хотя и суть въ обѣщаніяхъ порочной любви и распушной жизни. Однако Физіогномія и въ семъ случаѣ не обманывается. Гордость, самолюбіе или недоспашокъ въ случаяхъ не допускаютъ иногда дѣйствительно сладоспашное сердце вышши изъ границъ честности. Тонкой и неощупительной ядъ соблазна вкрадывается въ сердце невинности, и истинная добродѣтельная нѣжность впадаетъ во искушеніе. Однако основаніемъ или корнемъ сѣрдца всегда оспашается добродѣтель. Онъ, такъ сказать, лежитъ только подъ кучею смрадныхъ нечестностей, по опіяшій кошорой добродѣтель паки возсіяетъ.

Никогда глаза не солгутъ тому, кто разумѣетъ ихъ языкъ. Духъ проникаетъ и сквозь завѣсу пришворства, и дѣйствующая внутри злоба сшоль же мало можетъ укрыться подъ крокодиловыми слезами, сколько снѣдая горестію сердце подъ приняшимъ видомъ радости — онъ говоритъ въ семъ случаѣ съ большимъ краснорѣчіемъ.

Однако изъ сихъ на опытъ основанныхъ положеній не слѣдуетъ, чшобъ не могло случиться совсѣмъ никакой перемѣны въ природномъ человѣческомъ характерѣ. Ка-

ковъ человѣкъ шеперь, шаковымъ ему на-
 всегда оспаться нѣтъ нужды. Онъ можешъ
 совершенно передѣлаться, взявъ другой обо-
 ротъ, перемѣниши свои мысли и нравъ.
 Однако шогда перемѣняешся шаже и
 Физиогномія, не чершы или цвѣтъ лица,
 но перемѣнившійся въ семъ случаѣ духъ
 говоришъ другимъ языкомъ; а сей языкъ естъ
 неудобоиъяснимый лучъ души, который
 говоришъ изъ взора не всякому вразуми-
 тельнаго, но который однакожъ не укроешь
 ошъ шого, кшо для разумѣнія сего без-
 молвнаго гласа имѣешъ пошребныя чувшва
 какъ наружныя шаъ и внутреннія.

Несправедливо нѣкоторые принима-
 ютъ, что въ прекрасномъ шѣлѣ долж-
 но бытъ прекрасной и душѣ; несправедли-
 во шаже и шо, чтошбъ крайне дурной
 видъ показывалъ нравъ злой и развращен-
 ный. Сего примѣра не видимъ мы на Со-
 кратѣ. Несмысленной Физиогномъ, который,
 какъ Лавашеръ, принималъ всѣ чершы
 для распознашя внутренняго характера,
 не могъ иначе какъ съ ошибкою шолько по
 безобразному виду Греческаго мудреца за-
 ключишь о худыхъ его качествахъ, который
 онъ по случаю въ себѣ имѣлъ, однакожъ
 послѣ искоренилъ. Проницательнѣйшій взоръ
 въ шакомъ видѣ, въ какомъ Сократъ былъ
 въ шо время, когда ошъ немъ помянушымъ
 обра-

образомъ судили, нашелъ бы духа благороднаго. Когда душа Сократова была дѣйствительно прекрасна, то она должна была во всей своей красотѣ сіять изъ глазъ его, хотябъ они у него были больные и косые. Добрый, честный и благоразумный человекъ можетъ жить безъ нареканія истинныхъ своихъ качествъ и въ обрушившейся некрасивой соломенной хижинѣ, и смотря изъ худаго окна, хотя его и не признающъ такимъ, каковъ онъ дѣйствительно: напрошивъ шого иной бездѣльникъ, хотябъ смотрѣлъ и сквозь чистѣйшія стекла въ огромныхъ своихъ палахахъ: однакожъ всему свѣшу извѣстенъ съ такой стороны, что каждый мимоидущій желаетъ видѣть его на висѣлицѣ.

Сіе почто бываетъ съ Физіогномією. Она не проспирается до наружности самыхъ глазъ, но до открывающагося духа, до приспирасія души, копорю изъ малыхъ черныхъ глазъ калмыка столь же ясно видѣть можно, какъ и изъ большихъ голубыхъ жинеля полуденныхъ странъ.

Къ необманчивымъ Физіогномическимъ признакамъ собственно принадлежатъ также напряженіе мускуловъ, особливо во время улыбки, оборошы глазъ и всѣ измѣняющіяся чершы, копорыя составляютъ собственную

силу и знаменованіе взглядовъ. Внѣшнія об-
спояшельства не споль скоро дѣйствуютъ на
внутреннія движенія души, какъ сіи чрезъ
попрысеніе нервовъ дѣйствуютъ паки на му-
скулы. Живошворное начало въ человѣкѣ
управляетъ цѣлымъ строеніемъ его тѣла,
и здѣсь - по внимательный духъ найдетъ
чрезвычайно обширное поле къ размаприва-
нію того, какъ движенія внѣшнія согласу-
ются во всемъ почно съ тѣми, копорыя
происходятъ въ душѣ.

Навыкъ размапривать людей симъ обра-
зомъ доставляетъ безконечное удовольствіе.
Цѣлыя послѣдствія внутреннихъ чувствован-
ній, положенія духа и образы сего дѣйство-
ванія можно симъ способомъ чинать, какъ
въ раскрытой книгѣ. А понеже сей самый
легчайшій способъ Физиогномическихъ позна-
ній весьма много извѣстенъ, по я и не на-
мѣренъ долѣе при немъ останавливаться. Тѣ,
копорыя цѣлое строеніе тѣла причисляютъ
къ кругу Физиогномической науки, судятъ
съ лишкомъ механически и крайне обманыва-
юща въ своихъ мнѣніяхъ. Они на примѣрѣ
имѣютъ почти всеобщую недовѣрчивость къ
уродамъ и другимъ людямъ, имѣющимъ тѣ-
лесныя недоспашки. Сіе положеніе можетъ
иногда бытъ справедливымъ. Сильное попры-
сеніе, копорое тѣлу даетъ видъ безобраз-
ный, можетъ удобно разстроить и систе-

му мозговыхъ нервовъ, и тѣмъ самымъ дѣйствіямъ души дасть косвенный оборотъ. Вообще ихъ качеству тонкихъ и нѣжныхъ въ нервахъ соковъ и ихъ обращенію можно бы было опредѣлить различныя способности духа, хорошія и худыя склонности, многія добродѣтели и пороки, ежелибъ могли мы примѣнить обиталище духа, и образъ его въ мозгу дѣйствованія. Неоспоримо, что помѣщенный мозгъ приводитъ и самый духъ въ безпорядокъ; по причинѣ такихъ недоспашковъ можетъ человекъ лишиться здраваго разсудка и сдѣлаться злонаравнымъ. Когда свихнушыя какіе нибудь члены, начиная уже росши въ другомъ положеніи, дѣйствуютъ на черты лица, и наводящъ на нихъ нѣкошорый родъ косвенности, то они могутъ сіе дѣйствіе простирашь и до самаго обиталища души, имѣя способносшь въ большемъ или меньшемъ степени вредить оной.

Но не всякое поврежденіе или свихнушіе наружныхъ членовъ бываетъ столько дѣйствительно, чтобъ въ мозговыхъ нервахъ могло произвешти помѣшательство; душа можетъ и въ поврежденномъ и увѣчливомъ тѣлѣ ошашься здоровою, по крайней мѣрѣ для сей причины не можно цѣлаго спана относить къ кругу Физиогномической науки. Но нѣтъ ничего смѣха достойнѣе какъ то, когда и самыя ничего незначащія силуэшы ош-

сылаются къ Лавашеру для того, чтобъ онъ по Физіогноміи ихъ здѣлалъ о нихъ свое предсказаніе. То, что мы собственно разумѣемъ подъ *Симпатіею*, есть шайнство природы въ высочайшемъ степеніи. Безъ труда можно понять, что шѣ люди могушъ другъ друга любить, копорые имѣюшъ одинаковую склонность, къ одинаковымъ предметамъ, и шѣ же самыя имѣюшъ любимыя упражненія. Равной всегда ищетъ себѣ равнаго; испинна сія споль извѣсна, что вошла въ пословицу. Но знаю ли я, что шотъ или другой, копорый совершенную мою склонность, такъ какъ магнитъ желѣзо, къ себѣ привлекаешъ, копорый плѣняетъ меня съ перваго взгляду; знаю ли я, говорю, что онъ имѣешъ склонность, вкусъ и любимыя упражненія, сходныя съ моими? И кпо не бывалъ въ такихъ случаяхъ, что онъ съ перваго взгляду почувствоваелъ къ другому склонность, не зная самъ шому причины? И такъ о *Симпатіи* мы не можемъ другаго сдѣлать себѣ понятія, какъ шо, что она есть взаимное чувствованіе нѣкоего родства, или союза одинакихъ душъ, копорыя посредствомъ неизвѣстныхъ силъ другъ друга находяшъ и шайное свое соединеніе споль живо чувствуюшъ, что разлука ихъ не можетъ иначе представлена быть, какъ соединенною со спраданіемъ.

Въ семъ случаѣ удивленія достойна ша неизбѣняемая способность, по кошорой дѹши узнаюшѣ другѣ друга не имѣя еще чрезѣ извѣспныя средства къ знакомству своему случая. Впрочемѣ *Симпатія*, какѣ думашѣ можно, основывается на *Физиогноміи*. Когда взоры встрѣчаются другѣ съ другомѣ, ужѣ тогда еспѣ между ними нѣкопорый родѣ разговора, чрезѣ кошорый одинѣ другому открываетѣ свою внутренность, даетѣ о себѣ понятіе, и такимѣ образомѣ помыслямѣ и чувствамѣ своимѣ находашѣ себя другѣ въ другѣ.

Но Симпатія простирается еще далѣе. Мы имѣемѣ примѣры, что иной объ другомѣ, никогда не видясь, по одному только слуху дѣлаешѣ шакое заключеніе, какого онѣ не сдѣлаешѣ о шѣхѣ, коихѣ онѣ самѣ былѣ частный самовидецѣ и коихѣ всегда похваляешѣ. Случается, что иной едва услышишѣ объ имени особы, о кошорой и хорошо и худо говорятѣ, чувствуетѣ въ себѣ непреодолимую склонность ея сыскать. Находитѣ ея въ какомѣ нибудѣ собраніи, и сердце его узнавѣ ея между двашцашью другими пвердишѣ: вотѣ она! Онѣ къ исканному, и найденному любимому предмету со дня на день прилѣпляется болѣе, и споль спрашно, что ни время, ни перемѣна, ниже самая разлука не могутѣ уменьшитѣ,

или уничтожить сей Симпатической друга съ другомъ соединяющей силы. Развѣ души наши не должны видѣть далѣе, нежели сколько достигнуть могутъ глаза наши, и развѣ духъ нашъ неспособенъ приниматьъ такихъ впечатлѣній, которыя ему сообщаемы бывающъ необыкновеннымъ путемъ и не посредствомъ пяти чувствъ нашихъ?

Опыты доказываютъ намъ то на самомъ дѣлѣ, что духъ нашъ и безъ вспоможенія наружныхъ чувствъ имѣетъ сокровенную способность, простираетъ непосредственные, такъ сказать, взоры въ самаго себя на другіе отдаленные предметы; простираетъ и во время будущее и снискиваетъ тамъ о вещахъ такія понятія и познанія, какія посредствомъ извѣстныхъ намъ душевныхъ силъ не могутъ быть снисканы.

Дѣйствія сей неизслѣдимой способности души нашей называемъ мы *сердечными предвѣщаніями*. Правда, что таковыя, дѣйствія могутъ быть иногда естественными; однако какъ бы то ни было, только подъ ними ничего другаго не лзя разумѣть какъ то, что они суть отчасти высочайшей степени прозорливости, къ которой возвышается ограниченный духъ, отчасти языкъ, коего нарѣчіе намъ неизвѣстно и посредствомъ котораго духъ нашъ какимъ-то пошпленымъ

нымъ образомъ отъ подобнаго духовнаго существа получаетъ понятія и впечатлѣнія, и на оборотъ бываетъ способенъ сообщать ему свои собственныя. Задача сія не новая, она подъ различными видами была вѣроуцѣныхъ народовъ. Все ученіе о вдохновеніи основывается на двухъ предварительныхъ положеніяхъ: первое, что мыслящая сила и оживляющее насъ начало не состоитъ въ машинномъ расположеніи системы нашихъ нервовъ и въ правильномъ оныхъ движеніи; но что обитаетъ въ нихъ особое духовное существо, которое имѣетъ свое пребываніе въ мозговой железѣ (*in der Zirbedrüse, conario*), и до тѣхъ поръ дѣйствуетъ на составъ нашей головы, пока, такъ сказать, пружины и колеса нашей жизни еще въ ходу и не остановились; и что сей особенный духъ и безъ своего обиталища, разлученъ будучи отъ тѣла, можетъ всегда самъ по себѣ мыслить, хотѣть, заключать, и духовно чувствовашь. Второе положеніе состоитъ въ томъ, что другіе духи вышшіе или равные непосредственное могутъ производить дѣйствіе на духъ нашъ. На сихъ предварительныхъ положеніяхъ основывается ученіе о божескихъ вдохновеніяхъ, о вдохновеніяхъ добрыхъ и злыхъ ангеловъ и проч.

Умственные и чувственные отношенія вещей одной къ другой суть столь многообраз-

ны, что возможности дѣйствованія одного духа на другаго, судя уподобительно, нельзя оспаривать. Въ видимомъ тѣлесномъ мірѣ сполькожъ не можно отрицать опношеній и дѣйствованій вещей однихъ на другихъ: сколько опѣ въ разсужденіи образа ихъ происхожденія, и чрезъ какую припягательную и склоняющую силу производятся? все сіе есть еще въ круга нашихъ понятій. Я въ пользу моей задачи не намѣренъ здѣсь возвращаться къ ученію объ Ашомахъ, изъ котораго древніе мудрецы выводили еоспавленіе цѣлой системы міра и всѣхъ находящихся въ немъ дѣйствій, а и того менѣе принимаю въ помощь монады новѣйшихъ Философовъ. Я только утверждаю, что союзныя части другъ къ другу привлекаются, одна къ другой имѣютъ склонность, и посредствомъ сего прикосновенія и соединенія производятся то, что безъ него не было бы возможно. Между произрастѣніями (какъ-то древами и злаками) нельзя быть никакому плодотворенію, есшли пыль, подобная мукъ, одного пола не сообщитъ сѣмени цвѣтамъ другаго, того же рода. Единственный случай не могъ бы произвести сего соединенія, есшлибъ шакыя союзныя вещи не имѣли съ одной стороны привлекающей, а съ другой склоняющей силы къ сему своему совокупленію.

Естьли принять и материализмъ (дѣйствіе вещества) въ томъ, что мы называемъ дѣйствіями духовными, по числѣйшія и пончайшія исщеченія жизненной матеріи, находящейся въ системѣ нашего мозга, которія посредствомъ склонительной силы касающія строенія нервовъ въ мозгъ другаго, и производящія въ немъ понятія и предсавленія, такъ какъ бы въ своемъ собственномъ, могли бы почестья только случаемъ уподобительнымъ. А по сему сообщеніе мыслей посредствомъ сокровеннаго пуши, и все то, что мы называемъ вдохновеніемъ, предвѣщаніемъ сердца, и такъ далѣе было бы нечто иное, какъ въ царствѣ растѣній плодощвореніе. Собственный же образъ дѣйствія природы какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ другомъ есть таинство; между тѣмъ дѣйствіе есть очевидно, какимъ бы образомъ оно производимо ни было.

Но мы намѣрены сего материализма, который однако, сказать мимоходомъ, заключаетъ въ себѣ высокія понятія о виновникѣ таковаго совершеннаго шворенія, и самъ по себѣ ни мало не влечетъ за собою вредныхъ и пагубныхъ слѣдствій, могущихъ опровергнуть продолженіе чловѣческаго бытія по смерти въ большемъ совершенствѣ паки возстановляемаго, мы намѣрены, говорю, сего материализма не держаться, но на мѣсто его принять лучше

ше опредѣленнаго духа, который намъ даешъ жизнь, на насъ дѣйствуетъ, и на котораго взаимное производятъ дѣйствіе наши органы.

Мы видимъ, слышимъ и ощущаемъ посредствомъ чувственныхъ орудій, всежъ сіе посредствомъ дѣйствованій нашихъ органовъ изображается въ душѣ, производитъ въ ней представленія, понятія и разсужденія; душа заключаетъ и хочетъ, а сіе хотѣніе дѣйствуетъ обратно на органическое тѣло и приводитъ нервы и всѣ члены въ движеніе. А пошому та сила, которую употребляетъ она къ произведенію движенія въ тѣлѣ и ошущительности въ частяхъ чувственности, есть неоспорима. Знаемъ ли мы по, сколько далеко простирается сила нашего духа, для произведенія чувствованій и въ назначеннаго ему тѣла, и въ какой степени одна душа можетъ и на другія посредствомъ тайныхъ испеченій дѣйствовать и совсѣмъ непосредственно возбуждать въ нихъ представленія? Дѣлать возраженіе на то, что духъ не можетъ дѣйствовать на тѣла, значитъ спорить противъ всякаго опыта. Когда духъ нашъ дѣйствуетъ на наше тѣло, по длячегожъ не дѣйствовать на тѣ вещи, которыя въ его находящіяся? для чего не дѣйствовать на какое нибудь существо ему равное?

Ученіе обЪ АнгелахЪ и о разлучившихся съ шѣлами душахЪ не заспаваляешЪ о сихЪ духовныхЪ сущесшвахЪ думашъ, какЪ обЪ угрюмыхЪ и любящихЪ уединеніе шакЪ, что они не имѣюшЪ другЪ съ другомЪ и обхожденія, и не могушЪ сообщашъ другЪ другу своихЪ поняшій и своихЪ предспавленій; ибо еспшли бы было шакЪ, что духЪ чело-вѣческій силы, кошорыя вѣ немЪ еще до времени не раскрылись, долженЪ былЪ при жизни шѣла ужѣ вѣ самомЪ себѣ заключашъ, и не доспаваляшъ себѣ шѣлесныхЪ органовЪ, какЪ онЪ по дѣлашъ можетЪ по разлученіи съ шѣломЪ: ежели онЪ до соединенія паки съ шѣломЪ прежнимЪ своимЪ, или до полученія новаго, не долженЪ находилъся вѣ весьма праздномЪ, уединеніомЪ и скучномЪ сосноянїи.

МожешЪ бышь душа чрезЪ особенное иѣкое дѣйсшвіе, сильнѣйшее и необыкновенное напряженіе силы духовной, кошорая заключена еще опчасши, шакЪ сказашъ, вѣ роскожѣ своемЪ, оспавляешЪ иногда мѣсто своего пребыванія, для посѣщенія сродной души и для возбужденія вѣ ней шакого непосредственнаго чувспвованія, кошорое мы называемЪ предвѣщаніемЪ сѣрдца.

Вообще сказашъ, что или должно цѣ-лое всѣми принятое ученіе о вдохновенїяхЪ опшвергнушъ, или допусшшъ что духи, и безѣ

безъ органическихъ иѣлъ, когда захопятъ могутъ имѣть на краткое время между собою обращеніе. Возможность сего есть неоспорима; а что принадлежитъ до дѣйствительности, то она утверждается тысячу никакому сумнѣнію неподверженными опытами.

У Положимъ на пр. что духовидѣніе *Шпеденбургцо* преисполнено фанатизмомъ; однако всегда остается много истиннаго въ томъ, что принадлежитъ до непосредственнаго духовъ между собою сообщенія. Мужи, всякую довѣренность къ себѣ заслуживающіе, ручающіяся единогласно въ томъ, что *Шпеденбургъ* былъ человекъ честный и подлинно разумный, и что онъ дѣйствительно открылъ такія вещи, коихъ не могъ бы онъ открыть обыкновенными путями. Я приведу здѣсь въ доказательство только слѣдующіе, на самой истинѣ основанные, примѣры. — Во время случившагося въ 1754 году извѣстнаго великаго пожара въ Стокгольмѣ находился *Шпеденбургъ* въ Гюшенбургѣ въ одномъ собраніи, и когда огонь въ помянутомъ городѣ свирѣпствовалъ наиболѣе, то всѣ бывшіе съ нимъ примѣнили на лицѣ его внутреннюю тоску и безпокойство. Одинъ изъ ближайшихъ его пріятелей спрашивалъ его, что ему сдѣлалось? На что онъ отвѣщивалъ, что въ Стокгольмѣ

гольмѣ ужасный пожарѣ, которое его сердечное чувствованіе два дни спустя подтверждено было публичными вѣдомостями. — Вдовствующая Королева Шведская, которая не хотѣла вѣрить чудному его дару требова- ла отъ него доказательства, посредствомъ котораго могла бы она согласиться съ общимъ о немъ мнѣніемъ, что и исполнила безъ всякаго прекословія, когда онъ спустя нѣсколько времени открылъ ей такое дѣло, о которомъ, кромѣ ея самой и другаго умершаго, никто изъ живыхъ совѣмъ не зналъ, да и знать не могъ. — Нѣкошорый знашій чело- вѣкъ умеръ скоропоспѣшно, послѣ его смерти объявилъ одинъ себя заимодавцемъ его въ чрезвычайно великой суммѣ. Овдовѣвшая супруга хотя и точно знала, что она- я сумма давно была уже уплачена; однако не имѣя надлежащаго доказательства, была въ опасности заплашиться въ другой разъ, и шѣмъ самимъ видѣть управу цѣлаго своего имѣнія. По долгомъ но щещиномъ стараніи оныскавъ сей важный для нея доводъ прибѣгнула она наконецъ къ Шлеген- бургу. Онъ велѣлъ себя возить по всѣмъ помѣстьямъ покойнаго и между прочимъ при- ѣхалъ въ одну опдаленную деревушку, гдѣ покойной весьма рѣдко, и то на нѣсколько часовъ для окопы оспанавливался; какъ скоро онъ вошелъ въ домъ, то лице его переменилось и сдѣлалось свѣшлѣе. Онъ успремил-

ся прямо въ одну комнату, въ которой укрѣпленъ былъ въ каменной стѣнѣ шкафъ, велѣлъ пошчасъ сбить висящій на немъ замокъ, и нашелъ искомыя важныя бумаги. — Почему присвоеніе имъ себѣ дарованія въ шомъ, что онъ могъ имѣть особенное обхожденіе съ духами, заслуживаетъ само по себѣ вѣру, сколь бы много ни вмѣшивалось въ семъ случаѣ также и фанишизма ошъ дикаго воображенія происходящаго.

Я умалчиваю здѣсь о многихъ другихъ частныхъ случаяхъ, которые утверждаются на исторической достоверности, и содержатъ несомнительнѣйшія доказательства того, что душа и до сокрытія своей способности можетъ предвѣщать. Таковыхъ примѣровъ много, и событіе ихъ оприцается конечно числомъ людей весьма не многихъ. Симъ чрезвычайнымъ образомъ люди, въ отдаленности живущіе, возбуждаютъ иногда въ друзьяхъ чувствованія, подающъ и принимающъ тайныя мановенія объ угрожающихъ опасностяхъ, о несчастныхъ приключеніяхъ и о часѣ смерти. Ибо въ сію минушу душа умирающаго, при послѣднемъ напряженіи своей силы, не рѣдко бываетъ способна къ ошмѣннымъ дѣйствіямъ и понятіямъ яснѣйшимъ. Однако всегда требуется необыкновеннаго, весьма тонкаго чувства расположенія къ шому, чтобъ сіи гадательныя и сокро-

сокровенныя силы души подвигнуть къ произведенію такихъ дѣйствій, или спорадическимъ образомъ таковыя дѣйствія чувствовать.

Между тѣмъ бесполезно будешь хотѣніе всячески спараться душу свою доводить до таковыхъ усилій, и какъ бы въ парникъ, нераскрывшіяся еще ея силы нудить ранѣ къ созрѣнію. Очѣ чего только разгорячипся воображеніе, и родятся бредни, какъ что иной наконецъ и въ ясной полдень увидишь признаки, и вмѣсто того чтобъ силы духа своего изощрить и ошпичить, оныя какъ приступишь, что въ будущей жизни первымъ его упражненіемъ будешь излѣченіе себя только отъ вздорныхъ своихъ мечтаній, вмѣсто того, чтобъ по преселеніи своемъ въ царство совершенства быть посвященнымъ въ высшіе степени яснѣйшихъ познаній. Весьма будешь худо, когда обращеніе съ духами сдѣлаешь такою повсемѣсною и всеобщою заразою, каковою дѣйствительно сдѣлалась наука угадывать по лицечертаніямъ. Жаль токмо, что излишняя наблюдается бережливость чрезъ Силуэпшы — или пересылки портретовъ, вмѣсто того, чтобъ всякъ показалъ себя смолителю въ напурѣ, и такимъ бы образомъ въ себѣ самомъ далъ разсматривать душу, которая еще не хочетъ себя до того допустить, чтобъ пересылали ея во чтонибудь обвернушою.

Читатели и читательницы уповашельно не будутъ не довольны симъ мешафизическимъ разсужденіемъ, понеже оно принадлежишь къ шѣмъ, кошорые нынѣ въ обыкновеніи, и иному можешъ понадобится для вступленія въ другихъ разговоръ о шомъ, ежели когда богиня *скука* разсудишь заблаго допусшишь, чшобъ при сонливомъ ужинѣ заведена была философическая бесѣда.

IV.

М О Л И Т В Ы
ПРЕЛОЖЕННЫЯ ВЪ СТИХИ.

I.

Востапше отъ сна припадаемъ ти блаже, и пр.

Р О Н Д О.

Помилуй, Боже, насъ! къ тебѣ мы прибѣгаемъ,
Воставше мы отъ сна молишву проливаемъ,
Пѣснь Ангельскую мы поемъ тебѣ въ сей часъ:
Свяшъ, свяшъ, свяшъ Саваоѣ! помилуй, Боже, насъ!

Помилуй, Боже, насъ, помилуй насъ, о Боже!
Къ тебѣ мы вопіемъ оставя сонъ и ложе:
Ты умъ нашъ просвѣши, услыши сей нашъ гласъ:
Свяшъ Богъ нашъ! свяшъ Господь! помилуй, Боже,
(насъ!

По-

Помилуй, Боже, насъ, когда на землю снидешь,
 Когда судишь живыхъ и мертвыхъ ты приидешь
 Со страхомъ воззовемъ къ тебѣ мы въ оный часъ:
 Свяшъ, свяшъ, свяшъ Саваоѣ, помилуй грѣшныхъ
 (насъ!)

2.

Достоинс есть яко поистинну и пр.

Воистинну достойно чшишь
 Тебя, Небесная Царица!
 Пренепорочная дѣвица
 Могла намъ Господа родить!
 Ты безъ сравненья Херувимовъ
 Честиѣ, славнѣй Серафимовъ,
 Блаженна ты на всякій часъ!
 Твое мы дѣвство ублажаемъ,
 Моли ты Господа за насъ,
 Тя Бога рождшу величаемъ.

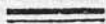
V.

ПРЕЛОЖЕННЫЕ ПСАЛМЫ.

1.

Псаломъ 19.

Господь услышитъ въ день печали
 Плачевный гласъ твой, и спасаетъ,
 Отъ тѣхъ, что зло тебѣ сплели
 Свяшую помощь онъ послешъ.

Твои усердны жертвы вспомнишь
И всесожженьямъ мзду явишь,
Совѣтъ швой праведный исполнишь
Успѣхъ желаньямъ сотворишь.

Духъ скорбный нашъ возвеселился
Твое спасенье въ Богѣ зря,
Во имя Господа явился;
Услышитъ онъ мольбы швой.

Что Царь спасенъ познали нынѣ;
Преклонитъ Богъ свой слухъ къ нему,
Приметъ гласъ его въ святынѣ
И силы въ мышцахъ дастъ ему.

Иные въ колесницахъ бранныхъ,
Другіе на коняхъ грядущъ;
И въ мысляхъ гордыхъ и коварныхъ
Тьмы прошивъ насъ полковъ ведутъ.

Но мы исправившись воспали
Во имя Господа призвавъ,
Они вспяшь обратившись пали
Предъ нашей силою сшремглавъ.

Да узритъ Царь себѣ спасенье
Въ покровѣ, Господи, швоемъ,
Да будетъ внятно въ вѣкъ моленво,
Когда тебя мы призовемъ.

2.

Псаломъ 25.

Дай судъ мнѣ, Боже, предъ побою!
 Незлобнымъ я путемъ ходилъ;
 Надеждой укрѣпленъ свяшою
 Сдержу по смѣрть паденье силъ.

Пошли спрожайши искушенья
 И испытай меня во всемъ;
 Разжги въ упробѣ воспаленья
 И въ сердцѣ, Господи, моемъ.

Твою я милосць предъ очами
 Всегда какъ солнце свѣтло зрѣлъ,
 И истинны ходя спезями,
 Тебѣ я угодишь хощѣлъ.

На сонмѣ суешныхъ совѣтовъ
 Во всю я жизнь не засѣдалъ;
 И средь преступничьихъ навѣстовъ
 Отнюдѣ причастнымъ не бывалъ.

Возненавидѣлъ церковь льспивыхъ
 И храма убѣгалъ я ихъ;
 Въ совѣтахъ злобныхъ, немесливыхъ,
 Я мыслей не давалъ своихъ.

Омыю въ неповинныхъ рукахъ
 И жершвенникъ пвой обшеку,
 Твоихъ похвалъ услышу звуки
 И въ славу чудеса реку.

Чертогъ твой блещущъ лѣпою
 Любезенъ сердцу моему
 И славы свѣтъ, что предъ тобою
 По сердцу будешь въ рѣкъ ему,

Да не сразится казною злою
 Душа съ злодѣемъ и моя,
 И мстящей мой животъ спрѣлою
 Да не пронзитъ рука Твоя.

Съ мужами, звѣрствомъ что кровавымъ
 Исполнили десницы мзды;
 Но я внималъ законамъ правымъ,
 Покрой меня отъ сей бѣды.

На камиѣ правды укрѣплена
 Моя нога не поскользнетъ;
 Тебѣ душа во мнѣ спасенна
 Въ церквахъ пѣшь, Боже! воспоешь.

VI.

ХВАЛА СЕВЫШНЕМУ.

ПОДРАЖАНІЕ СЕНЕКЪ.

Дрепному философу.

О ты Творецъ міровъ! зиждитель всѣхъ вещей!
 Начало вѣчности! благій отецъ людей!
 Ропшанье тщетное ты чадъ своихъ внимаешь
 И оксмъ благости на слабость ихъ зриаешь,
 Вражда и ненависть, коварство, злоба ихъ,
 Источника щедротъ не истощаешь твоихъ,

Премудро основалъ ты землю надъ водою,
 Пипаешь жаждущихъ ты влажностью земною,
 Небесныя шѣла движеніемъ живишь,
 Соразмѣряя ихъ вѣкамъ щещи велишь.
 Тобою красится пространство всей природы,
 Растѣнія цвѣшутъ, біють прозрачны воды,
 Испещренны луга имѣють красоту,
 Прохладу жарки дни, и хладны шеплошу.
 Ты власни всѣ своей сшихи покоряешь,
 Смиряешь грозный понтъ, и бури утишаешь:
 Лишь сердце злобно шать прошивъ себя могло,
 Оно дерзаетъ власть вмѣняя твою во зло,
 О существѣ швоемъ постигнуши не щемъ
 И въ заблужденіи прошиву Бога рощемъ.
 Се бранный человекъ, одушевленна шварь
 Начальникъ шварей всѣхъ, и несѣкомыхъ Царь,
 Величіе швое, о Творче, уменьшаетъ,
 Онъ бѣдъ своихъ себя виновникомъ считаешь,
 И волю онъ твою, и благодащ винишь,
 Шшремленію шпастей себя причиной чшишь,
 Онъ въ мірѣ вещи всѣ желаетъ перешавишь.
 Тебя опвергнуши и самъ себя прославить
 Не стоишь мщенія онъ, Боже, Твоего!
 Со милосердіемъ зри слабости его.

VII.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ.

При словахъ: *аще не Господь созиждетъ градъ, псуе вѣдъ стрегій.*

Ее Богъ мой на меня во гнѣвѣ громы мещетъ!
 Хладѣетъ кровь моя! вся внутренность шрепе-
 щетъ!

Нѣмѣюшѣ члены всѣ! спрахѣ душу рвешѣ мою!
 О Боже! предѣ тобой смиренно я спою!
 Спою! и съ трепетомѣ сердечнымѣ размышляю;
 Когда въ небесну твердѣ я взорѣ свой устремляю,
 Я зрю, что небеса нечисты предѣ Тобой
 И сами Ангелы порокѣ имѣли свой!
 Безѣ должной казни ихѣ грѣха ты не оставилѣ,
 Въ паденьи Ангеловѣ свою ты властѣ прославилѣ,
 Небесну твердѣ казня ты пастѣ велѣлъ звѣздамѣ,
 Моимѣ ли ниспослешѣ прощеніе грѣхамѣ?
 Я прахѣ емѣ, я ничто! чего ждашь остается,
 Когда всѣмѣ по дѣламѣ награда воздаешѣ?
 Ничтоже свято есть, ни въ чемѣже есть спасенье,
 Когда руки твоей не дастѣя подкрѣпленье
 Премудрость безѣ тебя сгущенный мракѣ явитѣ,
 Она скрываетѣ свѣтъ, она сердца мрачитѣ,
 И сила всякая безеильна остается,
 Когда твоя, мой Богѣ, ей сила не коснетѣся.
 Не защищаешѣ ты кого щитомѣ твоимѣ,
 Топѣ силы немощамѣ не можешѣ дать своимѣ;
 Оставленны тобой какѣ прахѣ мы погибаемѣ,
 Взыскуемы тобой отѣ смерти воскресаемѣ,
 О Боже! предѣ тобой я весь уничтожаюсь,
 Какѣ почка во своемѣ пространствѣ я теряюсь,
 То само бытіе, которо я обрѣлъ,
 Есть дѣйствіе твоихѣ непостижимыхѣ дѣлѣ;
 Ты море глубины никѣмѣ неизмѣримой,
 Источникѣ мудрости, духѣ свящѣ, непостижимой!
 А я, я прахѣ земный! ничто изѣ ничего!
 Не спою бытія я, Творче, моего!
 Гдѣ славы есть чертогѣ и гдѣ обѣтованье?
 Гдѣ добродѣтели и вѣры упованье?
 Сно судебѣ твоихѣ пожершо въ глубинѣ!
 На что миѣ славы звукѣ? На что и чести миѣ?
 Хва-

Хвалами смертнаго могуль я возносишься,
 Коль сердце Господу мое не покорится?
 Сплешающій хвалу, какъ я, ничтоже есть,
 И съ шумомъ словъ его моя промчится честь!
 Господня истинна во вѣки пребываетъ,
 Во вѣки славимъ насъ, безсмертьемъ награждаетъ.

VIII.

ЧЕЛОВѢКЪ

къ душѣ своей.

О бѣдная душа! токъ слезный проливай!
 О похищенномъ ты блаженствѣ воздыхай,
 Скорби! и муками различными перзайся,
 Упратой счастья всечасно сокрушайся,
 Воспомни трепеща свою ты прежню часть,
 Съ небесъ сниспала, ты, подверглась въ адску
 (власть,
 Прекраснѣйшее бывъ Господнее шворенье!
 Ты божескихъ устенъ пріяла вдохновенье.
 Онъ силу изъ себя божественну извлекъ.
 Господь тебя своимъ подобіемъ нарекъ.
 И сею силою, швою онъ жизнь возспавилъ,
 Онъ райскія тебѣ утѣхи предоставилъ,
 Всю шварь тебѣ во власть единой покорилъ;
 И именемъ тебя невѣсты онъ почтилъ.
 Но ахъ! душа моя, среди блаженной части,
 Ты покорилась своей зловредной власти!
 Господню ты любовь, и власть пренебрегла,
 Грѣхомъ ея себя лишишь ты возмогла

Имъ взоры отъ себя Господни отвратила!
 Грѣхомъ своимъ себя, ты съ Богомъ разлучила,
 Отпорженъ спалъ Господь, отпорженъ отъ тебя
 Ты скрыла свѣтъ его, покрыла тьмой себя,
 Отверзла двери ты себѣ ужасна ада,
 Ты смертоносного вкусила силу яда,
 И изъ безсмертія ко смерти ты пришла!
 Желала гибели и гибель ты нашла,
 Рыдай душа моя, рыдай и сокрушайся,
 Терзаньемъ совѣсти всечасно угрызайся,
 Оплакивай свое неслѣбно существо,
 Почувствуй ты свое, почувствуй сиротство!
 Ты тѣмъ оставлена, кѣмъ жить ты осужденна,
 Уныла, и бѣдна мертва и сокрушенна,
 Пристанища тебѣ, тебѣ покрова нѣтъ,
 Ты странствуешь, увы! среди мірскихъ суетъ.
 Къ отечеству себѣ пресѣкла ты дорогу!
 Увы! душа моя, взывай во плачѣ къ Богу!
 Среди гибели и горести своей
 Пошоки горькихъ слезъ пролей предъ нимъ пролей,
 Слезами испроси грѣхамъ своимъ прощенье.
 Да оживишь тебя Господне посѣщенье,
 Да свѣплый взоръ его, въ тебѣ прогонишь тьму
 Да возвратишься ты къ началу своему
 И съ Богомъ прежнею любовью сопряжешься;
 Да паки ты его невѣстой наречешься,
 Несчастлива душа! ко тварямъ щедръ творецъ,
 Онъ Богъ твой, судія, щадящій всѣхъ отецъ!
 Паденіемъ твоимъ онъ горкій оцъ внушаетъ,
 А обращеніемъ веселье ощущаетъ.
 Огнемъ любви къ нему себя воспламени,
 И къ Господу свое желанье преклони,
 Да привлечетъ его швоей любви сила.
 Увы! но ты грѣховъ слезами не омыла,

Не предала ты тѣмъ спраданіямъ себя ,
 Которыя шерпѣлъ Господь швой за тебя ,
 Ни шѣло ранами швое не извѣзвлено ,
 Ни кровію швоей оно не обогрэнно ,
 Спраданьемъ ты Творцу еще не воздала ,
 Среди мірскихъ суетъ въ забавахъ ты жила ,
 Цвѣтами ты себѣ дороги успидала ,
 Вѣнцы веселія въ сей жизни соплетала
 Увы ! душа моя ! распни ты плоть свою ,
 Ты , смертію ея , возставишь жизнь швою !
 Не шесшуй болѣе пріятными стезями ,
 Гряди по тернію , дремучими лѣсами ,
 Сквозь камни , дебри , ты пучины проходи ,
 Змія въ самой себѣ , чудовищъ побѣди
 Сопри главы у нихъ ! . . . Чудовищъ истребленье ,
 Тебѣ , душа моя , послужитъ въ очищенье ,
 Щипъ вѣры пріими , съ нимъ путь свой направляй
 На прежніе пути воззрѣши не дерзай ,
 И смерти вѣчныя , душа , ты ужасайся ,
 Терзайся и спени , слезами омывайся ,
 Смягчи потокомъ слезъ всещедрого ошца ,
 Досигни муками безсмертія вѣнца ,
 Ко очищенію ты способъ сей имѣешь ,
 Очистишь коль себя ты въ жизни сей умѣешь ,
 Ты паки къ своему началу возлетишь
 Въ объятія шверца съ восторгомъ воспаришь ,
 И съ нимъ соединишь благой досигнешь часши ,
 Покорствовашь ея единой будешь власти .
 Ты блага вѣчнаго , душа моя , не прашь
 Любви искру ты пошщися возжигашь ,
 Любовь швоя , тебя со Богомъ сообщаешь ,
 Любовь Его къ тебѣ тебя воспринимаетъ ;
 Паденіемъ швоимъ не возгнушался онъ ,
 Онъ въ нѣдрахъ у тебя себѣ поставилъ тронъ ;

Но ты его престолъ грѣхомъ своимъ зашмила,
И бременемъ плотскимъ, ты видѣ ея сокрыла.
Возникни, о душа! очисти Вожій храмъ,
Тебѣ всещедрый Богъ отверзнетъ двери самъ,
На свой престолъ въ тебѣ со славой воцарится,
Съ тобой встрѣчаяся съ тобою сообщится,
И вознесетъ тебя въ пресвѣплый свой чертогъ;
На сей конецъ тебѣ даль жизнь всещедрый Богъ.

 IX.

 С Т А Н С Ы.

Кожико, сердце, ты премѣнчиво бываешь!
Ни твердости въ тебѣ, ни постоянства нѣтъ,
Вчера превратностью тебѣ казался свѣтъ,
Севодни ты вкушаешь веселье въ немъ желаешь.

Что часто любишь ты, то часто ненавидишь,
Порока бѣгаешь, и въ слѣдъ печешь за нимъ.
Не вѣдаешь конца желаніямъ своимъ.
Гдѣ чаешь свѣтъ узрѣшь, единый мракъ шамъ
(видишь.)

Скучаешь иногда мірскою суепою,
И счастья въ жизни сей не хочешь ты имѣть,
Спрасями, думаешь, умѣешь ты владѣть;
А страсти часно такъ владѣютъ надъ тобою.

Сгущенный мракъ тебя, о сердце, покрываетъ
Не можетъ сквозь него въ тебя проникнуть свѣтъ,
И въ наружностямъ тебя желаніе влечетъ,
Плоть брэнная тебя во сѣбѣ уловляетъ!

Опомнись, сердце, ахъ, пока имѣешь время!
Опомнись, и щещой себя не заражай,
Среди ушѣхъ мірскихъ ушѣхи не вкушай,
И безпечально ты неси печалей бремя.

Прилично ли тебѣ имѣшь спраспей волнение?
Тебѣ ли сладости житейскія вкушаешь?
Когда самъ Богъ въ тебѣ возможешь пребывать
И хочешь самъ въ тебѣ имѣшь успокоенье.

Къ блаженству швоему отверста имѣ дорога,
Съ Создателемъ себя, швой грѣхъ одинъ дѣлишь.
И покаяніе коль грѣхъ швой истребишь,
Ты воплощеннаго въ себѣ познаешь Бога.

Пришествія Творца съ надеждой ожидая
Щипомъ любви себя и вѣри огради,
Грядущему въ тебѣ во срѣшеніе гради,
Отверзи храмъ его, въ немъ жертву возжигая.

Сколь жертва та блага, которой Богъ желаетъ?
Чистѣйшей онъ любви лишь хочетъ отъ тебя.
Любовью чтобы ты связала съ нимъ себя,
Для блага швоего сей жертвы ожидаетъ.

Въ швоемъ спасеніи находишь услажденья;
Во преступленіи печаль находишь онъ,
И хочешь чтобы его ты очищая шронъ,
Очистила себя путь къ вѣчности спасенья.

Но благости Творца, ты сердце отвергаешь
И славы вѣчныхъ не ищешь ты своей,
Не знаешь, сердце, ты погибели швоей,
Благаго Бога ты быть гнѣвнымъ принуждаешь.

Онъ столькожъ справедливъ, колико благотворенъ,
Источникомъ лѣтъ онъ благо на благихъ;
Но гнѣвомъ распаясь, онъ мечетъ громъ на
(злыхъ,
Мы властны погрѣшати, онъ насъ казниши воленъ.

О сердце позабудь, забудь спрассей волненье,
И твердо воружись противъ мѣрскихъ суешъ!
Богъ къ тихому тебя пристанищу зовешъ
Ты въ немъ обрящешь все свое успокоенье (*).

Х.

С О Н Е Т Ъ.

Смерть отчаяннаго грѣшника.

Ослабь мученіе! о! Боже, пощади,
И щиромъ швоего покровѣ огради!
Воззри на скорбь мою, я въ мукахъ унываю!
Ничто не пользуетъ! я гибну, умираю!

Чшб

(*) Издатели чрезъ сіе свидѣтельствуемъ свою благодарность автору сихъ послѣднихъ чешырехъ піесъ, прося припомѣ и впредь сообщати имъ подобныя сочиненія, за которыхъ они долгомъ пославляють изъявиши свою признательность, равно какъ и всѣмъ одолжавшимъ и одблжающимъ ихъ своими шрудями.

Что можешь пособить въ спраданьи нынѣ мнѣ?
 Я цѣпенѣю весь, я рвусь внутри и внѣ,
 Зракъ меркнетъ! въ членахъ дрожь! кровь въ
 (жилахъ замерзаетъ;
 языкъ шупѣетъ, см. . . м. . . м. . . ерть ко шѣлу
 (приступаетъ!

Готовлюсь въ смершный одръ, на немъ уже лежу,
 Сквозь зыблющійся свѣшъ на вѣчность я гляжу,
 Гляжу, и ужасомъ содрогшись возмущаюсь!

Во всемъ почувствовалъ я шѣлѣ шрепетъ вдругъ. .
 Изъ шѣла рвется мой. . . и вылетаетъ духъ;
 Въ песчинку, въ персть, въ пыль, въ прахъ, въ ни-
 (что преобразуюсь.

ХІ.

Р О Н Д О.

Послѣдній помни часъ, часъ страшный, часъ кон-
 (чины!
 Поглотитъ швой корабль, о смертный, зѣвъ пу-
 (чины,
 Погибнетъ бурей онъ разрушася, разорясь,
 Поспигнетъ смерть тебя! послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ! сей часъ швоей кончины!
 Оставшися въ волнахъ на произволь судьбины,
 Сражаемъ бурейо и въ силахъ ушомьясь,
 Чего ты можешь ждашь? — Послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ! ужъ буря попопляетъ,
 Но се волна волну другую ударяетъ,
 Спѣшитъ отъять тебя, потомъ съ шобою мчасъ
 Несетъ на брегъ иной! послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ! какъ въ чувствѣ ты
 (приходишь,
 На брегъ вѣчности себя уже находишь,
 Который навсегда дѣлитъ тебя отъ насъ,
 Стоишь ты изумленъ! послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ! въ мѣстахъ сихъ неизвѣ-
 (стныхъ
 Зришь бездны ужаса и тьмы вещей прелестныхъ,
 Зришь то, чего не могъ доселѣ зрѣть своей глазь;
 Съ надеждой смѣшенъ страхъ! Послѣдній помни
 (часъ!

Послѣдній помни часъ! какъ зришь то предъ то-
 (бою,
 Се Ангелъ громкою зоветъ тебя трубою
 Предстать Царю сихъ мѣстъ! сей слыша грозный
 (гласъ
 Идешь на страшный судъ, послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ! шамъ ты иль оправдишься,
 Прославишься на вѣкъ, иль вѣчно постыдишься,
 Иль въ мрачный адъ преидешь, иль съ Богомъ
 (сѣднись
 Наслѣдишь царствіе! послѣдній помни часъ!

Послѣдній помни часъ ! твой судъ уже свершился ,
 Въ юдолю плачевную , иль въ рай ты преселился !
 Безсмертный человекъ ! счастливѣль ты насъ ,
 Иль въ вѣщшемъ бѣдствіи въ послѣдній оный часъ ?

 XII.

Э П И Т А Ф І Я

 ГОСПОДИНА ГРЕЯ САМОМУ СЕБѢ.

Того , кто славѣ былъ и счастью неизвѣстенъ
 Покоится глава во нѣдрахъ сей земли ,
 Не морщили предъ нимъ науки видъ прелестенъ ,
 Задумчивость его причла въ друзья свои.

Велика искренность была въ немъ и пріятство ,
 Онъ мзду свою за то отъ неба воспріалъ ,
 Давъ слезу бѣдности, онъ опдалъ все богатство,
 И друга получилъ , чего лишь онъ желалъ.

Прохожій ! дѣлъ его не обнажай ты болѣ ,
 Изъ безднѣ не изводи ты слабостей его ,
 Онъ надѣясь шрепещушъ въ сей юдолю ,
 Судьбы ждушъ своя отъ Бога своего !

XIII.

ОДА (*)

Время.

Все на свѣтѣ семѣ превращено,
 Все на свѣтѣ суеша!
 Исчезаетъ невозвратно
 Всякой вещи красота,
 Младость и лица пріятство,
 Сила, здравіе, богатство
 И порфира и виссонѣ.
 Что въ очахъ намѣ ни блистаетъ,
 Все, какъ воскѣ, оно распаетъ,
 И все минетъ, яко сонѣ.

Всякой вещи въ свѣтѣ время,
 Всякой мысли есть конецѣ;
 Старость наше тяжко бремя
 И мученіе сердецѣ.

Толь.

(*) Ода сія сочинена извѣстнымъ свѣту Россійскимъ стихотворцемъ покойнымъ Г. Майковымъ. Особа, доставившая намъ сей манускриптѣ писанный собственною рукою самаго сочинителя, увѣряла насъ, что ода сія еще нигдѣ не напечатана. Мы, уважая высокія дарованія сочинителя, такъ какъ и увѣрявшую насъ о вышесказанномъ особу, представляемъ удовольствіемъ помѣстить сіе сочиненіе въ первой части нашихъ изданій, дабы угодишь читателямъ нашимъ чрезъ доставленіе такого сочиненія сего славнаго стихотворца, которое находится только въ рукописяхъ.

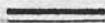
Только старость овладѣетъ ,
 Кровь изсякнувъ охладѣетъ ,
 Нѣжны чувства замрутъ ;
 Что насъ прежде услаждало ,
 Что веселіе раждало ,
 То родитъ болѣзнь и трудъ.

Помѣспятся мысли скучны
 Вмѣсто всѣхъ веселыхъ думъ ;
 И печали не оплучны
 Будушъ опягчашъ нашъ умъ ;
 Умъ во скукѣ злой пошонетъ ;
 Сердце томное засшонетъ ,
 И ушѣхъ не ошущитъ.
 Все зашмится предъ очами ,
 Дни покажущся ночами ;
 Что увижу , все смущитъ.

Ахъ! о время дней крапчайшихъ!
 Время , люшый нашъ тиранъ!
 Воды спруй швоихъ сладчайшихъ
 Льюшся въ вѣчный океанъ.
 Мы шбой себя прельцаемъ ,
 Только рѣдко ошущаемъ ,
 Сколь ты скоро прошечешъ ;
 И что въ жизни намъ пріятно ,
 Ты съ собою не возвращаю
 Все то въ вѣчность увлечешъ.

Время все отъ насъ похишишь
 И со онымъ насъ самихъ,
 Хошь оно и не насышишь
 Алчныхъ челюстей своихъ;
 Все исчезнешъ по росю!
 Время острою косою
 Все ссѣчешъ въ единый часъ,
 И меня . . . когда? . . . не знаю,
 Только гласъ его внимаю,
 Сей его внимаю гласъ:

„ Все, что зрится вамъ прекрасно,
 „ Все съ собою унесу;
 „ Все на свѣшъ я всечасно
 „ Возмущаю и трясу.
 „ Возведише только взоры,
 „ Гдѣ высоки были горы,
 „ Тамъ пропасти земны,
 „ И гдѣ киты обипали,
 „ Острова шамъ нынѣ спали
 „ Изъ морскія глубины.

„ Гдѣ вселялись рыбы, гады,
 „ Тамъ жилище днесъ людей.
 „ Превращаю я и грады
 „ Въ обипалища звѣрей;
 „ Горы съ мѣста предвигаю,
 „ И потряши ихъ ввергаю

- „Ро пространныя моря.
 „Солнце, звѣзды со луною
 „Прошекутъ на вѣкъ со мною
 „И престанешъ быть *заря!*

Всякій шагъ намъ шагъ ко смерти,
 Всякій мигъ влечетъ насъ къ ней,
 Всякій часъ грозитъ пререшши
 Вѣрвь крапчайшихъ нашихъ дней;
 Чшо мы думаемъ, иль пишемъ,
 Говоримъ, иль просто дышемъ,
 Время между тѣмъ печетъ;
 Какъ сіе изрекъ я слово,
 Насшупило время ново,
 А шого ужъ больше нѣтъ.

Свѣтъ исполненъ злыхъ пороковъ
 И исполненъ суеши,
 Музъ любимецъ, *Сумароковъ*,
 Возвѣспи о семъ миѣ ты!
 Коль во свѣтъ все премѣнно,
 Все не швердо, ломко, шлѣнно;
 Санъ, богашство, жизнь мечта.
 Чѣмъ же свѣтъ намъ шоль прелестенъ;
 Коль всему конецъ извѣстенъ,
 Чшо же въ немъ не суеша?

XIV.

РАПСОДІЯ

Богинѣ Минервѣ.

Громоноснаго дщерь бога
 Изъ главы его рожденна!
 Взоръ склои ко мнѣ богиня
 И подай сей пѣсни плавность,
 Чшобъ звонъ лиры полюбился
 Крошку твоему питомцу!
 Онъ черпогъ шебъ гошовишъ
 И олшаръ швой украшая,
 Миршемъ и младымъ иссопомъ,
 Биміамъ на немъ вжигаетъ
 Въ честь шебъ, безсмершна дѣва!
 Ты когда къ нему нисходишь
 Крошкимъ свѣшомъ облеченна:
 Онъ шѣ крылья просширая,
 Кои шыжъ ему враспила,
 Весело шебя встрѣчаетъ
 Тамъ, гдѣ звѣзды ярко блещушъ,
 Гдѣ опецъ твой пронъ имѣетъ
 Съ знапомъ въ синешу одѣянъ.
 Все, что ты ни возвѣщаешь,
 Твой любимецъ твердо помнитъ,
 Въ сердцѣ чиспомъ сохраняетъ
 И другимъ шо возвѣщастъ:
 Сколь, богиня, ты прекрасна,
 Сколь щедра ты и богаша.
 О коль счастливъ сей безсмершный!

О Трифонія блаженна!
 Много у тебя сокровищъ,
 Но единъ къ нимъ путь проложенъ
 Чрезъ извивы лабиринта!
 Научи насъ въ немъ ходити,
 Научи мечемъ владѣти,
 Чшо сама ты изосприла!
 Помоги попрашь чудовищъ,
 Зміевъ ошгони свиспящихъ,
 Дай убишь миѣ Миношавра;
 И шогда съ швоимъ любимцемъ
 Чаю вознесишь превыше
 И Пліадъ и Сиріуса.

 XV.

 ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Богъ есть высочайшее благо.

Нѣшъ сомнѣнія, что есть нѣкоторое
 всѣхъ вещей высочайшее и самое совершен-
 нѣйшее благо, котораго смершныя еспешивен-
 но крайне желаютъ, и къ полученію онаго
 предприемаютъ всѣ мѣры. Тѣмъ шолько и раз-
 личесивуемъ мы ошъ прочихъ, неимѣющихъ
 разума, живопныхъ, что они въ дѣйствіяхъ
 своихъ никакого предмета предположишь себѣ
 не могутъ, и природнымъ нѣкоторымъ по-
 бужденіемъ шремяшя шолько къ шому, что

предъ глазами своими видятъ : мыже напрошивъ шого будучи одарены разумомъ, что ни дѣлаемъ дѣлаемъ съ какимъ нибудь намѣреніемъ. Дѣйствія наши бывають или добрыя или злыя. Чрезъ добрыя дѣла мы предмета своего достигнуть шщимся, и для шго спѣшимъ всѣ къ Богу, яко истинному всѣхъ дѣяній нашихъ предмету : злыми же дѣйствіями отъ сего предмета далеко удаляемся. И такъ высочайшее блаженство или основательнѣйшее благополучіе или самое совершеннѣйшее человѣческое благо есть единъ Богъ, къ достиженію котораго всѣ дѣйствія наши клониться должны: а уклоняющіеся отъ сего предмета несчастливы.

Спасительный къ сему совѣтъ далъ Аристотель Александру Великому, сказавъ древнее и отъ предковъ преданное изреченіе, *что отъ Бога и чрезъ Бога все сотворено.* О! еслибы совѣтъ сей всѣ государственные совѣтники самымъ дѣломъ исполняли! Се слова исполненныя благочестія, хотя и отъ язычника произнесенныя. О семъ же самомъ и особливый наукъ любитель и защитникъ, обыкновенно опцемъ ученаго свѣта называемый, научая Цесаря сказалъ: *Божественное всемогущее существо псѣмъ сердцемъ и по всякое время по законамъ отечественнымъ и самъ чти, и другихъ къ почитанію онаго побуждай.*

Почитае́тся же сіе высочайшее существо чрезъ *благочестіе*, которое есть нравственная добродѣтель изъ всѣхъ совершеннѣйшая. Она есть какъ бы нѣкопояная сила преклоняющая насъ къ достойному почитанію Бога. Посему изрядно сказалъ древній нѣкопояный Философъ, что Богъ благосклоннѣйшимъ себя являетъ къ тѣмъ, которые его досподожно чшущъ. Отдае́тся же сія благочестіемъ украшенная честь и поклоненіе Богу по долгу, ш. е. яко верховнѣйшему всѣхъ Творцу, Владыкѣ и Царю всѣхъ шварей.

Никакая вещь не дѣлае́тъ сердець и нравовъ человѣческихъ столь чистыми, какъ благочестіе. Ибо естли въ чіе сердце вселился благочестіе, то всѣ добродѣтели шуда заимъ слѣдуютъ. Ошняявши главнѣйшій предметъ благополучія добродѣтель, и презрѣвши основаніе и утвержденіе онаго благочестіе, содержащее въ порядкѣ и защищающее правительсва, пороки привели бы вдругъ благоденствіе обществъ въ несчастное состояніе, естлибы члены обществъ не привели себѣ на память, что есть иной верховнѣйшій судъ, гдѣ будущъ судимы человеки не шолько за дѣла, но и за помышленія, гдѣ злые осуждены будущъ на вѣчныя мученія, а добрые вѣчное благо получаютъ въ награжденіе.

Надежда получить вѣчное благо и страхъ впасъ въ вѣчныя муки всякому даже и са-

тому безбожнику отъ природы будучи врождены приводящъ въ порядокъ дѣйствія человѣческія. Каіи Калигула Римскій Императоръ насмѣхался всѣмъ Богамъ : однако когда слышалъ гремящаго на небесахъ , признавалъ нѣкую сильнѣйшую руку, которая наказать его можешъ. Нѣшъ ни единого столь нечувствительнаго сѣрдца человѣческаго, которебы не признало сея всемогущія десницы. Почему всякъ естествоенно спремился къ совершеннѣйшему благу, въ чемъ успокоиться можешъ только тогда, когда получивши довольно почтешъ себя блаженнымъ.

Но спрашивается, что есть высочайшее человѣческое благо? Оно есть безпредѣльное нѣкое постоянное и всегда пребывающее изъ взиранія на лице Божіе происпекающее удовольствіе, которое, будучи само по себѣ совершенно, не имѣешъ нужды ни въ какихъ плѣнныхъ благахъ. Оно никакими заботами, ни страхомъ не прекращаешся : но въ томъ самомъ состоипъ, что есть постоянное и вѣкъ пребывающее благо.

Сіе блаженное состояніе сей временной жизни нашей весьма несродно. Здѣсь все заключено по большей части въ надеждѣ; а полученіе совершенное къ будущей жизни опносить надобно. Ибо сія временная жизнь, бѣдамъ, несчастіямъ, болѣзнямъ душевнымъ

внымъ и шѣлеснымъ и всегдашнимъ переменамъ подвержена. Высочайшее же благо или верховное благополучіе отъ всѣхъ сихъ противныхъ обстоятельствъ удалено. И шакъ изъ сего слѣдуетъ, что совершенное благо состоящъ въ единомъ Богѣ, и сего блага совершенно получишь въ сей жизни не возможно. Посему мы между шѣмъ всѣ дѣйствія наши шакъ располагашъ должны, чтобы оныя болѣе относились къ блаженной будущей жизни, къ предѣламъ вѣчнаго благополучія состоящаго въ единомъ Богѣ.

2.

Пылкіе отъ природы умы естьли не будутъ надлежащимъ образомъ направлены, тѣмъ опаснѣйшими дѣлаются, чѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ природной остроты.

Человѣкъ хорошо воспитанный и изученный всегда бываетъ скромнѣе и всѣмъ любезнѣе. Когдажъ не будешь довольно наученъ или хорошо воспитанъ, то бываетъ свирѣпѣйшій и неукротимѣйшій изъ всѣхъ живущихъ на земли.

Испинну сего на самомъ опытѣ признали общенародныя правительсва, примѣчая, что отъ природы пылкихъ, но не хорошо воспитанныхъ умовъ нѣтъ ничего для общества злѣе и пагубнѣе. Они никогда не храняшъ порядка ни въ повелѣніи, ни въ повиновеніи. Постоянно же повелѣвашъ

другими и самому другимъ повинувашься заключаетъ въ себѣ шакую силу или необходимость, что сіе одно по справедливости печешься можешь утвержденіемъ челоѳческихъ дѣлъ. Безъ сей необходимости ни одинъ домъ, ни одно общество, ни одинъ народъ, ни весь челоѳческій родъ, ни вся природа, ниже весь міръ въ порядкѣ пребышь не можешь. Древнихъ Философовъ о сихъ опъ природы пылкихъ умахъ мнѣнія были различны. Нѣкошорые утверждали, что всякое доброе расположеніе опъ Бога непосредственно вселяешься. Другіе сказывали, что всякое добро начало свое имѣешь опъ природы. А иные думали, что всякое добро въ челоѳкѣ раждаешься опъ добраго воспитанія и хорошаго ученія. Почему премудрость и всякую добродѣшель не только опъ Бога, или опъ природы, но и ученіемъ пріобрѣспь можно. Первые думали, что добродѣшель по опредѣленію Божію безъ всякаго труда вливаеться въ сердца челоѳческія. Другіежъ утверждали, что Скиѳамъ самая природа даетъ то, чего Греки чрезъ долгое ученіе и чрезъ всѣ прѣвила любомудрія доспигнушь хотѣли. Сего мнѣнія и самъ Сенека прідерживался, когда въ письмѣ 25 говоритъ: Нѣкошорые безъ высокихъ наукъ и безъ всякихъ наспавленій сдѣлались добродѣшельными, и великіе успѣхи получили слѣдуя однимъ только простымъ прѣвиламъ.

Такимъ

Такимъ образомъ Курій, Фабій и другіе безъ всякаго наставленія по самому доброду природному расположенію были и добродѣшельные и для общества полезнѣйшіе люди. Ибо нѣкоторые изъ смертныхъ, говоришь Сенека, бывають одарены столь превосходными качествами, что безъ наставленій обыкновенно наблюдають честность и по природѣ исполняютъ правила благочестія.

Остается еще разсудить о природной пылкости скрывающейся естественнымъ образомъ въ умахъ человѣческихъ. Какъ кроющаяся въ камнѣ огненная искра вдругъ является отъ удара его о желѣзо: такъ равно отъ природы пылкіе умы ученіемъ изоощряются и воспаляются. И еслили они къ добру въ самомъ началѣ возбуждены, то всегда къ нему спремимся будутъ. Еслили пылкимъ отъ природы умамъ съ начала будетъ показанъ путь къ порокамъ, то и спремленіе ихъ всегда шуда бываетъ направляемо.

Часто видѣшь случается, что нѣкоторые люди имѣють сильныя, великія и скорыя душевныя движенія; а другіе напрошивъ того малыя унылыя, и медлительныя. Въ нѣкоторыхъ людяхъ примѣшна умѣренная ума пылкость, а въ другихъ виденъ совершенный пламень, яко молнія сверкающій. Ибо люди горячаго сложенія пламенѣють, а холод-

лоднаго хладѣють. Но при всемъ помѣ
надлежитъ спарашься, чшобы онѣ при-
роды великіе умы порядочно были пріучаемы
къ великимъ и многотруднымъ дѣйствіямъ;
ибо ихъ погрѣшности всѣхъ опаснѣе. Для
сего-шѣ нѣкоторыя искусныя полишики вели-
кіе и рѣдкіе умы почитаютъ неспособ-
ными къ правленію обществомъ, и особливо
по причинѣ упорства, которое имъ свой-
ственно; для шого они предпочитаютъ имъ въ
управленіи обществомъ умы посредственныя,
были бы они шолько несвоенравны.

Форстнеръ въ политическихъ своихъ
примѣчаніяхъ объявляетъ, чшо народы
оспроумнѣйшіе предъ прочими всегда имѣютъ
желаніе къ новостямъ; посему и общества
ихъ подвержены бывають частымъ перемѣ-
намъ. Бодинъ пишетъ, чшо въ продолженіи
ста лѣтъ Флорентинцы седмикратно пере-
мѣняли видъ своего общественнаго правленія.
Сію перемѣну онъ приписуетъ пылкимъ ихъ
умамъ. Ибо сего ни съ Венеціанами, ни съ
Швейцарами, имѣющими посредственныя умы,
не случалось.

Изъ сего слѣдуетъ, чшо великихъ умовъ
въ опправленіи сомнительныхъ и опасныхъ
дѣлъ, а особливо такихъ, гдѣ болѣе нужна
крѣпость и нѣкоторая скрышность, употре-
блять не должно. Однако природныя великіе
умы

умы полезны въ совѣсныхъ собраніяхъ, дабы поварицей своихъ умы изощряшь, и сосѣдныхъ народовъ намѣренія скорѣе предусматривашь могли. Школа, въ которой великіе умы дѣйствіе свое имѣшь могутъ, есть дворъ. Здѣсь они въ скоромъ времени возвышаются, а скорѣе еще упадаютъ и низвергаются. Великіе пороки отъ великихъ умовъ происекаютъ. Не думайте, говоритъ Платонъ, чтобы чрезмѣрные пороки отъ людей подлыхъ свойствъ происходили. Нѣтъ! Они рождаются отъ великихъ душъ, еслии такіе люди не хорошо воспитаны. Изъ лучшаго вина бываетъ самый острый уксусъ, когда оное испорчено. Знатная порода безъ добродѣтели и учености подобна плодородному, но не всздѣланному полю, которое, не въ силахъ будучи содержать въ себѣ кроющейся сѣменной силы, рождаетъ шерне, волчцы и куколь.

3.

Богъ челоѣческими предпріятіями располагаетъ по своему хотѣнію.

Судьбы Божіи о насъ непремѣнны. Отъ Бога нѣтъ ничего скрытаго ни въ сердцахъ нашихъ, ниже во глубинѣ помышленій нашихъ. Онъ дѣла наши видитъ и словесамъ нашимъ внемлетъ. Одинъ всѣмъ управляетъ и не только есть блюститель, но и судія и ошмешитель. Человѣкъ! ты предприемлешь, но Богъ твои пред-

предпріятія часто дѣлаешъ недѣйствительными; а то самое, о чемъ ты утверждаешъ, что оно бытъ не можешъ, по Божіему изволенію случается. Богъ можешъ тебя вывести изъ Лабиринта сумнительныхъ мыслей. Тщешно, о человѣкъ! направляешъ ты парусы, естли способствующій вѣтръ не дуешъ. Тщешно утверждаешся на якоряхъ, естли не утверждаешся на помощи Божіей. Всѣ величайшія старанія смертныхъ напрасны, всѣ усилія ихъ тщешны, и всякое раченіе бесполезно безъ содѣйствія Божія. Единъ Богъ можешъ всѣ дѣла увѣнчать концемъ благополучнымъ. Какъ онъ благоволишъ, тако все и бываетъ.

Пускай свирѣпствующіе разъяренныя напаспей бури; пускай всѣми силами спремются разбить тебя о камни; пускай всѣ препятствія и все зло согласяшся погубить человека: но Богъ всѣ коварства, всѣ бури злостію воздвигаемыя въ одно мгновеніе укротитъ и ушумитъ въ силахъ. Онъ естъ шотъ, который шаръ сего міра движешъ своею рукою, дабы въ порядкѣ обращался. Онъ естъ первая безначальная вина все чрезъ причины посредствующія, различнымъ образомъ межъ собою совокупаемыя, умѣряющая пріяшно, благоразумно и полезно.

О! сколь чудныя и часто неожиданныя бывающъ дѣйствія ошъ сея всемогущія силы!

Бѣгляни всякъ на примѣры, шо увидишь, какъ Богъ все по своей волѣ располагаетъ и съ концемъ согласно ведетъ. Иосифа брата предпріявши убить бросили въ ровъ глубокой, а ошпуду извлеки продали Египетскимъ купцамъ въ рабы. Иаковъ чпшишь Иосифа умершимъ. Вотъ до чего довела зависть братьевъ Иосифовыхъ! но между шѣмъ Господь хранящій избраннаго своего Иосифа что съ нимъ сопворилъ? Иосифъ изъ темницы свободенный приводится предъ Царя Фараона, по опкровенію Божию толкуетъ сны его, и промысломъ Создателя своего Иосифъ поставляется владѣтелемъ всего Египта. Слыши слова Фараонова къ Иосифу: *Понеже показатѣь Богъ пся сія, ты будещи пь дому моемъ, и усть твоихъ да послушаютъ пси людіе мои, развѣ престоломъ азъ болѣ тебе буду.* Вотъ шотъ Иосифъ, который ошъ братьевъ проданъ и опредѣленъ былъ въ рабы! Ставъ владѣтелемъ всего Египта братьевъ и опца своего во время гланда спасаетъ онъ ошъ смерти, давъ имъ довольное пропитаніе и снабдивъ богатыми дарами. А изъ сего непримѣнно ли, что Богъ въ намѣренія человѣческія по своей волѣ управляетъ, или премѣняетъ. Но оставя древніе примѣры можно видѣшь къ сему служащіе новѣйшіе. Въ народѣ Австрійскомъ всеблагій промыслъ и судьбы Божіи довольно видны. Кто бы повѣрилъ, чтобы Португаль-

скія владѣнія достались Филиппу Королю Испанскому? Однако достались оныя по благоволенію Божию. *Эммануиль XIV*. Король Португальскій женатъ былъ на трехъ женахъ, которыя всѣ при имѣли дѣшей. Первая именемъ *Изабелла* родила *Михаила*, который будучи еще опрокомъ умеръ, равно и мать его въ родахъ скончала живопись свой. Вторымъ бракомъ сочелся *Еммануиль* съ *Марією*, *Фердинанда* и *Изабеллы* дочерью; отъ сего брака имѣлъ онъ шесть сыновей и двухъ дочерей. Отъ третьей жены родилъ онъ сына и одну дочь. Изъ сего рода воспослѣдовало довольное умноженіе Королевской крови, шакъ, что законныхъ наслѣдниковъ *Еммануиловыхъ* было дваццать два. Но, о Боже управляющій всѣмъ міромъ! все сіе множество законныхъ наслѣдниковъ, которыя могли свое наслѣдство раздѣлить съ Филиппомъ вторымъ, или и совсѣмъ недопустишь его къ наслѣдству, померли, и Филиппъ сталъ одинъ самодержавнымъ наслѣдникомъ. Господь благословилъ Австрійскую кровь. Но посмотри еще, о человекъ! и на другія подобныя перемѣны. Персидское государство при *Даріи* и *Кирѣ* превѣтшащее, при *Даріи Кодоманѣ* пало. Тожъ случилось и съ *Македонскою* Монархією, которой начало было при *Филиппѣ*, отцѣ великаго *Александра*; а конецъ при *Филиппѣ*, отцѣ *Персеевомъ*. Римская республика совершенною

вольностію наслаждалась при Луціи Брушѣ; а въ подлое рабство покорена при Маріѣ Брушѣ. Констаншинъ Великій былъ основателемъ Византійской Имперіи; но сія самая Имперія раззорена и доспалась во владѣніе Туркамъ при Констаншинѣ Палеологѣ, имѣвшемъ такъ какъ и первый Констаншанъ машерію Елену. Балдуинъ первый изъ Римлянъ опинялъ у Грековъ Констаншинополь и завладѣлъ всею Греческою Имперією: но Греки при другомъ Балдуинѣ опяшь возвратили себѣ свою державу. Первому Португальскому государю имя было Генрихъ, а по смерти послѣдняго Генриха сіе владѣніе досталось Испанцамъ. И чтожь изъ сего слѣдуешь? то, что Высочайшее Существо по своему благоволенію перемѣняешь, управляешь и располагаешь все. Сіе-то Всемогущее Существо Діонисія пиранна изъ Царя сдѣлало учителемъ шпажныхъ бойцовъ. И такъ должно во всемъ повинуваться Божію промыслу и съ истиннымъ благоговѣніемъ и благочестіемъ просишь и молишь Творца своего, да управляешь онъ начинаія наши, исполняешь желанія, намѣренія и предпріятія наши по безпредѣльной своей премудрости. И такъ во всемъ надлежитъ себя вручать въ волю Бога истинно безконечнаго и отъ него самаго учишься жить и умирать.

Всякъ имѣетъ свои недостатки и невыгоды.

Бѣдность знашнихъ людей часно кроешся подъ шляпою опличенною знаками славныхъ дѣлъ, когда кто изъ нихъ почиаетъ себя несчастнѣйшимъ на свѣшѣ, называя другихъ щасливыми, хотя у сихъ щасливцовъ сапогъ гораздо уже, нежели у мнимыхъ бѣдняковъ, и гораздо больше жметъ ногу. О чловѣкъ! ты свою бѣдность открываешь другому съ жалобами и съ печальными вздохами и пребуешь совѣта у того, который несчастье свое шашъ, и никому не открывая старается равнодушно оное сносить, хотя и не переноситъ!

Одного безпокоитъ гордость, другаго льститъ честолюбіе. Инаго изнѣживаешь вождѣніе или гонишь спремисельно къ удовольствованію спраши, инаго обезумляетъ гнѣвъ. Одинъ въ надеждѣ неумѣренъ, другой опасаясь всего и себя не помнитъ. Иной дерзокъ и свирѣпъ, другой лѣнивъ и по своей оплошности ни къ чему неспособенъ. И пакъ нѣтъ ни одной изъ самыхъ приятнѣйшихъ розъ, которая была бы безъ колкаго шернія.

Пойди въ великолѣпные дома великихъ и славныхъ владѣтелей земныхъ, гдѣ сходь и крыльца величественныя предвѣщаютъ всякое

кое благополучіе. Попроси ключей отъ внутреннихъ покоевъ и вшедши въ сокровеннѣйшія мѣста посмотри вездѣ со всякимъ любопытствомъ; подлинно найдешь и въ царскихъ чертогахъ застарѣвшія печали и всегдашнія совершеннѣйшихъ благъ желанія; сыщешь, что и шамъ желанія не всегда исполняются, и предпріятія рѣдко получаютъ хорошій успѣхъ. И тогда-то ты, любопытствуя все изслѣдовать, признаешься, что всякое человѣческое благополучіе ржею несчастія или черною худыхъ спрасней пошемняешь и совсѣмъ обезображиваешь.

Есшли болѣзни и печали по подобію досадныхъ мухъ садятся на лица Царей и славныхъ героев: то для чегожъ низкаго сосноянія людямъ досадовать? но можешъ бышь ты почпешъ паспушьи шалаши, или убогихъ людей хижины жилищемъ всякаго благополучія? Никакъ. Сколько колосовъ на поляхъ, сполько вездѣ невыгодъ. Помедли не много, и спроси о всемъ у поселянъ, или у ремесленниковъ, или у другихъ низкаго сосноянія людей. Подлинно времени не доспанешъ, и ты изъ терпѣнія прежде выдешъ, нежели возможешъ, всѣ ихъ жалобы выслушать совершенно, а изъ сего слѣдуешъ, что всякъ имѣешъ свои недоспашки и невыгоды.

Въ томъ только есть нѣкоторое различіе, что одни изъ смертныхъ умѣютъ свое несчастіе или прикрывать политическимъ образомъ, или умѣрять, или украшать цвѣтами по примѣру составляющихъ лекарства, которые хотя невкусныя пилюли позолочиваютъ, дабы обмануть принимающаго оныя: однако вкуса обмануть никогда не могутъ; ибо языкъ вдругъ чувствуетъ горечь прикрываемую позолотою. Подобнымъ сему образомъ и несчастный хотя смѣется, шумитъ, многихъ имѣетъ себѣ послѣдователей, многими окруженъ служителями, и всякое имѣетъ изобиліе: однако горестъ души своей всегда чувствуетъ, и хотя взирающихъ на него людей нѣдко обманываетъ: однако чувствуя въ сердцѣ своемъ червь грызущій его, и подъ блистающею порфирою воздыхаетъ и смущается. Но при всемъ томъ можно скрыть печаль свою.

Есть и такіе люди, кои будучи въ самомалѣйшемъ несчастіи вдругъ унываютъ и почти въ опчаяніе пришедши ужасаются и вопіютъ: левъ страшный на пути! о бѣда! увы! а другіе будучи великодушны, и великія несчастія сносятъ равнодушно.

Пишутъ въ Исторіяхъ, что были такіе люди, которые съ малолѣтства привыкли принимать ядъ безвредно, и его употребляли
вмѣ-

вмѣсто пици; равнымъ образомъ супъ и такіе, копорымъ бѣдность есть хлѣбомъ насущнымъ. По сему пріобывши къ бѣдности не ропщутъ на свою несчастную судьбу. И такъ справедливо сказано, что *припычка все преодолеваетъ.*

Ополчись убо о человѣкѣ! пропиву всякаго несчастія мужествомъ, и удары злобныя судьбы, естли возможно, опшраши, или и совѣмъ почиай оныя за ничто. Помни, что опредѣленнаго никшо не избѣгнешъ, и все что надобно сносишь и чего премѣнишь не можно, неси терпѣливо, пріемля оное съ хрисіянскимъ расположеніемъ сѣрдца. Ты не одинъ всегда подверженъ бѣдамъ; но всѣ находящіеся въ свѣтѣ семѣ ощущають отъ несчастій происходяціе удары, а по сему *всякъ челопѣкъ имѣетъ свои недостатки и непыгоды.*

6.

Въ счастіи ли нужныѣ друзья, или въ несчастіи?

Всѣ единогласно признаються, что безъ друга всякое счастіе должно почипашъ несчастіемъ. Ибо таковое счастіе бѣваетъ не совершенно. Поелику оно лишилось блага отъ дружества происходящаго. Во всякомъ родѣ жизни челоѣческой дружество есть

услаждениемъ, и какъ лишившись естественныхъ бальсамовъ гниютъ живыя шѣла; такъ равно и всякое счастье не можешь почесться счастьемъ, есѣли не будешь обальсамировано бальсамомъ дружества. Свидѣтель сему Аристопель утверждающій, что всякой возрастъ, всякое соснояніе, и всякое благополучіе нужду имѣешь въ дружествѣ. Ибо какъ богатые, такъ и начальствующіе и владѣтели земные безъ друзей провождаютъ жизнь свою въ скукъ. Никакой пользы не приносишь благополучіе, есѣли отнять отъ него благодаренія оказываемыя друзьямъ. Чрезъ что самое дружество заслуживаетъ ошмѣнную похвалу. А особливо что безъ друзей и самаго благополучія сохранишь не можно. Ибо чѣмъ большее кто имѣешь благополучіе, тѣмъ множайшимъ бываетъ подверженъ опасностямъ. Друзья единственныиъ прибѣжищемъ и защитою должны быть находящимся въ убожествѣ, или въ другихъ какихъ либо несчастіяхъ. Юношамъ нужны вѣрные друзья, дабы удерживали ихъ отъ пороковъ. Старики имѣющъ нужду въ друзьяхъ для пособія имъ въ дѣлахъ, которыхъ они по слабости своихъ силъ осправлять не могутъ.

Не меньше же сихъ нужны друзья и тѣмъ, которые, будучи на высокой степени чести, должны украшать себя и честными дѣлами. И такъ всякой возрастъ, и всякое

роспояніе нужду имѣетъ въ друзьяхъ; а особливо въ убожествѣ и въ другихъ несчастіяхъ къ другу, какъ по кораблекрушеніи къ другой доскѣ спѣшить долженъ бѣдный волнами несчастія обуреваемый, ища себѣ спасенія смѣ бѣдѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что никто кромѣ неиспытавшаго еще несчастій, спорить не станетъ, что несчастные непремѣнную нужду имѣютъ въ друзьяхъ.

Нѣкоторые философы думали, что дружество произошло отъ недостатка силъ. И для того-то единственно должно было непремѣнно искать дружества, дабы можно оказывать и взаимно получать благодѣянія. То есть, чего кто самъ по себѣ не могъ имѣть, то получалъ бы отъ другихъ, и взаимно вспомошествовалъ бы другому, и симъ способомъ получалъ бы желаемое: но сіе мнѣніе опровергаетъ Цицеронъ въ письмахъ къ Лелію, и думаетъ, что подлое и неблагородное будетъ происхожденіе дружества, если бы признавать, что оно рождается отъ недостатка и бѣдности.

Дружество основаніе свое имѣетъ на любви съ нѣкоторымъ благороднымъ чувствованіемъ совокупленной; и польза отъ истиннаго дружества происходитъ та, что чрезъ оное облегчается всякое несчастіе. Полезно дружество для счастливыхъ; ибо и самый сча-

спливѣйшій человѣкъ безъ друзей не имѣетъ всѣхъ благъ, не имѣя самаго совершеннѣйшаго блага, изъ дружества происходящаго. Должны мы вѣрить Ксенофону, который говоритъ, что имя есть самое дражайшее, что другъ есть человѣкъ рѣдкій, въ несчастіяхъ приближе, неотъемное имѣніе, хранишель славы, постоянное утѣшеніе и благополучіе достойное всякаго любви. А изъ сего кто невидитъ, что счастье любви достойное основывается на дружествѣ. Вѣрное дружество въ счастіи полезно, а въ несчастіи непремѣнно нужно.

Всѣ стоимъ на колесѣ счастья, и хотя не рѣдко бываетъ всякъ своего счастья виною: однако никто еще не изобрѣлъ такого орудія, которымъ бы могъ удержатъ непорядочное кругообращеніе непостоянства. Ибо когда счастье переѣмнится въ несчастіе, думаешь ли ты найти въ комъ нибудь вѣрность? нѣтъ постоянной вѣрности между смертными, когда колеблется счастье. И такъ при шолікомъ онаго непостоянствѣ лучшее въ жизни приобрѣлъ имѣніе шотъ, кто будучи въ благополучіи, приобрѣлъ вѣрныхъ друзей, которыхъ дружествомъ не такъ пользовался должно какъ цвѣтами, кои до шѣхъ шолько поръ пріятны, пока не увянутъ.

На друзьяхъ, какъ на крѣпкихъ сполнахъ все благополучіе нашей жизни и душевныя блага утверждать должно. Ибо хопя ты, о человѣкъ! будучи освѣщенъ лучами блаженнаго жребія славы, чести, богатства и другихъ временныхъ благъ свободно предспоишь предъ свѣшлымъ солнцемъ счастья: однако во всемъ семъ распространяешься и увеличиваешься чрезъ друга. Ибо когда другъ швой есть другой ты, то и ты усугубляешься въ другъ. Поелику человѣческое благополучіе усугубляютъ друзья, копорые суть изъ всѣхъ наружныхъ благъ совершеннѣйшее благо. И гдѣ же ты безопаснѣе положишь можешь плоды своего счастья? гдѣ? какъ не въ сердце швоего друга во время благопотребно тебя увѣщевающаго, чшобы ты излишно не вѣрилъ благопріятншвующему тебѣ зефиру, не полагался бы на прелестъ счастья, чѣмъ бы распротшерши парусы излишняго на счастье упованія, и на средину глубокаго жизненнаго моря выплывъ, не забылъ, какъ возвратился ко брегамъ своей прнспани.

Сверхъ сего и въ самомъ счастии нужно пособіе, копорого никому лучше и благопріятнѣе оказать не можно, какъ друзьямъ. Послушай что говоришь Марціалъ: несчастье шого опннать не можетъ, что дано друзьямъ; данное отъ тебя друзьямъ, вѣчно при тебѣ останешся. Посему-то Киръ
обы-

обыкновенно говорилъ : наилучшее сокровище есть другъ, котораго нѣтъ ничего надежнѣе и дороже. Также и Саллустій о сей же вещи очень приспойно упоминаетъ : „ не войско и не сокровища за-
 „ щипающъ государства, но друзья, ко-
 „ рыхъ оружіемъ принудить и богатствомъ
 „ приобрести не можно. Приобрѣтающа же
 „ они благодареніями и вѣрностію, „. Александръ
 Великій ни чрезъ что себя блаженнѣйшимъ
 не почиталъ, какъ чрезъ множество друзей.
 Ибо нѣкому желающему видѣть казначеи-
 лище, содержащее въ себѣ его сокровища, пока-
 завъ онъ рукою на друзей. Справедливо
 также и сіе, что другъ вѣрный въ несчастіи
 познается; а невѣрнаго друга нѣтъ ни-
 чего беззаконнѣе. Да и кто почитетъ по
 за дружество, гдѣ нѣтъ никакой вѣрности
 и дружескаго вспоможенія. Изрядно о семъ
 сказалъ Плавтъ, что того только за вѣр-
 наго друга почитать надобно, который въ
 несчастіи охотно вспомоществуетъ.
 Таковаго вѣрнаго дружества превосход-
 нѣйшее доказательство собственнымъ опы-
 томъ на себѣ доказывалъ Цесарь Констан-
 цій Хлоръ. Ибо когда донесено было Импе-
 ратору Діоклисіану, что его казна умали-
 лась и почти совсѣмъ испоцилась; и онъ
 послалъ къ Констанцію пословъ съ же-
 стокимъ выговоромъ за нерадѣніе о обще-
 ственной пользѣ, приводя при томъ, что
 ему

ему кромѣ убожества не миновать и того безчестія, ругательства и презрѣнія, которое обыкновенно случается съ убогими владѣльцами: по Цесарь Хлоръ желая оправдаться въ семъ обвиненіи, объявилъ своимъ друзьямъ, что онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ. Друзья сіе услыша щедрыми руками изъ своихъ собственныхъ сокровищъ злато и серебро снесли вмѣсто, и въ короткое время столь многими наполнили сокровищами казнохранилищницу, что ни одинъ почти владѣтель никогда не имѣлъ такого богатства. Что узнавъ ошъ пословъ своихъ Императоръ чрезмѣрно удивился. Блаженъ Констанцій имѣвшій поликія сокровища въ своихъ друзьяхъ! А мы изъ сего заключаемъ должны, что друзья не только увеличиваютъ сіяніе счастья, но и нужны непременно во всякомъ сословіи.

*Перепелъ съ Латинскаго языка Академіи
Кіевскія Синтаксиса учитель Іеромонахъ
Викторъ.*

XVI.

Запѣщаніе Кирило передъ смертію.

Любезные дѣти и всѣ присутствующіе друзья! Кончина дней моихъ (о которой я изъ многихъ обстоятельствъ увѣренъ) уже при-

приближается: и такъ вы, когда я скончаюсь, должны поступать и говорить такъ какъ я, будучи въ цвѣтущемъ лѣтѣ моихъ возрастѣ. Ибо я надѣюсь, что я будучи въ младенческихъ лѣтахъ, успѣлъ во всемъ шомъ, что требуется отъ отрока: достигши юношескаго возраста, въ шомъ, что принадлежало къ юношѣ: въ совершенный же возрастъ пришедши исполнялъ приличное уже возмужалымъ; а особливо, что я съ печеніемъ лѣтъ моихъ примѣчалъ купно и возрастающія во мнѣ силы. Я не чувствовалъ, чтобъ старость моя была когдалибо слабѣе моей младости; ниже могу вспомнить, чтобъ когдалибо предпринималъ какое, въ чемъ бы мнѣ не удавалось. Я имѣлъ счастье видѣть друзей своихъ чрезъ меня счастье свое получившихъ, и враговъ покоренныхъ: да и опечество свое, прежде сего ничего незначащее въ Азіи, теперь первенствующимъ предъ прочими оставляю. Все то, что я ни приобрѣлъ, сохранилъ въ цѣлости. Въ прошедшія мои лѣта, хотя всѣ дѣла мои шекли съ желаннымъ успѣхомъ: однако страхъ преслѣдовавшій меня, чтобъ впредъ прошивнаго желанію моему не увидѣть, или не услышать, или не испытать, предохранялъ меня всегда отъ высокоумія и лишніхъ забавъ. Теперь же, когда я кончаюсь, оставляю васъ, о чада! въ живыхъ, такъ какъ Боги мнѣ васъ даровали; оставляю опечество и друзей благополу-

получными. И такъ недостоинъ ли я во всѣхъ грядущія времена вѣчной славы? Почему теперь нахожу я за нужное объявить вамъ, кого изъ васъ оставляю я моимъ преемникомъ и управителемъ государства, дабы неизвестность права не произвела между вами какихъ раздоровъ. Я обоихъ васъ, дѣти мои, люблю равно: чтожь касается до того, кому въ совѣсахъ первой голосъ и первенство въ какомъ либо дѣлѣ имѣшь, сіе я предоставляю старшему, какъ во многомъ искусившемуся. Ибо я и самъ такимъ же образомъ воспитанъ былъ нашимъ общимъ опечесствомъ, чтобы старѣйшимъ не только братьямъ но и гражданамъ на публичныхъ и въ рѣчахъ уступать. Посему и вы, дѣти, такимъ же образомъ всегда поступайте; старыхъ почитайте, а передъ младшими старайтесь заслужить преимущество. Знайте, что все сказанное мною есть древнее преданіе и обыкновеніе всѣми законами принятое. И такъ ты, Камбизъ! управляй государствомъ, которое тебѣ Боги и я по нихъ, какъ отецъ, вручаю; а тебя Тавіаксаръ Сапрапомъ надъ Мидянами и Армянами, и припомъ надъ Кадусійцами поставляю надѣясь, что ты принявъ во владѣніе сіи народы, главное управленіе и наименованіе Государя предоставишь старшему, и для себя изберешь благополучіе меньшему подверженное безпокойствію, а особливо что я не предвижу, какой бы ты могъ въ человѣческихъ

скихъ увеселеніяхъ имѣшь недоспашокъ ; но напросивъ того всѣмъ шѣмъ , что можешь служишь удовольствіемъ человеку , ты будешь пользоваться. Желанъ того , что съ многими трудностями сопряжено , о многомъ заботишься , беспокоишься , стараешься сравниться со мною , другимъ сѣши справишь , опасаться чшобы и самому въ оныя не впасть , сіе болѣе долженъ испытать правитель государсва , нежели ты ; а сверхъ сего , какъ тебѣ и самому не безъизвѣстно , что сіе весьма препятствуетъ веселой жизни. Знай , любезный Камбизъ ! что не золотой Скипетръ сохраняетъ государсво ; но вѣрные друзья истинный и надежнѣйшій Скипетръ для царствующихъ . Не думай припомъ , что люди вѣрными рдятся : (ибо естлибъ то правда была , то всѣмъ бы они вѣрными казались , какъ-то и всѣ прочія вещи одинаковыми всѣмъ кажутся) но вѣрныхъ снискивать долженъ всякъ для себя ; а снискиваются они не принужденіемъ , но благодареніями. Еслили ты пожелаешь для удобнѣйшаго управленія государсва учинишь кого помощникомъ , то избери на сіе того , кто съ тобою вмѣстѣ рожденъ . Потому что , когда сограждане гораздо предпочитаютъ жителямъ другихъ городовъ , и за однимъ споломъ сидящіе шѣмъ , кои отдалены отъ онаго ; то кольми паче шѣ , кои изъ одной и тойже упробы въ свѣшъ про-

изошли, одною машерью воспитаны, въ одномъ домѣ выросли, одними и тѣмиже родителями любимы, одну мать и одного отца имѣли, должны бышь ближе всѣхъ между собою? и такъ того права, которое Боги даровали братьямъ въ сродствѣ, не употребляйте вошще, но на семъ и все прочее дружелюбіе основывайте. Такимъ образомъ союза дружества вашего ничто разорвать не можете. Ибо предохраняющій брата предохраняетъ и себя. Кому иному можете бышь полезнѣе большій братъ, какъ не братужь? кто лучше можете награждать заслуги знашнаго человека, какъ не братъ? и кому съ большимъ оясненіемъ нанесшь можно обиду, какъ не брату, имѣющему у себя старшаго брата? и такъ ты болѣе всѣхъ долженъ ему повиноваться и всѣхъ охотнѣе вспомошествовать; ибо никто болѣе тебя участія ни въ счастіи ни въ несчастіи его имѣть не можетъ. Представь себѣ припомъ и то: опъ кого бы ты болѣе могъ надѣяться получить возмездія оказавъ услугу, какъ не опъ него? кого бы ты сильнѣе защитникомъ могъ имѣть подавъ руку помощи, какъ не его? и ешлы что гнуснѣе, какъ ненавидѣть брата? Сіе одно, любезный Камбизъ, что ты старше своего брата, можете учинить то, что никакая зависть другихъ не можете къ вамъ прилѣпиться. Ешлы хоще, любезные дѣти, чтобъ вы мнѣ были

милы, (и естли я вамъ милъ,) по заклинаю васъ Богомъ, любите другъ друга.

Мнѣ кажется, что вы и теперь еще сомнѣваетесь думая, что я скончавъ жизнь сію долженъ буду обратиться въ прахъ. А сіе пошому, что вы никогда видѣли души моей не могли, но о бытіи ея по единымъ ея дѣяніямъ заключали. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, какой ужасъ производяшъ невинно пострадавшихъ души въ убійцахъ, и какія угрызенія наводяшъ на злодѣевъ. Когдабъ души усопшихъ никакого удовольствія въ почестяхъ не ощущали: то можно ли думать, чтобъ преселившіеся въ вѣчность могли наслаждаться и нынѣ приписуемою имъ славою? я никогда, дѣши мои, не вѣрилъ, чтобы душа до тѣхъ поръ только жила, пока она пребываетъ въ плѣнномъ семъ тѣлѣ, а по разрушеніи бы онаго и сама умирала. Ибо я вижу, что и тѣла, кои сами по себѣ мерны вы, пока душа въ нихъ находится, живы пребываютъ. Да и шему также не вѣрю, чтобы душа была неразумна, когда опдѣлился отъ неразумнаго тѣла; ибо напротивъ шого умъ оставшись тогда свободнымъ и чистымъ безъ всякой скверны, долженъ быть гораздо способнѣе къ разсужденію, для шого что по разрушеніи челоуѣка всякая часть кромѣ души возвратится къ своей однородной.

Ибо

Ибо одна она, какъ пребывая въ тѣлѣ, шакъ и исходя изъ онаго, невидимою оспашаешя. Разсудише вы сами, продолжалъ онъ, что ничего нѣшнѣ сходнѣе съ человѣческою смертію какъ сонъ. А въ сіе-то самое время человѣческая душа возвышается къ шончайшимъ умозрѣніямъ, шогда она предвидишнѣ нѣчто будущее; ибо шогда шолько кажешя она получаетъ совершенную свободу. И ешнли это правда, (въ чемъ я и несомиѣваюсь,) что душа оспашавляетъ шѣло, то изъ уваженія къ моей душѣ, дѣлайте шо, о чемъ я васъ прошу. Ешнли же напрошивъ шого душа пребывая въ тѣлѣ купно съ нами умираетъ: шо вы по крайней мѣрѣ боясь Боговъ присносущихъ, всевидящихъ, всемогущихъ, союзъ всѣхъ вещей въ цѣломъ, нерушимомъ, неизмѣряемомъ и по красотѣ своей и величіи въ несказанномъ порядкѣ сохраняющихъ, ничего богопрошивнаго и ничего неблагоприсшойнаго не дѣлайте, ни же предиринимайте. По Богамъ и всего человѣческаго рода пошомками безпрешанно продолжаемаго шшдишесь. Ибо васъ Боги не къ шому предъизбрали, чтошбы объ васъ никакого слуха не было, но чтошбы вамъ учинишнѣя навсегда извѣсшнымъ своими дѣлами, которыя, ешнли будишнѣ чисты и всякихъ обидъ непричастны, учиняшнѣ васъ сильными во всемъ свѣшнѣ: ежели же въ чемъ нибудъ несправедливо между собою пошупашнѣ станете, то лишешнѣся

всего свѣша къ себѣ довѣренности для того, что увидѣвъ шѣснѣйшимъ дружества союзомъ соединеннаго ушѣсняема, никто не можетъ на васъ положиться, хотя бы то былъ и доброжелатель вашъ. Я не знаю довольно ли для васъ моихъ наставленій о томъ, какъ вамъ должно жить между собою; и еслили не довольно, то научишься тому отъ предшественниковъ вашихъ. Это наилучшая наука. Многие изъ родителей любили своихъ дѣтей, многие также изъ братьевъ усердствовали своимъ братьямъ; однакожъ нѣкоторые изъ нихъ и въ провинность сему поступали. Посему который ихъ поступокъ полезнѣйшимъ для васъ покажется, тому и вы съ успѣхомъ послѣдовать можете. Но сего, кажется, уже довольно; чтожъ касаетея до шѣла моего, то оно, любезныя дѣти, когда я скончаюсь, ни златомъ не покрывайте, ни серебромъ, ни же другимъ чѣмъ украшайте; но въ томъ же самой часъ предайте землѣ. Ибо что можете быть леснѣе, какъ соединиться съ землею, которая все доброе и все благое раждаетъ и всѣхъ питаетъ? Какъ я въ жизни своей всегда былъ челоуѣколюбивъ, то и теперь соединюсь охотно съ благошворительницею людей. Но вотъ уже мнѣ кажется приближился часъ, въ который душа моя должна оставить шѣло, и чувствую что она совершенно начинается уже исходить. И такъ желающіе изъ

васъ

васъ или къ рукъ моей подойши, или по-
смотришь на меня пока я еще живъ, да
приступишь. . . . — Когда же свѣтъ очей
моихъ померкнетъ, то прошу васъ, дѣши
мои, да никто шѣла моего болѣе не ви-
дитъ, ниже сами вы. Всѣхъ Персовъ и со-
юзниковъ пригласите къ моему погребенію,
и да возрадуются о мнѣ, какъ о такомъ
человѣкѣ, который хотя бы съ Богомъ соеди-
нился, хотя бы обратился въ ничто, опхо-
диль въ мѣсто безопасное и удаленное отъ
всѣхъ несчастій. Всѣхъ шѣхъ, кои придушь
на погребеніе мое, наградивъ достойно, сколько
требуетъ того честь знаменишаго мужа, мир-
но проводите. Содержите также и сіе послѣд-
нее въ своей памяти: чшобы друзьямъ благо-
шворить, а враговъ наказывать. Прощайте,
дражайшія дѣши, и машери сіе отъ меня
возвѣстите. . . . — И вы всѣ присутствующіе
и отсутствующіе друзья прощайте! . . . —
Произнеся сіи слова, и проснясь со всѣми,
сомкнулъ глаза, и шакъ скончался.

XVII.

ИСКУСТВО ПРАВИТЬ ГОСУДАРСТВОМЪ
или

*Наставленіе престарѣлаго Персидскаго
Монарха сыну его.*

Вонми, любезный сынъ, моему совѣту,
и знай, что добродѣтель есть истинная пре-

мудрость. Ничего шoliko не спрашися, какъ собшвенной своей власти. Она шогда шолько бываешъ счастиемъ, когда управляешся пре мудростию. Не упускай при своемъ правле- нии никогда изъ виду законовъ и введеннаго въ государствъ порядка. Не вознамъбри- вайся ни къ чему, шъмъ меньше въ вещахъ, къ копорымъ ты особенную ощущаешъ склонность, не размысливъ прежде спрога о предпріятіи своемъ; и шотчасъ отвергай его, ештли должно тебъ краснѣть при объявленіи онаго всенародно. Въ семъ случаѣ народъ швой естъ швой непріятель.

Знай, что мы ничего не можемъ лю- битъ, какъ шолько то, что способшесшву- етъ нашему благополучію. Ештли народъ подъ швоимъ владѣніемъ будетъ жить въ мирѣ и вольности; ештли не будетъ вре- дитъ ему никакой виѣшней врагъ; ештли онъ будетъ надеженъ въ своихъ трудахъ; ештли правосудіе будетъ наблюдатьсся у судей; ештли никто не будетъ страдать, кромъ прешунниковъ, осуждаемыхъ закономъ: то конечно подданные швой возлюбятъ и правител- ля, шoliko блаженство имъ доставляющаго.

Не упускай ни единаго часа, копорый ты обязанъ употребитъ въ пользу государства. Ештли ты привыкнешъ къ исполненію своей должности, то должность швая будетъ для тебѣ легка и пріятна: ештли же будешь ча-

спо оставляеть ее , шо вскорѣ и навсегда ее покинешь. Отъ непорядка происходитъ неустройство.

Еслили ты не оставляешь добродѣтели , шо имѣешь право быть самимъ собою довольнымъ ; и шога чувствованіе швоей собственной внутренней цѣны будетъ погашать каждое порочное , или изъ предѣловъ разума вышупающее желаніе. Порокъ не осмѣлился присунуть близко къ швоему сердцу , когда оно не имѣетъ никакого тайнаго сообщенія съ онымъ. Превозмогла ли когда тебя чувственность , шо не можешь ты уже больше почищать себя высоко ; какъ же другіе должны почищать шога , кошорый самимъ собою долженъ гнушаться ?

Нерадивость есть величайшая погрѣшность владѣтеля. Нерадивый правитель погубляетъ , продаетъ свой народъ ; ибо онъ передаетъ его своимъ служителямъ для шой единственно причины , чтобы вдасться лучше своей праздности. Онъ лишается поноснымъ образомъ славы быть источникомъ общаго блага и дѣлаетъ изъ себя шѣнь , кошорая хошя и походитъ на человека , но приводится въ движеніе единственно чужею силою. Подданный гораздо несчастнѣе подѣ владѣніемъ нерадиваго , нежели злаго государя. Пришѣсеніе споль многихъ соправителей , коихъ угѣшенія уважены , простираетъ

ся даже до хижины бѣднаго поденщика : какъ напрошивъ бѣшенство ширанна опасно только его придворнымъ.

Да будетъ благоденствіе швоего народа главнѣйшимъ швоимъ желаніемъ, величайшимъ швоимъ удовольствіемъ. Радуйся, когда ты видишь подданныхъ своихъ въ веселіи. Почитай по превращеніемъ своихъ сокровищъ, когда число ихъ умножается ; и полагай высочайшую славу свою въ томъ, когда ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ причины, бытъ не довольнымъ, или жаловаться. — Привыкай вставать рано. — Тотъ день поспѣявъ, въ который поздно встанешь. Не воспрещай никогда досупу къ себѣ своимъ подданнымъ ; они пойдутъ отъ тебя уже въ половину довольны, когда ты только выслушаешь ихъ прозбу. Преодолѣвай свою лѣность, когда ты чувствуешь себя къ дѣламъ нерасположеннымъ. Да не явится когда либо на челѣ швоемъ, что тяжестъ швоего сана тебя въ унылость приводитъ. Ободрай себя швою мыслию, что каждый съ пользою проведенный день дѣлаетъ десять другихъ благополучными, и чрезъ каждый опущенный часъ десять другихъ становящяся пропадшими. Совѣшуйся ежедневно съ начальниками швоихъ коллегій. Съ каждымъ запущеннымъ судебнымъ мѣстомъ падаешь подпора государства.

Не подавай ни одному изъ служителей своихъ случая надѣяться, что можетъ тебя обмануть, или поступишь несправедливо не бывъ узнавъ. Надзирай надъ ними; нападай на нихъ въ располхъ, и неопускай каждаго способнаго случая, въ которомъ можешь испытать ихъ вѣрность.

Люби науки. Онѣ весьма нужны и полезны; онѣ возвышаютъ душу и вливаютъ въ нее любовь къ порядку. Никто несклоненъ столько къ бунту, какъ непросвѣщенные. Народы озаренные свѣжомъ ученія управляются одною ниткою, какъ между шѣмъ шѣ имѣютъ нужду въ уздѣ. Неспайся распространить своего владѣнія. Государство неимѣющее причины спрашивать безпокойныхъ своихъ сосѣдей, всегда довольно велико; и завоеванія никогда не равняются тому несчастію, которое завоеватель причиняетъ своему народу. Не нападай, но защищай себя мужественно, когда оскорбляется честь швоей Имперіи, или спраждутъ швои подданные. Берегись впасть въ долги. Будь разсмотрителенъ и вѣренъ въ заплашѣ, и не ошваживайся ни на какое предпріятіе, не имѣя къ шому въ готовности пребуемаго количества денегъ. Долги государства дѣлаются неизбѣжными и злоключительнѣйшими причинами ушѣсненія; и ештли ихъ причинила не минуемая война, то часшо и самый миръ не можетъ облегчить шяжести оныхъ.

Почитай весьма свято вѣрность и истинну. Вѣроломство можетъ иногда принести минушныя выгоды, но оно ославляетъ по себѣ всегда чрезмѣрный вредъ. Владѣтелемъ несдерживающимъ своего слова, гнушающа всѣ сосѣди его; онъ подвергается всегдашней опасности, и не найдетъ никогда себѣ друга. Не премѣняй ни въ чемъ расположенія въ своемъ государствѣ и для самыхъ основательныхъ причинъ, не посовѣтовавшись прежде съ прочими чинами, изъ которыхъ оно состоитъ. Законы получающъ надлежащую твердость не вдругъ, и почтение, которое имѣешь къ нимъ народъ, основывается единственно на непремѣнности и вѣчности ихъ. Новой законъ есть признаніе, что законодатель нѣкогда погрѣшилъ; и пакъ не можешь ли онъ и въ другой разъ ошибиться?

Не допускай никогда осправленію должностей въ государствѣ бытъ наследственному. Сія погрѣшность причинила гибель сильнѣйшимъ государствамъ.

Смотри строго за наблюдениемъ образцовъ правосудія, ибо безъ нихъ все самовольно. Пошачка одному изъ подданныхъ, вредитъ всегда другому.

Не подговаривай никогда судей; да и не избирай никогда особливыхъ судей для особливыхъ спорныхъ дѣлъ, или преступленій.

Виноградный, который бы был осужден предъ самопроизвольнымъ судилищемъ, оправданъ бы былъ общимъ голосомъ народа.

Да не склоняшъ себя никогда къ возвышенію поданей на своихъ подданныхъ, или къ наложенію и новыхъ. Гдѣ свои богатства, когда народъ свой бѣденъ! Радуйся, когда свои подданные имѣютъ нѣчто сверхъ ежедневнаго пропитанія, и находясь въ состояніи жить весело. Они люди, и имѣютъ шакія же чувства, какъ и ты.

Пекись о томъ, чтобъ дороги были въ хорошемъ состояніи и безопасны. Покровительствуй купцамъ, и не ограничивай вольности торговли излишними законами. Они суть подпора твоего государства. Почитай ихъ, прешолъ твой заимствуешь свой блескъ отъ ихъ трудовъ.

Покровительствуй всѣмъ художества. Ободрай ихъ похвалами, плашою, и честію. Изобрѣташешь новаго орудія ешь благодѣшель государства. Кто учишъ себя пожинашь больше сноповъ съ десятины, томъ твой братъ. Предпочитай хорошо обработанное поле великолѣпнѣйшему саду. Цѣна всѣхъ ремеслъ опредѣляется по мѣрѣ ихъ содѣйствія въ общемъ благѣ.

 XVIII.

О пріятности, которую находитъ чело-
вѣкъ въ уединеніи. О причинахъ преле-
сти сей, и о томъ сколь она не сильна до-
казать то, что человекъ сотворенъ для
уединенія.

Разсмотримъ природу полипически.
Вспушимъ въ излучины прекрасныхъ нашихъ
горъ; вникнемъ въ пещеры долинь, во глу-
бины нашего сѣрдца. Ахъ! о чемъ хочу
я размышлять, и сколь сіи мѣста къ по-
му способствуютъ!

Откудажъ происходитъ сія скучная прі-
ятность, сопряженная со страхомъ въ мрач-
ныхъ мѣстахъ? Отъ чего раждающся сіи
удовольствія, которыя находитъ человекъ
удаляясь въ дремучіе лѣса, нисходя въ тем-
ныя пещеры, убѣгая всего того, что почи-
таетъ онъ любезнымъ, а ища всего, чего
онъ спрашивается, бытъ уединеннымъ?

Ежели бы одни только злосчастные иска-
ли непоспояннаго сего удовольствія, то одно
плачевное сходство съ расположеніемъ ихъ
души могло бы изъяснить пріятность пу-
стынь и превосходство ихъ въ пользу дикихъ
людей. Можно бы сказать и то, что сіи
злосчастные избѣгають памъ, или дума-
ють

юшѣ избѣжашъ причинѣ ихѣ заботѣ, что пещеры, копорыя ихѣ сокрываютѣ, что пропасни, вѣ копорыхѣ они себя заключаютѣ, являшя имѣ единственно для того, что они избавляютѣ ихѣ отѣ возрѣнія на ненависной мѣрѣ, вѣ копоромѣ они спрадали.

Но нѣшѣ. Прелести уединенія имѣютѣ свое право надѣ всѣми людьми. Злосчастный спенающій и счастливецѣ, копорый вкушалѣ удовольствіе, или и еще жаждетѣ вкушатѣ оное, чувствуютѣ равно сладость его; одному пороку она на земли неизвѣсна.

Что значитѣ загадка сія? Не ужѣ ли это для чловѣка есть возвращеніемѣ ближайшимѣ къ естествонному соспоянію? Не ужѣ ли справедливо, что бышъ уединеннымѣ есть естествонное соспояніе для чловѣка? Не ужѣ ли о общежительствѣ и думатѣ постыдно? Нѣшѣ, подлинно нѣшѣ. Вѣ самомѣ уединеніи чловѣкѣ, приѣпившійся къ оному съ лишкомѣ, скоро узнаетѣ, что онѣ не для него сошворенѣ. Изѣ самой середины пустыни обворожающей его призываетѣ его нѣкопорый гласѣ вѣ мѣрѣ, копорый онѣ ненавидитѣ. Съ вершины горы, гдѣ зрѣлище природы удивляетѣ его и кажется для него достачочнымѣ, чловѣкѣ премного жалующійся на свое отечество, равно какѣ и шопѣ, копорый долженѣ хвалиться выгодами онаго,

бро-

бросаютъ на него болѣзненныя и нѣжныя взоры. Но небесныя увеселенія уединенія сего премѣнились бы вдругъ въ адскія мѹки, еслибы не послѣдовала надежда о возвращеніи въ общество.

Но каковы и сіи наконецъ удовольствія, сіи минувшія удовольствія? Сіе удаленіе въ мѣста, въ которыхъ безмолвіе и мрачность дѣлаютъ насъ больше уединенными, что доставляетъ вамъ? Вржденное побужденіе, размышленіе сколькоже дѣйствительное, какъ самая мысль, и которое даетъ намъ знаніе безъ дальняго изслѣдованія, что мы въ сихъ мрачныхъ мѣстахъ, будучи внѣ всѣхъ препяшствъ, дѣлаемся внимательными, чрезъ опдаленіе чувствъ отъ всѣхъ постороннихъ вещей, и чрезъ совершенное употребленіе каждаго чувства, которымъ только мы занимаемся пожелаемъ.

Слѣпой имѣетъ слухъ гораздо нѣжнѣе другихъ. А для чего? Потому что онъ не имѣетъ развлеченій, которыхъ бы упражненіе сего чувства болѣе причинило его душѣ, и что сіи развлеченія менѣе позволяютъ напрягаться дѣйствующимъ пружинамъ другаго органа. Такимъ же образомъ и уединенный человѣкъ удаляется отъ всѣхъ заботъ могущихъ встрѣшиться въ свѣтѣ, пріобрѣтаетъ вообще проницательнѣшшую чувствительность, и какъ чувствованія болѣе, или менѣе

живыя, составляющъ большее или меньшее удовольствіе: но и пристрастенъ опшуда естественное побужденіе къ симъ безгласнымъ мѣстамъ, въ которыхъ ожидающъ насъ величайшія удовольствія, подающія живѣйшій способъ къ чувствованію.

Двенадцать особъ различныхъ свойствъ, различнаго возраста и совѣмъ различныхъ расположеній души, могутъ попеременно удаляться въ сію жилищу, въ которой я покоюсь. Они вкусятъ въ ней всѣ сладости уединенія, однако во всѣхъ своихъ размышленіяхъ не будутъ имѣть ни одной сходственной между собою мысли. Изъ сихъ глубокомысленныхъ людей одинъ будетъ нѣжный опецъ, другой вдохновенный стихотворецъ; шшъ чувствительный любовникъ, ша вѣрная супруга; шшъ заботами развлекаемый человекъ, ша первыми еще желаніями возмущаемая дѣвица, а шшъ пусть будетъ созерцающій философъ словомъ, всѣ тамъ будутъ шѣмъ, что они суть и чѣмъ быть захотятъ: но однако они тамъ будутъ болѣе, нежели въ другомъ какомъ мѣстѣ шш, чѣмъ быть захотятъ, и что они суть.

Уединеніе, за которымъ они сколько гоняются, будетъ для нихъ способнѣйшимъ зрѣлищемъ къ обвороженію ихъ, но не составитъ само по себѣ прелести сея. Она единствен-

но основана на чувстввахъ, о которыхъ они въ покоѣ болѣе размышляють, и которыхъ съ большимъ изслѣдованіемъ и безопасноію разсма-трирають спанушъ. А сіи ихъ чувствованія про-изойдушъ отъ воспоминаній, или чаянія; отъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ наслажденій, или отъ прелестныхъ шолько воображеній и химеръ. Но сіи воспоминанія, чаянія, во-ображенія и дѣйствія будушъ отнормшь къ вообщешельству. Слѣдовательно удовольствіе происпекающее отъ уединенія существенно осмовано на общежительство.

У Нѣшъ, человекъ не для того сотворенъ, чшобъ жить ему въ уединеніи. Я люблю пустыни, безмолствіе уединенія нравился мнѣ и въ шемношѣ хижинѣ, и въ густотѣ лѣсовъ, и въ мрачности пещеръ; чувствительное сердце мое, можетъ быть съ большею, нежели кого другаго, охотою предается прелестнымъ размышленій. Можетъ быть никто не попу-скаетъ себя столь долго и непрерывно восхи-щаться вновь рождающимися воображеніями. Никто съ равною мнѣ охотою и въ шоликомъ количествѣ не испиваетъ сладкаго пишія сею Сиреною угошованнаго; и что наслажденіе се-го пишія мнѣ ни причинишъ, смѣхъ ли изобра-зишъ на устахъ, или слезы испочишъ изъ глазъ моихъ, я равную приношу своей Цир-цеѣ благодарность. И когда мнѣ должно отъ нея спрадать, я и шо сношу съ благо-дареніемъ.

Но сіи плѣняющія меня размышленія, что имѣюшѣ предметомъ? людей, копорыхъ я бѣгу. Но сіи споль сладостныя мечтанія что представляюшѣ себѣ? ошсуществующія существа, копорыя и въ то самое время любезны, когда я ихъ убѣгаю.

Я уединенѣ. Крушый камень служишѣ мнѣ вмѣсто софы. Падаешѣ ручей, и одинѣ шумѣ его только слышенѣ, сѣ въшрами въ пропасти, въ копорой шеряешся мой взорѣ. Никшо кромѣ меня сюда не доходилѣ, и никшо здѣсь меня не обезпокоишѣ. Всѣ мои понятія совокупающя въ головѣ, всѣ мои чувствованія свлекающя въ чувствительнѣйшую часть моего сѣрдца. Какѣ я изгнанникѣ изѣ вселенныя, и сія ссылка мнѣ нравишся! такѣ; пошому что она скоро кончишся. Пріянное воспоминаніе о другѣ, сѣ копорымѣ я сопрягусѣ, о сестрѣ, копорая меня любилѣ, о матери, копорую шревожилѣ мое ошсуществованіе, о любовницѣ, копорая въздыхаетѣ по мнѣ, и копорыхъ всѣхъ прелести начинающѣ пошепенно начерпавашься предѣ глазами моими сполько же чисшыми и пріяшными, какѣ въ первые дни моего сѣ ними лобзанія.

Покусишесь, ештли угодно, вышши изѣ круга шѣхъ понятій, копорыя вамѣ кажутѣся сокращенными, и въ копорыя все вмѣ-

щается ; распространите по видимому кругъ вашихъ размышлений , чшобъ дать ему больше пріяшности и времени ; крѣпкія іоловы , мрачныя мншели , пылкіе умы , для коихъ сіи понятія суть общими и площадными , вы , копорые парите мешафизическимъ вашимъ полешомъ , прострите крылья свои , и попадите опять на шу цѣль , отъ копорой вы совсѣмъ удалились . Вы увидите изъ всего , что удовольствіе бышь уединеннымъ для васъ , равно какъ и для меня , есть не что иное , какъ размышленіе о услажденіяхъ общешвенныхъ .

Положимъ , что Невшонъ шеперь сидитъ уединенъ на моемъ камнѣ . Онъ размышляетъ въ уединеніи на томъ камнѣ , гдѣ я былъ . Сей великій Нершонъ такъ расположенъ , что можетъ бышь довольнымъ самъ собою . Хорошо , чтожъ онъ дѣлаетъ ? небо вершился предъ его глазами . Онъ пріостанавливаетъ его . Пламенная черта начертываетъ для него истину . Она блискаетъ подобно молніи , и вдругъ исчезаетъ . Положивъ неупущительно слѣдовать стремленію быстрыхъ мыслей , чшобъ пріостановить сіе воздушное явленіе , нашъ философъ благословляетъ окружающее его безмолвіе , и приписываетъ ему слѣдствіе божешвенныхъ сихъ созерцаній . Онъ дрожитъ при малѣйшемъ шумѣ , могущемъ его развлечь . Исполненъ ревностію про-

проникнуть его, боишься, чшобъ сія минуша молчанія не прекратилась, и тогда онъ починаетъ высочайшимъ для себя благомъ бытъ уединенну. Но задача рѣшена. Уже Невшонъ горитъ желаніемъ сообщить рѣшеніе свое, и изъяснитъ оное свѣту, копорый долженъ оное одобритъ. Невшонъ, какъ я, какъ вы, какъ и всѣ другіе, вкушалъ въ убѣжищѣ семъ оное онсущствіе развлеченій, которое позволяло ему размышлять болѣе о чувствованіи занимающемъ его; а размысливъ объ ономъ на Тарпейскомъ камнѣ, онъ желаетъ, подобно миѣ, доспичъ пороговъ жилища, въ копоромъ домашніе его ожидаютъ.

Пустыни прекрасны! горы возвышены! счасливъ шсть, кто въ соснояннн оныя обшекаетъ! но сколь сладосшно во внушренноспн пустынь обрѣспи слѣдъ челоѣческой! но среди спрашныхъ спремннхъ снхъ горъ, между ужасной величины камней, копорыхъ ускій проходъ столько же ужасаетъ, сколько и въ изумленіе приводитъ, какое удовольствіе попасъ на надежную и выгодную дорогу, по копорой проходятъ обозы, и копорая обнадеживаетъ васъ, что вы скоро увидишь съ подобными вамъ сущесствами!

Сія ушѣшинельная истинна, что орелъ сошворенъ для облаковъ, шгръ для лѣсовъ, кншъ для морей, сова для ночи, челоѣкъ

Для общества, сія утѣшительная и надежная истинна приводитъ мнѣ на память історію объ одномъ человѣкѣ, котораго небо сошворило весьма чувствительнымъ, и которому случилось нѣкогда бытъ въ великомъ несчастіи.

Зипеа родился не съ такимъ расположеніемъ органовъ, которое попускаетъ спрашамъ нападать на насъ, но онъ обладалъ пою чистою душою, которая спремленіе всѣхъ спрашей направляетъ къ добру, и не попускаетъ человѣку просвѣщать ее другою какою крайностію, кромѣ добродѣтели.

Зипеа носилъ на лицѣ своемъ истинное начертаніе сѣрдца, котораго онъ и сокрывае не спарался. Слова его безъ хитросплетеній имѣли такую пріятность, противу которой ничто успоашъ не могло, и которая соединена была съ открытымъ лицечертаніемъ его. Въ глазахъ его природною прелестію исполненныхъ можно было чашаъ, коль скоро мрачность гордости, или несчастія должна была зажечь въ нихъ огонь негодованія, или извлечь слезы соболѣзнованія. Всѣ жилы его шѣла сотрясались отъ радости или печали, при повѣспованіи хорошаго дѣйствія или преступленія. При сихъ своихъ качествахъ и пріятностяхъ, имѣлъ Зипеа успѣхи и зависниковъ.

Въ невинной живоспи прошекали первыя лѣта его юности. До тѣхъ поръ, пока думалъ онъ, что рѣчи человѣческія соотвѣтствуютъ ихъ мыслямъ, до тѣхъ поръ, пока гибельный искусъ не доказалъ, что онъ отдавалъ много чести человѣческому роду, судя о немъ по себѣ, вездѣ преслѣдовало его упоеніе радости. Онъ его и тамъ раждалъ гдѣ оно не бывало, и удерживалъ вездѣ, гдѣ только оно встрѣчалось съ нимъ. Но чувствительное бытіе, обитающее въ мірѣ не долго веселился.

Зипеа не успѣлъ почувствовать, какъ вдругъ уже и размышляетъ. Первая была ложь, которая подала причину къ сему разсужденію. Она была горька, и привлекла за собою другія горести. Каждая изъ нихъ открывала ему нѣчто печальное. Первый взоръ обращенный со вниманіемъ на человѣковъ, проникъ покрывало ихъ прищворства. Онъ краснѣлъ отъ стыда увидя ихъ. И почувствовалъ наконецъ, что сіи смертоносныя слова: *подозрѣніе, притворство, корыстолюбіе, сребролюбіе, презрѣніе, холодность, нечувствительность*, которыя почиталъ онъ за излишнія въ свойствѣ языка своихъ брашій, имѣли свое знаменованіе. При семъ пояшій вздымалась грудь его, обильныя слезы лились у него изъ глазъ, которыя безъ оспрады испребили

всѣ его утѣхи. Удалилось отъ души его спокойствіе. Исчезли на устахъ его постоянныя и искреннія улыбки. Зипеа переѣмился.

Вдругъ великое спеченіе частныхъ выгодъ устремляющихся противу общей пользы, вдругъ невѣроятное разстояніе между пользою вещи и ея употребленіемъ, вдругъ счастье порочныхъ, лишеніе дарованія, и гоненія добродѣтели соединились въ глазахъ его, чтобы дать другой видъ Химерѣ общаго блага, которую честный человекъ равно почитаетъ съ Химерою собственнаго благополучія.

Зипеа былъ щедръ; но неблагодарность испрѣбила сіе небесное удовольствіе благотворенія. Онъ имѣлъ самъ нужду въ немъ. Высокомѣріе благошворителей задавило его подъ бременемъ благошвореній и порицаній.

Тогда веселость удалась въ слѣдъ за радостію, оставивъ на долгое время сію споль любезную душу. Тогда гнѣвъ возгорѣлся въ изъязвленномъ его сердцѣ. По непрѣмному слѣдствію съ нравственными спраданіями соединилась тѣлесная болѣзнь. Глубокая задумчивость разрушила его крѣпкое сложеніе, и печаль помрачила наконецъ сію естественную красоту, родившуюся отъ забвенія себя самаго.

„Хорошо! сказалъ нѣкогда Зипеа при обращеніи къ первобытному своему соспояннію. Хорошо! я увидѣлъ зло. Нѣтъ блаженства въ волненіи сего обманчиваго міра. Смященіе сіе есть злоупотребленіе общества, а не по мирное общество, къ которому человекъ определенъ природою. Благополучіе сыскашь нюлько можно въ частной и домашней жизни, и явленія щастія, по видимому, могутъ быть представлены на маломъ шюлько зрѣлищѣ. Я имѣю опца, продолжалъ онъ, я его почишаю, не спюлько по тому, что обязанъ ему жизнию, сколько пошому, что онъ добродѣшеленъ. — И такъ я буду жишь съ моимъ родишелемъ. Мои сыновнія попеченія вознаграждяшъ тѣ удовольствія, кошорья онъ шеряетъ съ лѣшами, и можетъ быть узнаетъ, что въ шомъ онъ выигралъ, или по крайней мѣрѣ ничего не пошерялъ. Я составляю его радость, и буду счастливъ его благополучіемъ. Есть у меня брашъ. Небо дало намъ союзъ насъ соединяющій, а нѣжность въ выборѣ и удовольствіи дѣлаешъ его шѣсяшйшимъ. Небо соединило орудія собственной нашей любви; и союзъ брашства есть соединеніе опѣ самой природы учрежденное прошивъ всего шого, что намъ можетъ вредишь. Брашъ и я будемъ вѣчно другъ друга любишь. Я имѣю любовницу. Она прекрасна и пришомъ нѣжна. Я могу на нее надѣяшься, и я обожаю ее. Я имѣю

также друга, и я къ нему чувствительнѣ. Небо! я еще благодарю тебя, что ты благоволило мнѣ родиться! „

При сихъ утѣшительныхъ словахъ, при сихъ благошворительныхъ размышленіяхъ, вкушаетъ душа его опять миръ изгнанный изъ нее. Зипеа почувствовалъ, что раны сердца его умягчаютъ болѣзненные терзанія, и надежда возвращенія его къ неизмѣнному блаженству, для сихъ мучащихъ ранъ дѣлается пріятнымъ бальсамомъ, подобно росѣ собранной изъ цвѣтовъ.

Ужè мрачная задумчивость оставила чело Зипеи. Изображеніе внутренняго мира возвращаетъ чертамъ его прежнее спокойствіе. Ежели онъ встрѣчается съ людьми даже и съ тѣми, на копорыхъ онъ имѣлъ причину жаловаться, бросаетъ ужè на нихъ взоръ, издали обѣщающій имъ его прощеніе. Онъ прощаетъ злымъ для честныхъ, копорыми онъ можетъ хвалиться, и спремится въ домъ своего отца съ пріятною необходимостію открыть предъ родителемъ, брашомъ, любовницею и другомъ сердце исполненное сладчайшихъ чувствованій.

Онъ приходитъ . . . . Небо! . . . . Спо надгробныхъ пламенниковъ освѣщаютъ вороща . . . . . Ощецъ его умеръ! . . . .

Совѣщаніе изъ двадцати безумныхъ докторовъ состоящій, слѣпою нѣжностію собранный вокругъ разстроеннаго, но еще здороваго его шѣла, умножилъ зло. Каждый членъ ненасытнаго и кровожаждущаго Ареопага сего, желая болѣе защищать свое нелѣпое мнѣніе, нежели подать полезный совѣщаніе, болѣе ища награды, нежели подать руку помощи, попуская искру естественныхъ пружинъ шягостію лекарствъ, перемѣняя силу ихъ по причинѣ множества въ ядъ, далъ непрерывъ со сто мнѣній между собою несходныхъ. Всѣ они клонились къ нанесенію опасности, и послѣднимъ заключеніемъ былъ приговоръ къ гибели и смерти.

Зипеа! отецъ швой умеръ! . . . страшный ударъ, напрасное сожалѣніе! небо не внемлетъ, должно сносить.

Но небо повергающее насъ въ печаль, къ благополучію нашему не дало намъ силъ продолжать сіи насильственные чувствованія. Ежели удовольствіе чувствительности составляетъ первый даръ природы, то спраданія заспавляютъ насъ смотрѣть на непостоянство человѣческое, какъ на вторичный даръ божества. Чшобы мы были, ешьли бы время безсильно было загладить слѣды несчастія, и излечить раны наша души?

Зипеа не былъ исключенъ изъ общаго всѣхъ жребія. Онъ спрадалъ чрезъ долгое

время, пошому что былъ чувствительнѣе другихъ; но со временемъ спраданіе его уменьшалось, пошому что время имѣншъ свойшво все приводитъ въ ослабленіе.

Остались для Зипеи любовница, другъ и имѣніе, которое должно было раздѣлишь съ любезнѣйшимъ брашомъ. Справедливѣйшимъ показалось ему раздѣломъ, сдѣлашь имѣніе общимъ, кошорымъ бы какъ брашъ, такъ и онъ пользовались, для собственной нужды и для невинныхъ забавъ. Ему предлагали о канцелярскихъ сдѣлкахъ Предложеніе сіе огорчило сердце его. Наспояли. Онъ согласился, но епаль въ задумчивость. За судо-производствомъ послѣдовало изслѣдованіе.

При сихъ дышущихъ сребролюбіемъ и раззореніемъ домашней тишины положеніяхъ Зипеа былъ сопровождаемъ тайнымъ волненіемъ и скукою. Онъ примѣшилъ, что ревность прошивоборствуетъ исполненію ея правъ, что жадность посягаетъ на то, о чемъ онъ нимало не воображалъ, и что скупость уступаетъ съ досадою то, чего она не могла удержашъ. Рѣшеніе учинено прошиву его желанія. Онъ негодовалъ, и былъ совсѣмъ разсироенъ. Оставилъ всю свою часть суду. Остался безъ всего.

„ Я потерялъ своего опца, сказалъ въ себѣ опашъ Зипса, и иѣшъ ужѣ у меня браша ;
лбо

ибо онъ не мой. Оспаеется еще для меня другъ и любовница. Ахъ! я еще богатъ! „ Любовница его находилась въ деревнѣ. Онъ лешитъ шуда, и внушренно проситъ извиненія у своего друга, что онъ не прежде къ нему приходишь. Любовь несетъ его, и онъ имѣешь на шо право, естли она испинная.

„ Нѣсколько часовъ жизни моя, вскричалъ Зипеа на пупи, проведу я въ веселіи. Я буду наслаждаться совѣшами дружества и ласками любви. Другъ мой, Любезная моя, помогите миѣ забыть сей вѣроломный свѣтъ, и усѣяте цвѣтами гробницу моего родишеля. И можешъ быть примѣромъ нашихъ безкорыстныхъ сердець просвѣнится нѣкогда брашъ, который долженъ соединиться съ нами, дабы быть благополучнымъ. „

Зипеа касается стѣнъ заключающихъ въ себѣ шо, что онъ обожаетъ. Пробирается чрезъ сады, коихъ деревья были до сего свидѣтели нѣжнѣйшихъ клятвъ и пріящнѣйшихъ удовольствій.

„ Они еще покрывашъ будущъ насъ своими стѣнями, вскричалъ онъ, въ слѣдующія дни опяшь буду я прошекать сіи роци. Я буду въ продолженіи невинныхъ нашихъ забавъ еще прижимаю грудь моей любезной къ своей. Мы будемъ рассказывашъ одинъ другому ежедневныя свои добрыя дѣйствія. „

Про-

Произнося сіи слова, достигъ Зипеа края роши, въ которой прежде онъ былъ счастливъ. Пріятное воспоминаніе влечетъ его въ самое сокровеннѣйшее въ сей рощѣ находящееся убѣжище, которое ему весьма знакомо было. Излучистая тропинка, по которой не можно ищи вмѣстѣ не обнявшись двумъ любовникамъ, привела Зипею къ святылицу любви. Онъ вступаетъ въ оное. . . Боги! . . . Другъ у ногъ его любовницы оскверняетъ оное. . . . Тройственный вопль наполняетъ воздухъ. . . . Пошомъ на мѣсто его вступаетъ глубокое молчаніе. Грызеніе, печаль и смяшеніе въ мгновеніе привели изъ радости въ окаменѣлость троихъ пришедшихъ въ бѣшенство. Зипеа не оставляетъ своей неподвижности, какъ только съ шѣмъ, чтобы не выговоривъ ни слова бѣжать сихъ мѣстъ, которыхъ онъ видѣлъ больше не желаетъ въ споль для него продолжительной жизни.

Зипеа долго путешествуетъ безъ всякаго намѣренія, безъ постояннаго предмета, безъ основательной мысли, безъ гнѣва, молча, подобно безсловесному. Колеблемая, всеобщая и разящая мысль одна возвращаетъ ему его бытіе. Сей опасный восторгъ, сія ужасная грусть прекращается наконецъ съ его силами. Онъ падаетъ на землю, и по долгомъ времени открываетъ глаза свои для пролишя обильныхъ слезъ, его наводняющихъ.

Тогда

Тогда всё несчастія жизни его совокупились вмѣстѣ, и учинились для него несноснымъ бременемъ. Все, что онъ ни позабылъ, представляется ему со всею живостию въ настоящемъ видѣ. Печали, каторья ему прежде непримѣны были, поражаютъ его. Дневныя досады соединяются съ вечерними, а послѣднія съ прежними, и всё прошедшія печали съ гораздо большимъ числомъ сокрытыхъ еще въ будущемъ, но неизбѣжныхъ.

Тогда ничто ему непоказалось споль справедливымъ, какъ обвиняшь свою судьбину, ничто споль истиннымъ, какъ механическое бышіе всѣхъ тварей, ничто споль обманчивымъ, какъ общество, ничто споль премудрымъ, какъ удаляться отъ людей.

По долгомъ времени Зипеа еще спросилъ себя: не всё ли сіи несчастія имѣюшь свое начало въ учрежденіяхъ общественныхъ, а паче еще въ народныхъ? Такъ начну я спрашивать, сказалъ онъ, посмотрю на иностранныхъ. Не въ лучшемъ ли они состояніи. Разсмотрю, какими добродѣтелями докажутъ они мнѣ, что можно не быть несчастнымъ, и не заслуживать того, живя и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ лѣсовъ, когда ихъ жизнь опмѣнна отъ живопныхъ не сполько люпыхъ, какъ мы, или по крайней мѣрѣ сполько справедливыхъ, сколько мы живы, подлы и коварны.

И такъ Зипеа путешествуемъ. Онъ обшекаетъ провинціи, государства, Имперіи, преплываетъ моря, видишь людей черныхъ или бѣлыхъ, красныхъ или смуглыхъ, но впрочемъ вездѣ подобныхъ себѣ. Вездѣ представляются ему его досады, обиды, любовь; онъ безпрестанно видишь умирающаго своего отца, сребролюбиваго брата, а паче всего друга лежащаго у ногъ своей любезной. Вкусъ его прищупился, воображеніе умерщвлено, а изъязвленное сердце увяло отъ печали и гнѣва. Взглядъ человѣческій по подобію змѣннаго побуждаетъ его на мечь. Жизнь для него сдѣлалась несносною, и если бы онъ еще жилъ, то жилъ только для того, что будучи трусливъ и слабъ, не могъ ее не нести такою, какова она была.

Зипеа странствовалъ чрезъ два года сопровождаемъ сими печальными понятиями. Отъ усилія оныхъ родился въ немъ началъ, изъ котораго онъ думалъ заключить, что человѣкъ не совершенъ для общежительства. Наконецъ онъ почелъ сіе мнѣніе за доказанное и неоспоримое, что состояніе дикаго человѣка есть общій природы отношеніемъ къ человѣку.

Въ одинъ день Зипеа размышляя о своей системѣ, старался изслѣдовать и утѣдять оную, и находилъ непреоборимыя до-

назашельства на свою спорону во множествѣ печалей нанесенныхъ ему отъ обществва, напоеваясь желчію ревнованія, и ядомъ измѣнившей любви, погружаясь въ опчаяніе о другѣ, о братѣ и объ оставленной любовницѣ, пришелъ онъ въ самыя уединеннѣйшія мѣста, въ землю почти никѣмъ необитаемую, чрезъ которую онъ долго уже шелъ. Онъ уже опдалился отъ шѣхъ бѣдныхъ жилищъ, въ которыхъ оказываемо было ему гостепріимство. Онъ ихъ искалъ, и удалился въ гору для оплакиванія, въ ожиданія времени обѣда умѣреннѣйшаго и того, который бы могъ утолить его голодъ.

Чѣмъ далѣе шелъ Зипеа, тѣмъ уже и темняе была долина, тѣмъ больше страхъ мѣста увеличивался, и болѣе предсавлялъ ужасныхъ, но пріятныхъ для нашего несчастнаго путешественника воспоминаній. Онъ, занявъ будучи непрестаннымъ размышленіемъ, достигъ до конца долины, которая оканчивалась порчащими камнями. Ужасной величины куча камней, изъ которой изпекаетъ съ шумомъ ручей, падая въ изсохшую долину, и ограничиваетъ ее. На правой и лѣвой споронѣ, какъ и напереди, всѣ выходы преграждены: но однако въ самомъ семъ камнѣ открылъ Зипеа входъ въ пещеру. Входъ въ нее труденъ, но возможенъ. Зипеа уже въ пещерѣ. Онъ пробирается, въ нее далѣе.

Отъ

Отъ мрака сея пещеры цепенѣють смупныя чувства его, и ужасъ сей нравился ему. Онъ предается рыданію. Тысячныя нѣмыя отголоски повшоряють оное. Сей шумъ ему нравился, и онъ продолжаетъ еще. Лучъ свѣта возвѣщаетъ ему другой входъ въ сію пещеру, которую онъ избралъ. Онъ предприемлетъ шуда пунъ не сполько для того, чшобы вышши на свѣшъ, какъ для того, чшобъ увѣришься, сполько ли сія пещера необишаема, сколько онъ того желаетъ.

Онъ выходишь изъ пещеры симъ новымъ выходомъ, находишь пространное поле, на которомъ распушь нѣкорые дикіе плоды, на которомъ изображены слѣды разныхъ лѣсныхъ живошныхъ, и видишь, чшо поле сіе со всѣхъ споронъ заключено хребшомъ высокихъ каменныхъ горъ, кошорыя могушь бышь населены одними шолько дикими козами и шицами.

Зипеа въ изспупленіи возвращаетъ въ свою пещеру. Вскричалъ. „Я досшигъ своего желанія! я здѣсь буду жить, шамъ буду жить уединенъ, а шамъ умру. Какъ сіе убѣжище мрачно! какъ я его люблю! никшо меня здѣсь не увидишь, и я не увижу никто. Ахъ любезная моя! шы вѣроломный другъ, и шы заблуждающійся братель, кошорый больше возлюбилъ золошо, нежели брата!

Я васъ больше не увижу. Здѣсь шо я, не показываясь другимъ лицомъромъ, могу поднимашь руки къ небу, полагаешь ихъ кресто-видно на своей груди, и никшо не посмѣ-тся надо мною, оплакивающимъ несчастія чело-вѣчества. Пространный хребешъ горъ опдѣляешъ меня ошъ измѣнниковъ, ко-прыхъ я спрашился, ошъ подлыхъ людей, ко-прыхъ я презиралъ, ошъ слабыхъ покро-вительей, ошъ покровительствуемыхъ подле-цовъ, ошъ обманщиковъ, ко-прыхъ обманыва-юшъ, ошъ пиранновъ угнѣшающихъ, ошъ бѣдныхъ мною оплакиваемыхъ и ошъ чу-довищъ, ко-прыхъ вселили въ меня ужасное мученіе ненависти. Все сіе уже собылось. Я опдыхаю, буду опдыхашь, и буду одинъ.,,

При сихъ словахъ Зипеа хочешъ возвра-щиться въ ту госпинницу, въ ко-прой до-жидались его; онъ вознамѣрился купишь шамъ лукъ для защищенія и прокормленія своего. Онъ намѣреваеться опдать послѣднее имѣніе слугъ слѣдовавшему за нимъ, и удалясь ошъ сребролюбивыхъ брательевъ, вѣроломныхъ друзей, невѣрныхъ любовницъ, возвратишья навсегда въ природное состояніе. Онъ удале-ніе сіе находишь полезнымъ; сожалѣешъ о вре-мени, въ ко-прое лишался онъ сего мрачнаго убѣжища, и о взорахъ, ко-прыхъ долженъ онъ былъ еще разъ бросишь на людей. Но по крайней мѣрѣ они будутъ уже послѣдними.

Въ такихъ желаніяхъ Зипеа удаляется въ пещеру. Онъ теряетъ слѣды, которые одни только могли его привесить ко входу, чрезъ которой онъ туда вошелъ. Чѣмъ далѣе туда входилъ, тѣмъ болѣе заблуждается. При всякомъ шагѣ онъ заблуждался. Наконецъ приходитъ въ изумленіе, въ ужасъ, въ успалось; пріоспаивается.

Да, хорошо! — Какъ? Я погибъ? Тѣмъ лучше. Того то я и хотѣлъ . . . Но мнѣ умереть здѣсь мучась голодомъ. . . . Сей жребій надъ человѣкомъ, въ обществѣ находящимся, равномерно какъ и надъ дикимъ имѣетъ свое право. Страхъ мой не соспоитъ въ опчаяніи о возвращеніи въ свѣтъ. Подлинно вѣствѣ, я въ помѣ не раскаиваюсь. Но мнѣ нужны плоды для пропитанія себя, и лукъ дабы не быть пожрану. Дикой имѣетъ стрѣлы и финики; а я ничего.

Зипеа встаетъ, укрѣпляется, еще ищетъ. Прогіяваетъ день, и рождается въ немъ надежда. Онъ утверждаетъ въ своемъ намѣреніи, быть въ вѣчной ссылкѣ; касается освѣщаемого мѣсна; выходитъ изъ пещеры. Что онъ видитъ? Совсѣмъ новое мѣсто для него. Не то, которымъ онъ вошелъ, и могъ опять найти свою тропинку, и не то, которое онъ послѣ сыскалъ. Оно гораздо обширѣе, населено нещепнымъ количествомъ

плодоносныхъ деревъ, между промежутками покрыто кореньями, копорыхъ множество превосходило нужду не только одного, но и многихъ людей, но со всѣхъ сторонъ, кромѣ мрачнаго онаго Лавиринеа, по видимому, не приспупно.

Зипеа ни въ чемъ не имѣешъ нужды. Люди не придутъ искать его въ шѣхъ мѣстахъ, откуда и самъ онъ не можешъ возвратишься къ людямъ, копорыхъ онъ отвращается. Наслаждайся, Зипеа! Твои намѣренія исполнились. Будь одинъ, и живи спокойно. . . . Небо . . . ! Что онъ дѣлаешъ . . . ? Онъ повергся на песокъ . . . ! Чего онъ хочешъ для шѣхъ членовъ, копорые терзаешъ? . . . Для чего, при событіи желаній своихъ, глаза его попеременно изображаютъ то бѣшенство, то тысячныя чувствованія ужасной тоски, копорыхъ впечатлѣніе принудило бы и самаго ожесточеннѣйшаго испочить слѣзы. Онъ встаетъ, бѣгаетъ и задыхается. Хочешъ приползти къ подошвѣ превысокой горы, и чѣмъ больше восходишъ, тѣмъ болѣе гора возвышается. Онъ падаетъ, плачетъ и умолкаетъ. Силы его возобновляются, и болѣзни съ ними. Среди пустыни споялъ камень. Зипеа сидишъ на вершинѣ онаго. Онъ сквозь слѣзы, усремая взоръ свой на небо, съ растрепанными волосами и съ изнуренными членами не испу-

скаешъ ничего, кромѣ шихихъ вздоховъ, и нераздѣльныхъ словъ. Наконецъ говоришь онъ, и звукъ его съ трудомъ вырывающійся изъ болѣзненной его внутренности, имѣешъ столь плачевной видъ, какъ и его слова.

„Что я сдѣлалъ? . . . . Что я вздумалъ, сказалъ онъ плачевнымъ голосомъ?.. Какъ! . . . Это конецъ исхода моего? . . . Никогда! Люди, братья моя! Гдѣ вы? Естьли сія вода, копорой шумъ мнѣ нынѣ досадеи, принуждаешъ меня иногда оставлять здѣсь пребываніе; но какъ можно здѣсь жить людямъ, копорыхъ я никогда не увижу? . . . И такъ я шеперь живу такъ, какъ еслибы небо создало одного меня въ моемъ родѣ, но есть, подобно чудовищу предъ глазами всѣхъ другихъ существъ. Люди подобные мнѣ! Что? Одинъ только я болѣе не буду видѣть васъ? . . . Я сего хотѣлъ! Мнѣ казалось, что гласъ съ небесъ сіе внушалъ мнѣ! — Жестокосердый варваръ! Дикій слѣпецъ! Какъ я злосчастенъ! — Друзья мои, родственники мои, братья, человеки, жены, младенцы, неприятели! Гдѣ вы? . . . Наибольшій врагъ мой, сшупай первый по мнѣ, да прощу я тебя и сбниму, да желчь ненависти испочишя изъ меня чрезъ всѣ скважины, и да не возвратишя никогда. Любезный братъ! Спиши, ты будешь красивѣе; я забуду все, и ты исправишся. Я довольно

пе-

теперь исправленъ своимъ ужаснымъ изступленіемъ. Другъ мой! . . . Невѣрный другъ! . . . Вѣроломная любовница! Приходите и вы! Если вы меня болѣе не любите, то по крайней мѣрѣ любите другъ друга. Я васъ соединю: вы меня будете любить, по крайней мѣрѣ изъ признательности . . . . Нѣшъ не приходите! Вы мнѣ изменили. . . . Нѣшъ нужды. Предсавьте мнѣ когонибудь, чшобъ онъ внималъ рѣчамъ моимъ, а я чшобъ видѣлъ его дѣлающаго то, чего мнѣ одному уже дѣлать не возможно. О общество! О несчастные сосавляющіе свое государство! Взирайте на меня!

При послѣднихъ сихъ словахъ, казалось, что сонъ смертный наступалъ на него . . . Пронзающій крикъ пробуждаетъ его. Вспашъ, смотришъ, и опвѣшпвуя спрашнымъ крикомъ, спремишя . . . . Куда! Во объашія своей любезной, не вѣроломной, но нѣжнѣйшей изъ всѣхъ любящихъ женщинъ, живущей въ той же пусынѣ.

Молчаніе было знакомъ сея признательности. Ошавить сіе на догадку, значишъ начерташъ для свѣдѣнія то, что другъ Зинеи зараженъ будучи на краткое время язвительными чувшвованіями для своего друга, вдругъ опразилъ оныя, что любовница его не склонилась шогда, когда Зинеа почишалъ

ее измѣнившю. Дабы узнали еще и то, что сія любовница огорчена будучи пошеряніемъ своего любовника, кѣ ушѣшенію его друга, вмѣсто огорченія онаго, не находя другаго излеченія въ сей пошервѣ, жила въ уединеніи и спраданіи чрезъ годъ въ смежной пещерѣ съ шюю, въ которую завелъ случай Зипею; когда болѣе несчастный другъ его, угрызаемъ будучи совѣстію, оплакивалъ своего друга, и предметъ любви онаго пошерянной вмѣстѣ для себя. Дабы узнали, что Зипеа сопровождаетъ своею любезною, оставилъ пущыню, просилъ все другу своему, и шѣмъ излечилъ его; что его братъ, презирая золото, которое онъ долгое время орошалъ своими слезами, во шю кратъ умножилъ его цѣну, раздѣляя съ найденнымъ своимъ братомъ; что болѣзнь, которая приключилась Зипеѣ отъ сильныхъ движеній, нанесла страхъ не только всѣмъ ближнимъ, но и самому ему; ибо тогда можно любить жизнь, когда мы обрѣтаемъ брата, друга, и любезную; что врачъ, хотя не докторъ, однако свѣдуецъ въ природѣ и любящій человѣчесиво излечилъ его, пошребовалъ у него мало денегъ, и сдѣлалъ его участникомъ великаго богатства.

Зипеа сдѣлался счастливымъ и обходительнымъ, счастье посѣяло въ немъ скромность и снисхожденіе. Онъ узналъ, что лю-

ди могутъ исправиться. Знаніе полезныхъ вещей учинило его знашнымъ гражданиномъ. Завистники противоборствовали его счастью; но его честлюбіе, основанное на стремленіи дѣлать добро, воспоржестивовало. Онъ хотя поздно, однако образумился. Нѣкоторые завистники обезоружены были чистотою его намбрений, другіе замолкли. Онъ уважалъ ихъ, когда видѣлъ въ нихъ хорошія дарованія; презиралъ и забывалъ, когда примѣчалъ ихъ неисправленными, и дознавалъ, что они весьма скоро ввергались въ опчаяніе. Сочетался съ своею любезною, родилъ дѣшей, позналъ любовь къ добру, никогда отъ нее не отступалъ, и увидѣлъ точно, что люди сошворены для общежительства.

XIX.

Похвала женскому полу.

Естьли что есть прекрасно въ природѣ, то это пригожая женщина; что же во всей природѣ болѣе разнится отъ хорошей женщины, то это дурная женщина въ молодыхъ своихъ лѣтахъ. Но ихъ все, что есть пріятное, восхищительное и прелестное въ свѣтѣ, то сдѣлано для ихъ украшенія, или для принесенія имъ въ жертву. Для ихъ шеи бѣлизною подобной лилеямъ, и для ихъ

бѣлыхъ рукъ блестящъ жемчугъ и рубинъ ; для ихъ перевязей сіяетъ карбункулъ ; роза цвѣшетъ для ихъ груди , но розовыя ихъ щеки оную превосходятъ . Естли согласіе музыки имѣетъ пріятности , то сіе для того , чшобъ ихъ воспѣвать ; естли плоды имѣющъ пріятный вкусъ , то сіе конечно за шѣмъ , чшобъ женскія уста были оными услаждаемы ; и естли наконецъ имѣемъ мы сердце , то для того , чшобы имъ жертвовать .

Надменный и угрюмый Циникъ слушающій и порицающій меня , ты ужè не помнишь больше того , что ты думалъ шакже , какъ и я , пока то чувствовалъ . Ты , которъй считаешь меня глупымъ , скажи мнѣ , чшобы ты сдѣлалъ безъ женщинъ изъ сапфира , въ которой солнце вливаетъ краску на воскъ . Чшобы ты сдѣлалъ изъ цвѣтовъ весною разцвѣщающихъ , и изъ согласныхъ пѣсней ? Къ швоей ли грубой кожѣ пристанетъ яхонтовое ожерелье ? Твоимъ ли жесткимъ волосамъ приличенъ розовый вѣнокъ ? Тебѣ ли должно приписываться согласіе швоей лиры ? Я не говорю , шебѣ , но кому бы сіи жертвы приличесшвовали , естли не женщинъ , или шакому существу , которое произведено для нашего благополучія ? Не думаешь ли ты , что сіи доказательствва единственно основаны на возмущительныхъ началахъ безпокойнаго общества ?

ства? Взгляни проницательнымъ окомъ на живошныхъ, и увидишь, что сіи преимущества и сіи нѣжныя попеченія показаны ошъ самой природы. Послѣдуй за мною къ сему крылатому и домашнему народу, копорого ты кормишь и пожираешь. Смотри на сего прекраснаго пѣшука, гордящагося своими перьями среди своихъ поварищей. Превосходныя его качества сдѣлали бы нѣжныя его попеченія не такъ нужными; видъ его и дѣйствія, кажется, возвѣщаютъ заботу его о пищѣ нужной болѣе для него, нежели для курицъ его окружающихъ. Но нѣтъ нужды брось ему со стола крошки и примѣчай, можешь ли голодъ, возбужденный приманкою новой пици заславить его позабыть тѣ спаранія, коихъ ты не знаешь, и копорыя суть должностію его, равно какъ и удовольствіемъ. Смотри какъ онъ оспанавливается въ своемъ бѣгу, ешьли и не весьма пригожая курица подбѣгаетъ къ той же добычѣ; посмотри, какъ его кохпи опускаютъ взяшую имъ добычу, и какъ она упадаетъ изъ отверстаго его рта, ешьли хотя единый взоръ, или крикъ курицы его обезпокоитъ. Научайся изъ сего и согласишь, что какъ ты не можешь быть пѣшухомъ, такъ и хорошимъ философомъ.

О женщины! Прекрасный полъ мною обожаемый и почишаемый, были ли когда нибудь

правѣ лучше учреждены, какѣ ваши? Прелестнѣ жизни, очарованіе дней, забвеніе несчастій, все пріятныя чувствованія и совершенная способность оныя чувствовать, о женщины! всѣмъ симъ мы вамъ одолжены. Вотъ малѣйшее шло нашихъ вамъ похвалъ. Но мы вамъ должны еще добродѣтелями.

Естьли какое существо столько несчастное, для котораго бы въ сей истиннѣ нужны были изъясненія? Но какія тѣ добродѣтели? Человѣколюбіе, предпочтеніе чьего нибудь благополучія собственному нашему; нѣчто полезное и чрезвычайное въспѣ, большее нежели должностъ. Мудростъ опредѣляется своимъ благополучіемъ въ самомъ себѣ. Но я опредѣляю добродѣтель своимъ благополучіемъ въ другихъ. Оно можетъ тамъ находиться; должно, чтобъ оно было чистѣйшее, и вы однѣ о женщины! можете насъ научить, что тамо должно его искать.

Чтобы мы были безъ васъ? Самоспвенники (Эгоисты) пожирающіе людей и алчныя пигры, имѣя въспѣ боговъ единственно жажду и голодъ, и замѣняя кохши, коихъ мы не имѣемъ, грубѣйшимъ поняшіемъ, если вы онаго не исправите. Безъ васъ мы не имѣли бы другаго свойства, какъ грубостъ безъ живоспи, чувствительностъ наша бы пройный панцырь около нашей груди, а по-

дой

длый страхъ занялъ бы открытые входы нашей души. Но вы надъ нашею грудью держите щипъ храброси, а въ сердцѣ производите ошголосокъ, ошзывающійся на вопль несчастныхъ. Сіе сердце было бы безъ васъ желѣзомъ. Въ пламенныхъ же очахъ вашихъ желѣзо сіе дѣлаешся мягкимъ, и вы однѣ можете обращать оное къ славѣ и благополучію.

Храбрось раждаешся съ любовію. Посмотри на юношу; онъ робокъ, и одинъ листокъ колеблемый вечернимъ вѣтеркомъ приводитъ его въ прѣпешъ въ лѣсу при склоненіи дня, но онъ же лешя къ ногамъ любовницы вдругъ презираешъ громъ и молнію.

Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ храброси безъ чувствительности, и первый лучъ, произраспившій въ душѣ нашей сію драгоценную опрасль, проникаешъ всегда изъ глазъ чувствительной мащери. Нѣжность мащерная начинаешъ то, что любовь приводитъ въ окончаніе; но во всякомъ возрастѣ мы всегда одолжены женщинамъ тѣмъ, что возрастъ нашъ ни доставляешъ намъ самаго пріятнѣйшаго. Женщины научающъ насъ все заслуживать, и удвояющъ цѣну всего того, чего они сдѣлали насъ достойными. Колико-красно лавръ покрываешся зеленью у ногъ любовницы! Ешъли вмѣсто хорошаго правленія

хорошая женщина учинишься цѣною побѣды, по сколько рождаются великихъ воиновъ! А особливо когда злопо правителья не будешь участвовашь въ обладаніи прелестною женщиною.

Конечно такъ, прекрасныя женщины, естълибъ вы были шѣмъ, чѣмъ должны и можете быть, чтобы имя богини было излишне въ языкѣ, или означало бы нѣчто иное, а не васъ. Вы, которыми всѣ обязаны добродѣтелями, не дѣлайтесь никогда наградою порокамъ. Вы, сокровище цѣлаго свѣта, цвѣты общества, вы владычицы не давайше никогда права подлѣйшимъ своимъ невольникамъ, бытъ вашими повелителями за украденное, или за законно пріобрѣтенное золото. Выше всего того, что могутъ они вамъ дать, и ниже всего, что вы осмѣлились принять, да дается вамъ все кромѣ плашы; удовольствіе за деньги! Женщина за злопо! Ужасное смѣшеніе, спрашное несогласіе! Смѣшное, варварское и щещное предразсужденіе полагаетъ вамъ наипрѣятнѣйшее удовольствіе въ число пороковъ. Не то безчестіе, чтобы имѣть любовниковъ, но то, чтобы имѣть хотя одного безчестнаго. Подлецъ цѣлующій ваши рѣки, зашмѣваетъ совѣмъ ваши прелести; но нѣжный, учивый и храбрый человекъ скорымъ употребленіемъ вашихъ благосклонностей, возобновляетъ черты вашего лица.

лица. Сердца ваши спановятся чистѣйшими. Небо и люди радуются согласно вашему благополучію. Гоните пороки, гордость, подлость, корысть и слабость. Увѣчайте добродѣтели, дарованія и науки. Да будетъ названіе любовника священнѣйшимъ пинломъ честнаго челоуѣка. Дѣлайте героевъ и пріятныхъ людей: ибо шѣ и другіе рѣдки, а вѣ шомъ вы сами виноваты. Будьте нѣжны, скромны, привѣпливы, веселы и просы; общество будетъ прекраснымъ, а государство процвѣвающимъ.

Прекрасный полъ, я себя похваляю съ верьху высокой горы, дабы гласъ мой раздавался далѣе. Тѣло мое долго оспанется нѣжнымъ, а сердце навсегда. Женщины! Я васъ почишаю и хвалию буду всю жизнь, но не буду любить никогда, кромѣ одной.

XX.

О П Ы Т Ъ

Краткаго для дѣтей ученія

О Д У Ш Ъ.

Молодые дѣши желая получить какое нибудь познаніе о челоуѣческой душѣ, дѣлали своему ошцу непрестанные вопросы, коими на-

наконецъ принудили его начать говорить имъ слѣдующее : „ Любезные дѣши ! Если вы не-
 „ опшупно понуждаете меня научить васъ
 „ свѣдѣнію о душѣ вашей, или , что все равно ,
 „ о себѣ самихъ ; по мнѣ ничего не спóишь
 „ удалитъ на сіе нѣсколько нужныхъ минутъ.
 „ однако напередъ вамъ скажу, что для сего
 „ нужно весьма великое вниманіе , если вы
 „ только хотите все хорошо понимать и раз-
 „ умѣть.

Дѣти. О ! Мы будемъ вѣшшинѣ упо-
 добляться мышкѣ ; бабюшка ! Вы сами тогда
 увидите !

Отецъ. Хорошо ! — Ничто намъ те-
 перь не мѣшаетъ начать объ этомъ говорить ;
 садитесь !

(Дѣши сѣли, и тогда начался между
 ими и опцомъ слѣдующій разговоръ.)

РАЗГОВОРЪ.

Отецъ. По крайней мѣрѣ, мои любезные дѣ-
 ши, у васъ вѣ свѣжей памяти еще то, что не сіе
 наше шѣло, но душа есть то что живетъ, и все то
 дѣлаетъ, что мы предпринимаемъ ; не такъ ли ?

Ипанъ. Подлинно такъ ! — Если
 душа разлучится съ шѣломъ, то и лежитъ
 оно, какъ шрупъ, не имѣющій никакого дви-
 женія.

Отецъ.

Отецъ. Точно шакъ; но какъ же мы начнемъ познавать душу, заключенную въ нашемъ шѣлѣ?

Ипанъ. Да вопшъ шого шо я и не знаю.

Отецъ. Какъ? Не согласишся ли кшо нибудь изъ васъ дозволишь себѣ съ головы до ногъ разрѣзашъ шѣло, чшобъ мы могли пошмотрѣть душу его, и узнашь, чшо она въ самой шочности есшь?

Всѣ. Э! Нѣшъ, покорно благодаримъ, рѣзашъ вишь будешъ больно!

Федоръ. Да и какая намъ ошъ эшого польза? Вишь мы души не увидимъ, да и не можно ее видѣшь.

Отецъ. Почемужъ ты эшо знаешь?

Федоръ. Не бывали ли часто при шомъ люди, когда кшо умираешъ, или кому голову надвое разсѣкали? Душа вишь человѣческая изъ шѣла выходила: но видѣлъ ли ее кшо нибудь шочно.

Отецъ. Правда швоя, Федоръ, и сіе шо шочно доказываетъ, чшо души глазами видѣшь не лзя; но ошкудужъ эшо происшодитъ, чшо души глазами видѣшь не можно.

Николай. Такъ по эшому она не шакого свойства, какъ прочія вещи?

Отецъ. Какогожъ свойства прочія вещи, кошорыя мы видѣшь можемъ?

(Всѣ замолчали.)

Посмотримъ сперва, не можемъ ли мы о томъ узнать? — Не правда ли, что чѣмъ какая вещь имѣетъ болѣе частей, тѣмъ болѣе мы ее видимъ?

Василей. Конечно такъ.

Отецъ. Напротивъ того, чѣмъ меньше частей заключаетъ въ себѣ какая вещь, тѣмъ меньше мы ее видимъ.

Матпѣй. Такъ точно.

Отецъ. И такъ естълибъ вещь совсѣмъ никакихъ частей не имѣла, то можно ли бы ее видѣть?

Матпѣй. Нѣтъ!

Отецъ. На примѣръ: всякой листъ книги естъ ея часть, а вошъ въ сей книгѣ двѣ сщи листовъ; напрошивъ же того въ другой маленькой книжкѣ только 20; то въ кошорой изъ нихъ больше листовъ?

Максимъ. Конечно въ той, въ кошорой 200 листовъ!

Отецъ. Когда же бы я изъ сей маленькой книжки всѣ 20 листовъ по одному вырвалъ, то сколько частей оной останешся?

Тома. Только переплетъ.

Отецъ. И естъли бы я также послѣднюю часть оной отнялъ, то чшобъ вы тогда увидѣли?

Всѣ. Ничего.

Отецъ.

Отецъ. И я тоже думалъ; ибо тогдабъ ни одной часши книги не оспалось. И такъ все, что должно бышь видимо, по должно — что?

Ипанъ. Имѣть часши.

Отецъ. А То, что не имѣешъ никакихъ часшей? —

Ипанъ. Того не можно и видѣшь.

Отецъ. Теперь показали мы, для чего своей души видѣшь не можемъ.

Всѣ. Конечно для того, что она не составлена изъ часшей.

Отецъ. А знаешель вы какъ такую вещь называющъ, кошорая изъ часшей не составлена? Простую вещью, или простымъ существомъ.

Василей. А! а! и такъ наша душа есть простое существо.

Отецъ. Конечно! она не имѣешъ никакихъ часшей, кошорыя бы могли дѣлиться, такъ какъ я опъ сего кусочка бумаги одну часшь послѣ другой могу опрѣзывать, и по сей по причинѣ не можно души ни видѣшь, ни слышашъ, ни вкушашъ, ни обоняшь, ни осязашъ.

Ипанъ. Такъ по этому она совсѣмъ ничпо.

Отецъ. А ты какъ знаешъ?

Ипань. Да, когда я отъ этой книги опшиму частъ за частью, то наконецъ совсѣмъ ничего не останешся.

Отець. Это правда: — Но положимъ, что книга сія сперва была бы живая, и могла бы все предпринимать и дѣлать. *На примѣръ:* положенный на нее сей кусочикъ бумаги опшолкнууть или бросить вверхъ и такъ далѣе. И тогда бы мы одну частъ за другою отъ книги опшмали, пока наконецъ ничего болѣе видимаго отъ оной не осталось, однако пошъ кусочикъ бумаги, положенный на то мѣсто, гдѣ книга лежала, естлибы безпрестанно также опшалкивался или поднимался вверхъ, то чшобы ты въ такомъ случаѣ подумалъ? Чшо отъ живой книги ничего не осталось?

Ипань. Нѣшъ, того бы я не подумалъ.

Отець. Для чего?

Ипань. Для того, что она еще все на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее прежде видѣли, что нибудь производитъ.

Отець. И такъ естли гдѣ что сдѣлано или произведено, то ты думаешь, что должна быть и вещь, по дѣлавшая или производящая.

Ипань. Да, я такъ думаю.

Отець. Хорошо! — И такъ естлибъ ты точно испышалъ, что и наша невидимая
душа

душа также чтонибудь дѣлаешь или производишь, спалъ ли бы ты тогда сомнѣваться, что она подлинно существуетъ? И что она подлинно есть чтонибудь?

Ипанъ. Нѣтъ, я болѣе сомнѣваться не стану.

Отецъ. Хорошо! такъ сдѣлаемъ хотя одинъ опытъ, не можемъ ли мы своей души при какомънибудь ея дѣйствіи понимать. — (Тихимъ голосомъ) будьте тихи, чтобъ ей не мѣшало! цѣ! цѣ! теперь мы увидимъ чтонибудь изъ ея дѣйствія! (кличетъ собаку) Шпадилія (вошь! смотришь на нее всѣ вдругъ приспально! а теперь крепко зажмишь глаза! вошь этакъ, теперь попытайшесь, не можешь вы не разжимая глазъ, опять представитъ себѣ Шпадилію? Что, можете ли?

Всѣ. О конечно! конечно такъ! мы ее точно такъ, какъ глазами видимъ.

Отецъ. И такъ вы можете и закрывши глаза воображать и представлять себѣ чтонибудь; не такъ ли?

Всѣ. Да, это мы можемъ.

Отецъ. Да ктожъ таковы шѣ, которые то могутъ? Не шѣла ли ваши?

Николай. А! а! это точно наша душа сіе дѣлаешь.

Отецъ. Да ктожъ бы сіе и могъ? Чшо наше шѣло само собою ничего сдѣлать не можешъ, но мы знаемъ; и такъ все шо, что мы ни дѣлаемъ, неопмѣнно должна дѣлать наша душа, также, когда мы чшо нибудь себѣ воображаемъ, шо посредствомъ чего мы сіе дѣлаемъ души ли или шѣла?

Всѣ. Посредствомъ души нашей.

Отецъ. Теперь Иванъ, все ли шебѣ еще такъ думаешся, чшо душа наша ничшо.

Иванъ. Нѣшъ; когда она чшо нибудь дѣлать можешъ, шо и сама должна бышь чѣмъ нибудь.

Отецъ. Эшо правда! но естѣлибъ ше- перь захотѣлъ кто нибудь знать, чшо есть душа собственно; шо чшобы мы могли ему изъ шого, чшо мы шеперъ узнали, опи- сшвовашъ?

Иванъ. Душа есть шакая вещь, ко- шорая чшо нибудь можешъ себѣ предша- вляшь.

Отецъ. Такую вещь обыкновенно на- зываемъ мы силою воображенія.

Иванъ. Ну, такъ наша душа естѣ сила воображенія.

Отецъ. Но не шже ли самое зеркало, кошорое виситъ на стѣнѣ? Не изображаетъ ли оно также чего нибудь внѣ себя находящееся?

Мат-

Матпѣй. Такъ.

Отецъ. И такъ все равно, что зеркало, что душа? Душа есть зеркало, а зеркало есть душа. Не такъ ли?

(всѣ разинули ротъ, и не знаютъ что на по сказать.)

Вы задумались? — Хорошо я васъ изъ сего выведу. — Когда ваша душа чтонибудь представляетъ: по знаешь ли по, что она дѣлаешь? И знаешь ли, что она себя воображаетъ?

Федоръ. О! конечно такъ.

Отецъ. Если вы спанете проптивъ зеркала, и оно вамъ представитъ вашъ образъ, по можешели вы повѣришь, что и оно знаешь о томъ, что оно дѣлаешь, или какой образъ въ немъ шеперь видимъ, скажише, вѣришели вы сему?

Всѣ. О! нѣтъ, зеркало ничего этого не знаешь.

Отецъ. И такъ великое различіе между душою и зеркаломъ; кто изъ васъ сіе различіе примѣшилъ?

Николай. Душа знаешь о томъ, что она себя представляетъ, а зеркало не знаешь.

Отецъ. И такъ зеркало виѣшно только что чтонибудь представляетъ; душа же напрошивъ того внутренно; или иначе скажешь: душа какъ о самой себя, такъ и

о вещахъ представляемыхъ себѣ свѣдуща; зеркало же напрошивъ того, ни о самомъ себѣ ни о вещахъ изображающихся въ немъ нимало не знаетъ; не такъ ли?

Всѣ. Да, конечно такъ.

Отецъ. Итакъ мы имѣемъ шрякое понятіе о душѣ: она есть. —

Ипанъ. О! позволите мнѣ сказать, она есть 1. простое существо, 2. Она можетъ себѣ чтонибудь представлять и 3. она сама о себѣ свѣдуща.

Отецъ. Справедливо. Теперь дозволимъ мы нашей душѣ опять чтонибудь сдѣлать, дабы испытать что она больше еще можетъ дѣлать. Смотрите, вотъ книга! и когда вы свои глаза на оную устремите, то что тогда дѣлаетъ ваша душа?

Всѣ. Она себѣ представляетъ книгу.

Отецъ. Вотъ маленькій колокольчикъ, слушайте: какъ онъ звенитъ шинь! шинь! шинь! и когда вы сему звуку внимаете, то что дѣлаетъ тогда ваша душа?

Василей. Она представляетъ себѣ звукъ шинь! шинь! шинь!

Отецъ. И пошому звонъ колокольчика. — Вотъ гвоздика, понюхайте, какъ хорошо она пахнетъ? Что теперь дѣлаетъ душа, когда вы нюхаете гвоздику.

Всѣ. Она представляетъ себѣ запахъ гвоздики.

Отецъ.

Отецъ. Вотъ восемь изюминокъ для
каждаго изъ васъ по одной; ну, положите!
ихъ въ ротъ вдругъ — Что дѣлаешь теперь
ваша душа, когда вы ѣдите изюмъ.

Всѣ. Она чувствуешь вкусъ изюма.

Отецъ. Если кто пріятное что ни-
будь отъ кого получишь, томъ не долженъ
отговариваться принять когданибудь и про-
тивное. Подставышка ваши спины за каж-
дую изюмину дамъ вамъ по удару эшимъ
мѣшкомъ.

Всѣ. Ай! ай! ай! ай!

(Всеобщій радостный крикъ.)

Отецъ. Чужъ дѣлаешь теперь ваша
душа, когда вамъ отъ удара мѣшка больно
спало.

Всѣ. Она чувствовала боль.

Отецъ. Теперь скажите мнѣ, если бы
вы не имѣли глазъ для зрѣнія; ушей для
слышанія; носу для обонянія; во рту неба
для вкусу, нервъ во всемъ вашемъ тѣлѣ
для чувствованія, — однимъ словомъ, если-
ли бы вы совсѣмъ никакихъ чувствъ не имѣ-
ли, могли бы все сіе душа ваша предста-
влять, что она теперь себѣ представляла?

Николай. Нѣтъ, точно нѣтъ.

Отецъ. И такъ сколько плотнику ну-
женъ шпоръ, портному игла, живописцу
кисль, сколько душъ чувства. Ея орудія,

кои ей необходимо нужны, естли она хочеть начертать себѣ образъ какой нибудь вещи, или что все равно, оную себѣ представишь. И такъ мы еще нѣчто о нашей душѣ познали: чтожъ всего на все знаемъ мы объ оной?

Николай. О я! я скажу! ваша душа есть: 1, простое существо; 2, она сама о себѣ свидѣца; 3, она себѣ представляетъ вещи; и то 4, посредствомъ чувствъ.

Отецъ. Bravo Николай! теперь я вамъ покажу картину, на которую глядя, вы можете опять все то припомнить. — Вотъ смотрите!

Всѣ. Аа! аа!

Отецъ. Здѣсь изображено пять мальчиковъ, которыхъ души представляютъ себѣ нѣчто, скажите мнѣ, чтобы каждый изъ нихъ себѣ представлялъ?

Федоръ. Одинъ представляетъ себѣ картину, которая у него въ рукахъ.

Иванъ. А вѣрой, который звонитъ въ колокольчикъ, представляетъ себѣ звукъ онаго.

Николай. О! и я знаю, что тошнотъ, который себѣ зажимаетъ носъ, чувствуетъ скверной запахъ отъ пера, которое онъ жметъ на свѣчѣ.

Василей. Дозвольте, и я скажу, эшотъ чувствуетъ вкусъ яблока, которое онъ ѣстъ.

Мак-

Максимъ. А шопъ, который порѣзалъ себѣ ножомъ палець; чувствуешъ боль, имѣ причиненную.

Отець. Посредствомъ чего же тогда представляющъ себѣ все сіе дѣйствіи сихъ мальчиковъ.

Всѣ. Посредствомъ чувствъ.

Фадоръ. Мой посредствомъ зрѣнія.

Ипанъ. Мой посредствомъ слуха.

Николай. Мой посредствомъ обонянія.

Василей. Мой посредствомъ вкуса.

Максимъ. А мой посредствомъ осязанія.

Отець. Я еще одно вижу, и вещь такую, въ которой и вы также представляетесь.

Всѣ. О! Да, да, зеркало! Зеркало! Которое тамъ позади его виситъ.

Отець. Вы видите въ немъ образъ мальчика, который передъ нимъ стоитъ, но знаешъ ли точно зеркало, что въ немъ изображается такой образъ?

Всѣ. О нѣтъ, нѣтъ! Не знаешъ.

Отець. А знаешъ ли душа мальчиковъ, что она теперь себѣ представляетъ?

Ипанъ. Да знала бы, еслибы были они живые люди, а не написанные только.

Отець. Теперь мы себѣ представляемъ, что они точно живые люди; изъ чего же вы заключаете, что ихъ души знаютъ о томъ, что они себѣ воображаютъ?

Осдоръ. Мой знаетъ пошому , что глядя на каршину радуешя.

Ипанъ. А мой по звуку колокольчика.

Николай. Мой по яблоку , кошорое для него вкусно.

Василей. Мой , кошорой представляешъ себѣ дурный запахъ пера зажимаетъ себѣ носъ : слѣдовашельно непременно онъ знаетъ , что онъ нюхаетъ.

Максимъ. И мой шакже , знаетъ что онъ порѣзался , пошому что видно на лицѣ его чувствуемая имъ боль.

Отецъ. И шакъ всѣ сіи мальчики пошно знаютъ , о чемъ они шеперь думаютъ , и что они себѣ воображаютъ ; но знаетъ ли зеркало ?

Ипанъ. Оно ничего объ шомъ не знаетъ.

Отецъ. Такъ оно ни о чемъ ни радуешя , ни печалишя. Это пошому что оно не знаетъ ни о себѣ самомъ , ни о шомъ , что въ немъ представляешя , и шакъ оно мершвое ; наша же душа живое зеркало ; оно зеркало о себѣ несвѣдующее , наша же душа ешть зеркало само о себѣ свѣдующее — по сложное , наша же душа просное зеркало. — Завшра проспраннѣе поговорю о семъ съ вами. —

XXI.

О предвѣстіяхъ грядущихъ вѣдстій.

Somnia, terrores magicos, miracula, fagas,
Nocturnos lemures, portentaque thessala rides?

Дерзаешь осмѣхатъ ты страхи ворожебны,
Сны, привидѣнія и дѣйствія голшебны?

Горац. II. 2.

Идучи вчера обѣдать къ одному старинному моему пріятелю имѣлъ я несчастіе найсти всю его фамилію въ великомъ уныніи. Я спросилъ его о причинѣ оной и увѣдомился, что женѣ его привидѣлся въ прошедшую ночь чудный сонъ, кошорый ихъ настрашалъ, угрожая какимъ-то несчастіемъ имъ, или ихъ дѣтямъ. При вступленіи ея къ намъ въ горницу; ибо пришла пора обѣдать и столъ уже былъ накрытъ, примѣшилъ я изображенную на ея лицѣ задумчивость, отъ кошорой долженъ бы я былъ смущиться, хотябъ и не слыхалъ отъ чего она произошла. Не успѣли мы еще сѣсть, какъ она посмотря на меня нѣсколько времени, государь мой, сказала оборотясь къ своему мужу, шеперь вы видите того человѣка, кошорого въ прошедшую ночь предзнаменовала во снѣ свѣча. Не много спустя какъ они начали говорить о домашнихъ дѣлахъ, маленькой мальчикъ, кошорый сидѣлъ ниже всѣхъ за столомъ, сказалъ, что онъ въ четвергъ намѣренъ на-

чинать учиться писать. Въ четвергъ? Сказала она; ишь душенька, ешьли по угодно Богу, по ты не начнешь въ день избіенія младенцевъ; скажи своему учителю, что и въ пятницу еще для сего будетъ довольно рано. Я разсуждалъ тогда самъ въ себѣ о странности ея мыслей, и удивлялся, что человекъ за правило себѣ поставляетъ перья по дню каждую недѣлю. Въ самой срединѣ сихъ моихъ размышленій, попросила она меня подать ей не много соли на концѣ ножа, что я и сдѣлалъ, но при томъ съ такимъ проворствомъ и поспѣшностію для показанія своей послушности, что, подавая, не много просыпалъ на нее. Женщина запряслась, и сказала, что соль на нее упала. Я также изумился и примѣня смяшеніе всѣхъ сидящихъ за столомъ, началъ себя починать за человека, который навлекъ несчастіе всей ихъ фамиліи. Между тѣмъ госпожа пришедъ мало по малу въ себя и вздохнувши сказала своему мужу: любезный мужъ! бѣда за бѣдою! При семъ случаѣ примѣнилъ я, что пріятель мой игралъ за столомъ послѣднюю роль, и будучи болѣе проспачокъ, нежели человекъ просвѣщенный, думалъ, что онъ долженъ послѣдовать всѣмъ спрашамъ и прихотямъ своей супруги. Не помнишь ли ты душа моя, сказала она ему, что голубяшня упала въ потѣ же самый полдень, какъ наша негодница дѣвка просыпала соль на столъ?

Такъ

Такъ мапушка, отвѣчалъ мужъ, да и въ слѣдующую послѣ того почпу получили мы извѣстіе, что кресъяне наши подрались, съ сосѣдами. — Чишашель легко можешъ догадаться, какую я тогда представлялъ изъ себя фигуру. Я поспѣшалъ обѣдомъ споль скоро, сколько могъ наблюдая обыкновенную мою молчаливость, какъ госпожа примѣня, что я опъ великаго смущенія положилъ на свою шарѣлку кресъ на кресъ ножикъ съ вилкою, просила меня сдѣлать ей милосъ перемѣнишь сей видъ (ножика и вилокъ), а положишь ихъ одно къ другому бокомъ. Можно ли сіе почесъ нелѣпосію, что я сдѣлалъ, не знаю, а думаю, что это было нѣкошорое суевѣріе произшедшее опъ бабьихъ преданій. И такъ въ угодность хозяйки, положилъ я свой ножикъ и вилки въ видѣ двухъ параллельныхъ линій, въ какомъ видѣ я ихъ и всегда буду шеперь класъ, хопя и самъ не знаю шому причины.

Не шрудно узнать, еспыли человекъ почувшвовалъ къ другому отвращеніе. Что до меня собшвенно принадлежишь, шо я по взгляду госпожи шопчасъ примѣшилъ, что она шопрѣла на меня какъ на человека спрашнаго и имѣющаго изурочливый глазъ. Для сей - шо причины просшилъ я съ вами не медля послѣ обѣда, и отправилъ домой. Пришедши къ себѣ, впалъ я въ глубокое размыш-

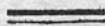
мышленіе о бѣдствіяхъ сопровождающихъ суевѣрныя дурачества рода человѣческаго, которыя подвергающъ насъ мученіямъ производимъ отъ одного воображенія и производятъ печали непредопредѣленные собственно нашему жребію. Самыя бездѣльные обстоятельства обращаемъ мы въ несчастія, и отъ ничего незначущихъ приключеній прешерпываемъ столько же, сколько и отъ дѣйствительныхъ золъ, какъ будто бы еще не довольно было къ тому естественныхъ злоключеній съ жизнію соединенныхъ. Я зналъ шакого человѣка, которому кажущееся въ ночи паденіе звѣзды съ неба не дало во всю ночь покою, и видѣлъ нѣкошораго любовника поблудившаго и пошерявшаго аппетитъ отъ того, что сорвалъ нечаянно нѣкошорый цвѣшокъ. Крикъ совы перепугалъ въ полночь цѣлую семью болѣе, нежели шайка разбойниковъ: но что всего удивительнѣе, голосъ кузнечика повергъ нѣкошораго человека въ гораздо большій ужасъ нежели бы рыканіе льва. Ничего нѣтъ столь маловажнаго, чтобы не могло показаться ужаснымъ воображенію зараженному гаданіями и предвѣщаніями. Заржавившій гвоздь, или кривая булавка обращается также въ несчастливый признакъ.

Я помню, что въ нѣкоторой многолюдной бесѣдѣ, гдѣ ни о чемъ другомъ не думали, какъ о шуткахъ и веселости, по не-

сча-

счастію нѣкопоярая старая женщина нечаянно примѣшила, что насѣ тамо было не чопна, а именно принашцапѣ челоѡѡкѣ. Сіе привело нѣкопоярыхѣ изѣ присушсѡѡующихѣ вѣ шакое замѣшашельсѡѡо, что одна, или двѣ изѣ госпожѣ хошѣли пошчасѣ опшуда вышши: однако пріашель мой увидя, что изѣ нашихѣ собесѣдницѣ одна была беременна, ушверждалѣ что всѣхѣ насѣ вѣ шой залѣ чешырнашцапѣ, и что вмѣспо шого, чтошѣ по предѡѡщанію долженѣ былѣ кшо нибудѣ изѣ присушсѡѡующихѣ умерешѣ, ясно предвидитѣся, что одинѣ еще прібудешѣ. Ештлишѣ пріашель мой не выдумалѣ сего средсѡѡа кѣ уничпоженію сего предзнаменованія; шо я не сомнѣѡаюсѣ, чтошѣ половина женщинѣ сѣ нами бывшихѣ не занемогла вѣ шу же ношѣ.

Обѡешшалая красавица, возмушцаемая шакowymѣ воображеніемѣ, причиняешѣ безчисленныя разспройки вѣ своемѣ полѣ между своими пріашельницами и сосѣдками. Я знаю одну женщину, знаншой фамилія, копояую можно причислишѣ кѣ симѣ ушарѣлымѣ Сивилламѣ; она пророчешсѡѡуешѣ опѣ одного конца года до другаго. Она видитѣ всегда явленія, и слышитѣ часы смерши, а иногда лишаешѣя почши ума, ештли дворяная собака залаешѣ вѣ конурѣ вѣ шо время, когда у ней боляшѣ зубы. Столь нелѣпный образѣ мыслей привязѡѡаешѣ

множество народа не только къ пустому спрау, но и къ безчисленнымъ изнуреніямъ жизни, и происходитъ отъ боязни и незначія свойственнаго душѣ человеческой. Ужасъ смерти, или о другомъ какомъ нибудь злѣ, пишаемый въ нашихъ мысляхъ и неизвѣстность кончины наполняютъ душу нашу задумчивостію, неисчислимыми безпокойствами, подозрѣніями; и слѣдовательно располагающѣе ее къ примѣчанію споль неосновательныхъ призраковъ и предзнаменованій. Ибо какъ просвѣщенныхъ людей главное стараніе состоитъ въ томъ, чшобъ уменьшать бѣдствіе жизни мудрыми разсужденіями; такъ напрошивъ того невѣжды находятъ свое упражненіе въ углубленіи оныхъ суевѣрными мнѣніями. Чшо до меня касается, шо я не имѣлъ бы никогда спокойнаго часа, будучи одаренъ симъ гадашельнымъ даромъ, хотя бы онъ въ разсужденіи того, чшо со мною случится, и никогда меня не обманывалъ. Я не хочу наслаждаться извѣстностію благополучія, ниже чувствоватъ бремени бѣдствія, прежде нежели оно дѣйствительно меня ошягошитъ.

Я знаю одно только средство укрѣпитъ душу свою прошиву сихъ шемныхъ предвѣщаній и смущеній мысли, оградивъ себя дружбою и покровомъ существа располагающаго бышіями и правящаго будущимъ. Оно единымъ

нымъ взоромъ объемяетъ нипъ моего попеченія и не только шу часъ, которую я ужé перешелъ, но и шу, которая проспирается въ бездну вѣчности. Когда ложусь я спать, то препоручаю себя Его попеченію; когда пробужаюсь, предаю себя Его управленію. Среди всѣхъ золъ миѣ грозящихъ, ожидаю я помощи свыше, и не сомнѣваюсь, что оно либо отвратитъ ихъ отъ меня, либо обратитъ въ мою пользу. Хотя я никакъ не могу узнать времени и образа смерти, въ которомъ она ко миѣ предстанетъ; однако сіе меня ни мало не беспокоитъ: ибо я увѣренъ, что Высочайшему Существо извѣстно и что и другое, и что ему не недостанетъ средствъ меня утѣшить и облегчить бремя, которое я понесу.

XXII.

СТРАННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

I.

Испуганной заяцъ причиною плѣненія Рима.

Изъ Исторіи извѣстно, что Саксонцы, Баварцы и Турингцы соединясь вмѣстѣ свергнули Императора Карла III. прозваннаго *красомъ* или *толстымъ* и возвели въ достоинство Нѣмецкаго Короля Арнольда побочнаго сына Карломана, Герцога Керншскаго. Та-

кое его возвышеніе возбудило зависть во мно-
гихъ Герцогахъ , которые владѣнія несча-
снаго Карла хотѣли раздѣлить между собою.
Беренгарій, Герцогъ Фріольской назвался Коро-
лемъ Италіанскимъ ; Гвидонъ Герцогъ Спо-
летской домогался шишула Францускаго Коро-
ля : но Эвдій былъ ему предпочтенъ. Папа
зная, что сіе множество Королей исшощали
собственныя свои силы, не прошивилъ ихъ
намѣреніямъ ; а хитрый Арнольдъ смотрѣлъ
на нихъ спокойно, пользуясь ихъ междуусо-
біемъ. Эвдій всѣхъ прочихъ былъ сильнѣе,
и поному Арнольдъ подтвердилъ его въ до-
стоинствѣ Францускаго Короля и сдѣлалъ съ
нимъ союзъ. Услышавъ по Беренгарій и
Гвидонъ приняли другъ противъ друга ору-
жіе, и онъ не только не спарался ихъ прими-
рить, но еще далъ имъ время себя изну-
рить ; а какъ Беренгарій былъ слабѣе своего
непріятеля, то онъ предложилъ ему свое
покровительство и обѣщалъ дать ему по-
мощь, за что долженъ онъ былъ признашь
его Императоромъ. Арнольдъ и въ самомъ
дѣлѣ пошелъ противъ Гвидона, который
овладѣвши Римомъ самъ короновался. Онъ
вошелъ въ Италію, покорилъ всѣ города, кои
ему на пути встрѣпились, и пришедъ къ Риму
приготовился къ осадѣ. Въ сіе время, еспли
вѣришь Ліутпранду, заяць, находишійся въ
окрестностяхъ сего мѣста услыша великой
шумъ, который происходилъ отъ Арнольдо-
вой

вой арміи, испугался и бросился сквозь войско осаждающихъ къ городу. Солдаты погнались за нимъ съ великимъ крикомъ; а осажденные, не зная сему причины, подумали что это былъ знакъ шпурма, и что непріятели чрезъ то себя къ нему ободряють; отъ чего впали они въ великой ужасъ, покинули крѣпость, и солдаты Арнольдовы примѣняя то, употребили сей ихъ страхъ себѣ въ пользу, сдѣлали приступъ, вошли на стѣны и овладѣли городомъ. Агильштруда жена Гвидонова, который умеръ незадолго предъ симъ временемъ, едва могла спасись бѣгствомъ взявъ только то, что могла съ собою унести. Торжественною побѣдитель вошелъ въ городъ и короновался Императоромъ.

2.

Споръ двухъ кучеровъ причиною разрыва дружбы между двумя державами.

Испанскій и Французскій посланники находящіеся при Англинскомъ дворѣ пріѣхавши къ Шведскому послу отправили кареты свои обратно. Кучера начали дорогою между собою споръ о томъ, кому должно ѣхать впереди, со всѣмъ краснорѣчіемъ, какого только отъ кучеровъ ожидать можно; и наконецъ дѣло дошло до бичей. Испанецъ будучи сильнѣе прибилъ Француза, обрѣзалъ вожжи и принудилъ его выступить изъ ряду. Графъ

д' Эспрадъ (шакъ назывался Французскій посланникъ) не развѣдавъ обстоятельно о семъ происшествіи требовалъ отъ Испанскаго посланника удовольствія: но шомъ ему отказалъ сказавъ: что сіе учинено сходствен-но съ его повелѣніемъ, пошому что кучеръ его долженъ былъ дать преимущество кучеру Испанскаго двора. Графъ немедленно о семъ увѣдомилъ Людовика XIV. который, привыкши сохраняя оружіемъ честь своей короны, велѣлъ объявить Испанскому Королю, что онъ самъ со сто тысячами человекъ не умедлилъ приши опмстишь свою обиду, ежели онъ удовольствованіе оной будетъ долѣ откладывать. Испанскій Король не сомнѣваясь въ шомъ, чтобъ сей славолюбивый Государь не здержалъ своего слова, принесъ ему извиненіе и запретилъ посламъ своимъ впредь спориться о преимуществѣ въ вѣдѣ съ Французскими послами.

3.

Скачокъ причиною полученія знатнаго достоинства.

Кардиналъ Ришелье разумомъ своимъ достигъ до перваго чешей достоинства; въ семъ званіи обращалъ онъ всегда на себя глаза вселенных. Но, какъ человекъ, и онъ подвергался иногда слабостямъ.

Въ одинъ день Графъ де Граммоншъ пришедши къ нему заспалъ его въ своей комнатѣ одного прыгающаго прошивъ стѣны, и замѣчающаго какъ высоко могъ онъ вспрыгнувъ. Кардиналъ не успѣлъ и покрасиѣть, какъ Графъ, имѣя проворный и бѣглый разумъ, пошчасъ скинувъ съ себя кафшанъ сказалъ ему: „ я обѣ закладъ бьюся, ваше высокопревосходительство, что и я не хуже васъ вспрыгну „, и началъ прыгать.

Кардиналъ Ришелье, человекъ прозорливый и рѣдкій полищикъ, догадался, что сей оборотъ сдѣланъ Графомъ для выведенія его изъ спыда, я съ сего времени сдѣлался ему такой другъ, что всѣми силами спарался ему благодѣтельствовашь: а будучи столь сильный Министръ легко могъ найти способный къ тому случай. Онъ въ скоромъ времени доставилъ ему чинъ Францускаго Маршала и возвелъ его на высокой степенъ знанности.

При дворѣ должно быть болѣе остроумному, хитрому и проворному человеку, нежели философу. Философъ, будучи на Графовомъ мѣстѣ, не преминулъ бы уличить Кардинала въ постыдномъ его поступкѣ, и можешъ быть, пошерялъ бы чрезъ то голову; а Графова увершка доспала ему Маршальскій жезлъ.

 XXIII.

АНЕКДОТЫ

I.

О поспитаніи согласномъ съ избираемымъ состояніемъ жизни.

Причина, для которой мы во всѣхъ состояніяхъ имѣемъ столь много бесполезныхъ людей, происходитъ по моему мнѣнію, только отъ того, что мы при воспитаніи дѣшей ни мало не стараемся, вникашь въ способности ихъ души и въ свойства ихъ сердца,

Лишь только дитя выдетъ на свѣшъ, то большая часть родителей опредѣляютъ уже состояніе, которому они его со временемъ посвящаютъ, и о семъ намѣреніи столь мало думаютъ, что будущи къ произведенію его въ дѣйство, ничего болѣе не пребывалось, кромѣ ихъ воли. При семъ выборѣ, въ которомъ всегда участвуютъ пристрастія, высокомеріе, пороциливость и неразуміе, не брегущъ объ употребленіи въ пользу шѣхъ дарованій, которыя находящіяся въ ихъ дѣшяхъ, и къ несчастію общества осуждаютъ ихъ къ такимъ упражненіямъ, къ какимъ они нерасположены совершенно.

Панкратій, доброй ремесленникъ, имѣетъ у себя одного сына, который съ молодыми

дыхъ лѣшъ показывалъ великую склонность къ лошадямъ, и копорый ужé съ ребячества вилъ лучшіе кнушы, нежели всѣ ременщики въ его городѣ; однако онецъ его чрезвычайно захопѣлъ видѣшь его въ духовномъ чинѣ; ибо онъ думаетъ, что Богъ за сіе намѣреніе особливо благословитъ его, и понеже онъ вшайнѣ льспинѣ своему высокомѣрію предспавленіемъ, видѣшь нѣкогда сына въ высокомъ санѣ, копорый, какъ онъ говоритъ, можетъ давать прощеніе и брать оное обратно. Почему молодой Панкрашіевъ сынъ долженъ былъ упражняшь въ Богословіи, къ изученію копорой не имѣлъ онъ ни малѣйшей способности, и онъ сдѣлался самымъ бѣднымъ священникомъ, будучи въ состояніи опправляшь должность самаго лучшаго кучера.

Молодой Дамонъ, сынъ одного знатнаго господина, по неволѣ принуждается къ наукамъ. Пошому, что онецъ его захопѣлъ, чтобъ онъ былъ нѣкогда кормиломъ государства. Дамонъ напрошивъ шого нигдѣ съ такою охотою не оспается, какъ въ кухиѣ, гдѣ онъ ученіе повара съ необычайною скоростію перенимаетъ, и гдѣ ужé онъ споль много успѣлъ, что въ пригошвленіи вкуснаго кушанья далеко и самаго его превосходитъ. Ему мы обязаны, что нѣкопорыя зашѣ получили еще гораздо лучшей вкусъ, нежели съ каковымъ перешли къ намъ изъ Парижа.

Напротивъ того онъ дрожитъ отъ страху, когда учитель его позовешъ къ книгамъ, и онъ при всякомъ урокъ показываешъ, что и двухъ перечешъ не умѣешъ. Между тѣмъ насильно его принуждаютъ быть государственнымъ министромъ. Однако достигнешъ ли онъ сего намѣренія своего отца или нѣтъ, всегда онъ будетъ худымъ Пропоколомъ, вмѣсто того, чтобъ между поварами могъ получить отличную степень достоинства.

Спанпоръ, который имѣешъ видъ чрезвычайно дикій и лютый противу всей цѣли природы, назначенъ учителемъ для молодыхъ дѣтей. На челѣ его написана мрачность, распространяющаяся также и по всемъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ себя ни покажешъ, а глаза его, кажется, сыскиваютъ вездѣ случай, доказать шаягость руки его. Рѣчь его, которая груба и нескладна, дѣлаешъ то, что и самыя ласкашелейшія его выраженія былибъ противны, еслибъ не противъ натуре его было, промолвишь хотя одно ласковое словечко. Когда его ни увидишь, всегда найдешъ окруженнымъ бичами, которые почиашъ онъ за величайшее свое украшеніе. Бить у него значитъ учить, а поступашъ варварски съ порученными, первая должность учительская. И пошому наказываешъ онъ шолько для того, что онъ не можетъ не бытъ

быть безчеловѣчнымъ. Ежелижъ онъ и ничего въ ученикѣ своемъ не найдетъ наказанія достойнаго, то наказываетъ въ немъ собственное свое невѣжество.

Подобныхъ сему примѣровъ могъ бы я безъ всякой трудности много здѣсь привести, еслибѣ при семъ случаѣ читателямъ моимъ еще не предложилъ чего нибудь другаго.

Многіе люди почитаютъ духовное и свѣтское званіе только за такія средства, которыя должны служить удовольвованію ихъ высокоумію и скупости. Заражены будучи сими превратными мыслями стараются они наиболѣе о полученіи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ надѣются всего лучше насытитъ сіи спраси. А понеже они не имѣютъ нималяйшаго намѣренія способствовать пользѣ отечества, то и не стараются о приобрѣщеніи тѣхъ способностей, чрезъ которыя бы они могли занимать въ обществѣ мѣста по достоинству.

Нѣтъ ничего для государства пагубнѣе, какъ сіи люди, которые обыкновенно вмѣстѣ имѣютъ злое и звѣрское сердце. Они наполняясь гордостію позабываютъ о челоѣчествѣ, угнѣтаютъ его для показанія только своего могущества, нарушаютъ права, простира-

юпѣ жадныя свои руки къ похищенію, не внемлющѣ жалосному воплю бѣдныхъ, и за мнимую честь, либо за самую корысть готовы предати свое опечесство. Кто желаетъ служить государству, тотъ долженъ паче всего имѣть доброе сердце. Я разумѣю подъ симъ словомъ такое качество души, которое дѣлаетъ его искреннимъ и услужливымъ, которое по своей волѣ побуждаетъ его къ споспѣшествованію блага другихъ, хранитъ его отъ неправды и сребролюбія, и доводитъ до того, что онъ спарается званіе свое оправлять съ истинною вѣрностію и неослабѣваемымъ прилѣжаніемъ.

Но сколь ни необходимо сіе качество, однакожъ не довольно одного къ одѣланію его способнымъ служить государству. Онъ сверхъ того долженъ имѣть благоразуміе и способности нѣмъ большія, чѣмъ важнае званіе, которому онъ посвятитъ себя намѣренъ. Онъ не долженъ домогаться того мѣста, которое наиболѣе ласкаетъ гордости и сребролюбію, но занимать то, которое соразмѣрно его силамъ, и при всемъ своемъ домогательствѣ не имѣть никакихъ другихъ видовъ, какъ только споспѣшествованіе общей пользѣ. Однако государство никогда не престанетъ имѣть недоставка въ такихъ членахъ, пока воспитаніе дѣшей производится будетъ съ нерадивостію и корыслоубіемъ. У Спаршанцовъ

цовъ дѣши принадлежали опечеству, и родителѣмъ не было позволено располагать воспитанія ихъ по своему произволению. Какъ скоро приходили они въ седмилѣтній возрастъ, то раздѣляемы были въ извѣстные классы, гдѣ они всѣ жили подъ одинакими законами и установленіями. Здѣсь потчасъ пріучали ихъ къ повиновенію, твердости въ мысляхъ, воздержанію, и здѣсь вкореняли въ сердца ихъ любовь къ опечеству. Ихъ упражненія и самыя игры были подъ присмотромъ искусныхъ и возмужалыхъ людей, которые спарались примѣчать ихъ качества и дарованія.

Въ собраніяхъ ихъ задаваны были имъ различныя вопросы, которые долженствовали быть рѣшены скоро и остроумно, ихъ заставляли судить о дѣйствіяхъ и нравахъ человѣческихъ; а чрезъ сіе дѣши научались заблаговременно распознавать истинную добродѣтель и истинное величество души. Однимъ словомъ въ нихъ ко всему возбуждали вниманіе.

Въ нашихъ обществахъ соспавляло бы то истинную и совершенную пользу, когдабъ избраны были нѣкоторыя мудрыя и свѣдушіе мужи, изъ которыхъ каждый не занимался бы ничѣмъ другимъ, какъ только шѣмъ, чтобъ вникашь въ воспитаніе даваемое отъ родителей, у которыхъ весьма часно не до-
спа-

снаетъ собственнаго проицанія , наставляя ихъ на правый пущь и помогая имъ въ опредѣленіи дѣшей ихъ къ шѣмъ должностямъ , которыя соопвѣпспвуютъ ихъ силамъ. Какихъ бы искусныхъ мужей приобрѣло государство во всѣхъ наукахъ и художествахъ , и сколь бы многіе молодые люди , которые теперь и опечеснву своему и самимъ себѣ въ пятоспъ , были тогда онаго украшеніемъ ! Воспитаніе есть источникъ , изъ котораго происнекаетъ благополучіе и несчастіе цѣлыхъ народовъ.

Перевелъ съ Нѣмецкаго Степанъ Осиповскій.

2.

ОБИДАХЪ И ПУСТЫННИКЪ

Восточная попѣсть.

Въ одно утро Обидахъ оставилъ рано караванъ и продолжалъ пущь свой по Индо-спанской долинь.

Ободрясь послѣ покоя , будучи оживо-пворяемъ надеждою и побуждаемъ собственнымъ своимъ желаніемъ , переходилъ онъ въ скороспи долины , и видѣлъ передъ собою мало по малу возвышающіеся холмы. Между шѣмъ какъ шелъ онъ далѣе , слухъ его увеселялся пѣніемъ разныхъ пшицъ , которыя порхая вокругъ его навѣвали на него прохлад-
ный

ный въперонѣ, и окружающіе его лѣса, ко-
 торые насаждены были изъ благовонныхъ
 деревъ, окропляли его росою. То разсмаши-
 валъ онѣ высоко поднимающіеся верхи
 кедровъ, копорыми холмы украшались, по
 обонялъ пріятный запахъ цвѣшовъ, копорые
 песпрошою своею давали долинамъ прелест-
 нѣйшій видѣ. Однимъ словомъ всѣ чувства его
 вкушали удовольствіе, и всѣ заботы и попе-
 ченія испребились изъ его сѣрдца. Такимъ
 образомъ продолжалъ онѣ путь свой, пока
 солнце приближалось къ полуденной ливеѣ, и
 увеличивающійся зной приводилъ въ слабость
 его силы. Онѣ оглядывался вокругъ для
 сысканія пѣнисшой пропинки. Увидя въ
 правой рукѣ лѣсѣ пошелъ въ него и нашелъ
 въ немъ чрезвычайно пріятную прохладу и
 зелень. Не забывая припомѣ, куда ему над-
 лежало ишши, нашелъ онѣ одну узкую до-
 рогу, усаженную съ обѣихъ сторонъ цвѣ-
 шами, копорая казалось шуда ведетъ, куда
 лежала и большая дорога. Онѣ радовался,
 что симъ счастливымъ случаемъ нашелъ
 средство, съ трудомъ своимъ соединишь
 удовольствіе, и получишь награду за шотъ
 подвигъ, копорого онѣ не чувствовалъ шяго-
 сти. Ишакъ онѣ шелъ еще нѣсколько вре-
 мени далѣе, не ослабѣвая ни мало въ своей
 ревности, кромѣ шого, что иногда впадалъ
 въ искушеніе, оспанавливаясь для хора по-
 ющихъ пшицѣ, иногда предавался удоволь-
 ствію,

ствію, срывать цвѣты, растущіе по обоимъ сторонамъ, или плоды висящіе на вѣтвяхъ. Наконецъ зеленая пропинка началá уклоняясь отъ своего положенія, проспираясь излучинами между холмовъ и кустарниковъ, прохлаждаемыхъ источниками, которые въ иныхъ мѣстахъ, упавая съ крутизны, производили журчаніе. Тутъ Обидахъ на нѣскольکو времени остановился, разсуждая, можешъ ли для него быть безопасно то, когда онъ на время оставишъ извѣстный и свободный путь.

А какъ онъ надѣялся, что пропинка, не взирая на нѣкоторыя излучины, выдетъ наконецъ опять на большую дорогу, то началъ снова продолжать путь свой, хотя и сомнѣвался, можешъ ли достигнуть желаемой цѣли. Безпокойство его духа побуждало его невыпускать изъ глазъ ни одного новаго предмета безъ примѣчанія, и предаваться всякому чувствованію, которое только могло ему ласкать или приносить удовольствіе. Онъ слушалъ всякій доходящій до него опголосокъ, всходилъ на каждый холмъ, дабы взоромъ окинуть новыя мѣста и съ веселіемъ послѣдовать тихому теченію рѣки. Въ семъ препровожденіи времени протекали часы его непримѣнно; распутія, въ которыя онъ пускался, затмили его память, и онъ не зналъ, куда ему ищши надлежало. Между шѣмъ
небо

небо покрылось тучами, день передъ нимъ померкнулъ, и нечаянная гроза собралась надъ его головою. Тумъ его опасность возбудила его къ живому и печальному предспавленію его глупости. Онъ увидѣлъ, что счастье бываетъ поперяно, когда только въ совѣшъ берущся одни пріятности; онъ раскаеался въ женоподобной неперпѣливости побудившей его искать въ лѣсу защиты отъ солнца, и презиралъ то бѣдспвенное любопышсво, кошорое его отъ одной бездѣлки вело къ другой. Среди сихъ размышленій небо спановилось чернѣе и громовый ударъ помѣшалъ ему въ его мысляхъ.

Тумъ онъ вознамѣрился сдѣлать то, что еще соспоало въ его воли, то еспь, возвращишься опять на ту же дорогу, по кошорой онъ прежде шелъ, и испытать, не найдешъ ли онъ шакого выхода, гдѣ лѣсъ окончится ровниною. Онъ палъ ницѣ на землю, и препоручилъ свою жизнь правителю природы. Потомъ съ швердымъ упованіемъ и успокоеннымъ духомъ вставъ пустился съ поспѣшностію въ обратный путь, держа въ рукахъ саблю; ибо дикіе звѣри, живущіе въ степяхъ, были тогда въ движеніи и отъ всѣхъ шпоронъ слышанъ былъ вопль ярости, страха, раззоренія и смерти. Весь ужасъ мрачности покрылъ его. Шумъ вѣшровъ уподоблялся вою, а спруи испочниковъ падая бы-
спро

етро съ круизны горѣ наводили шрепешѣ. Вѣ семѣ месчастномѣ и опчаянномѣ состоянїи скипался онѣ по дикой пустынѣ, не зная куда вели его глаза, и не зная, приближался ли онѣ съ каждою минушою, къ спасенїю или къ погибели. Наконецѣ дошло до того, что ужѣ не спрахѣ, но успалость, которою онѣ былѣ изнуряемѣ, имѣ овладѣла, духѣ у него началѣ заниматьсѣ, колѣни подгибались, и онѣ хотѣлѣ лишь остановясь лечѣ, и предашьсѣ своей судьбинѣ, какѣ вдругѣ сквозь кустарники увидѣлѣ слабое мерцанїе свѣшильника. Онѣ успремился прямо къ свѣшу, и примѣшя, что оный происходилѣ изѣ хижины одного пустынника, подошедѣ къ ней, спалѣ со смиренїемѣ просишьсѣ у дверей, и былѣ впушенѣ. Спарецѣ предложилѣ ему, что онѣ собралѣ для своего прокормленїя, а Обидахѣ вкушалѣ то съ великою прїятноствїю. По окончанїи обѣда, говорилѣ пустынникѣ: скажи миѣ, какой случай завелѣ тебя сюда? Тому ужѣ прошло дваццашь лѣшѣ, какѣ я живу вѣ пустынѣ сей, и никогда не видалѣ вѣ ней человекѣа. Пошомѣ Обидахѣ рассказалѣ всѣ обшояшельства своего пушешествїя, ничего не ушаевая. Чадомое! сказалѣ пустынникѣ, на концѣ повѣсти: да вкореняшьсѣ глубоко вѣ памяши твоей погрѣшности, опасность и счастливое вѣ сей день опѣ нее избавленїе! Помни, сынѣ мой, что человекѣская жизнь ешь только дневное пушешествїе.

Мы начинаемъ печеніе свое съ бодростію и улованіемъ, съ радостію и щаніемъ, и шесвуемъ по прямому пути къ обипелямъ спокойствія. Въ краткое время ослабѣваемъ мы нѣсколько въ нашей ревности, и спараемъ найти нѣкошорое облегченіе нашей должности, и нѣкошорыя удобнѣйшія средства къ доспихенію того же намѣренія. Тогда мы предаемъ нѣсколько лѣности, и спановимъ рѣшишельными не спрашивъся ужѣ пороковъ въ ошдаленности, но полагаемъся на наше посшоянство и швердость, и съ опшважноспію приближамъся къ тому, чего предпринимамъ никогда мы не намѣрены. Такимъ образомъ начинаемъ иппи по зелени удовольствія и ушѣхъ, и покоимъся въ шѣни безопасности. Тутъ сердце чувствуетъ шихія движенія, и бодрость ослабѣваетъ. Помомъ хотимъ мы испышамъ, не можноли намъ еще сдѣламъ одного шага далѣе, и не можно ли намъ по крайней мѣрѣ насышмъ глаза свои воззрѣніемъ на вершюградъ удовольствія. Мы приближамъся къ нему съ сомнѣніемъ и нерѣшимоспію; входимъ въ него, однако съ боязнію и шрепешомъ, и всегда еще надѣемъся по оному пройши, не потерямъ пути добродѣтели, котораго мы еще на нѣсколько времени изъ глазъ не выпускаемъ, и уповаемъ онямъ на него возвращамъся. Одно искушеніе слѣдуетъ за другимъ, и единая потачка пригопшвляешъ насъ къ другой. Мы вскорѣ шеря-

емъ блаженство невинности и укрощаемъ свое
 безпокойство удовольствіемъ чувственнымъ.
 Мало по малу позабываемъ мы о первомъ
 нашѣмъ намѣреніи и упускаемъ единую со-
 вершенную цѣль разумныхъ нашихъ желаній.
 Мы сами обременяемъ себя ненужными тру-
 дами, ушопаемъ въ роскоши и бродимъ въ
 лабиринтѣ непостоянства до тѣхъ поръ,
 пока застигаетъ насъ тьма смерти,
 а безпокойства и тоска преграждая намъ
 путь. Тогда мы съ ужасомъ, скорбію и раская-
 ніемъ осматриваемся на самихъ себя и жала-
 емъ, но часто уже поздно, не упустить пути
 къ добродѣтели. Благополучны, чадо мое,
 тѣ, которые изъ своего примѣра научатся
 будучи не опчаяваться, но памятовать,
 что хотя день и прошекъ и силы ихъ осла-
 бѣли, однако еще остается у нихъ трудъ
 для сдѣланія опытовъ. Въ исправленіи ни-
 когда не должно опчаяваться, ибо при чиспо-
 сердечныхъ трудахъ не будетъ никогда не-
 достатка въ посторонней помощи. Проходяй
 по всѣхъ заблужденіяхъ можешь еще на-
 конецъ выйти на прямой путь, и кто о силѣ
 и крѣпости съ теплымъ моленіемъ проситъ
 свыше, тотъ узритъ, что всѣ опасности и
 препятствія отъ него удалятся. Успокойся
 теперь, чадо мое, и когда ушро позовешь
 себя паки къ подвигамъ, то начни снова
 свое путешествіе и свою жизнь.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Персидская поѣсть.

Гуссейнъ, одинъ богатый Персіанинъ, заразился моровою язвою, копорая вѣ по самое время весьма свирѣпствовала вѣ *Таперистѣ*. Онъ видя приближающуюся смерть свою, велѣлъ позвать къ себѣ одного изъ старыхъ своихъ знакомцевъ, копорый уже долгое время провождалъ уединенную жизнь вѣ пустынѣ, и просилъ его неосшупно, воспитавъ его сына такъ, чшобъ онъ могъ быть нѣкогда счастливымъ. Онъ показалъ *Ивару*, (такъ назывался пустынникъ,) тайное мѣсто, гдѣ онъ спряталъ свои сокровища.

Какъ *Гуссейнъ* умеръ, то *Иваръ* взялъ малолѣтнаго его сына съ собою вѣ пустыню, копорая построена была на холму неподалеку отъ города. Все упражненіе *Иваро* состояло вѣ томъ, что онъ ходилъ за плодами и овощами, и плелъ изъ просшника маленькія корзинки, копорыя вѣ городъ относилъ для продажи. Молодой *Ивнъ* долженъ былъ привыкать къ такой же жизни. *Иваръ* никогда не допускалъ ему быть вѣ праздности; но вмѣсто того, чшобъ его мучить многими нравоученіями, старался онъ вкоренить вѣ него только одно вѣдующее:

дѣлай другимъ добро, такъ будешь счастливъ; онъ твердилъ ему оное каждой день и при каждомъ случаѣ.

Когда *Иваръ* съ своимъ маленькимъ ученикомъ возвращался изъ города, гдѣ они продавали свои плоды и корзинки: по всякой разѣ собранное ими раздавали бѣднымъ, а чрезъ сей примѣръ учене *Иваро* впечатлѣвалось весьма глубоко въ сердце ученика его. *Ивну* полюбился сей способъ, быть счастливымъ такъ, что онъ всякой день болѣе жоплѣлъ работашъ, дабы болѣе раздашь нищимъ.

Какъ *Иваръ* былъ увѣренъ, что молодой *Ивнъ* учениемъ его довольно былъ руководствованъ, по вознамѣрился онъ порекомендовать его себѣ самому. Сынъ мой, сказалъ онъ ему, еслибѣ провидѣніе одарило тебя нынѣ большими богатствами, нежели каковыя ты до сего времени заслуживалъ трудами рукъ своихъ, то чтобъ ты началъ съ ними дѣлать? — Помогашъ ими моимъ несчастливымъ собратіямъ, ошвѣчалъ *Ивнъ*, не думавъ долго. Но не употребилъ ли бы ты чего нибудь также и для себя? А въ чемъ я имѣю нужду, ошвѣчалъ *Ивнъ*, когда я здоровъ и наслаждаюсь шѣмъ удовольствіемъ, что могу сказать несчастному: возьми, ошири свои слезы и будь доволенъ. — Хорошо, сынъ мой, ска-

сказалъ пустынный, завтра, какъ скоро солнце оувѣститъ верьхи горъ, доставлю я тебѣ средства вкушать сіе чистое удовольствіе, къ которому стремишься душа твоя.

На другой день, какъ взошло, солнце повелъ *Ибаръ* своего ученика къ развалинамъ одной старой гробницы и помощію пошатеной лѣстницы спустился съ нимъ въ обширной подземный сводъ, гдѣ вручилъ ему сокровища, кои отказалъ ему покойный его родитель. Молодой *Ивнъ* пришелъ въ несказанную радость, не столько онъ чрезвычайнаго богатства, сколько онъ удовольствія, которое они ему доставляли въ помоществованіи бѣднымъ. Послѣ чего *Ибаръ* пошелъ опять въ *Таприсъ*, и расставаясь съ нимъ, увѣщевалъ его, безпреспанно помнишь его ученіе.

Ивнъ вступалъ въ новую свою жизнь съ величайшимъ удовольствіемъ. Всякъ имѣлъ къ сполу его вольной доступъ; бѣдные, праздные, льстецы, однимъ словомъ всякъ могъ прийти къ нему. Его домъ былъ всегда наполненъ неимущими пропитанія, и онъ каждый день имѣлъ удовольствіе по крайней мѣрѣ въкошорымъ помогать въ ихъ нуждахъ.

Кто былъ довольтѣе, какъ *Ивнъ*? — Но его радость продолжалась не долго. Какъ

онъ благодѣянія свои изливалъ на всякаго безъ разбору, но непременно въ помъ числѣ должншвовали бытъ и неблагодарные. Онъ спозналъ, что одинъ купецъ, который жилъ отъ него неподалеку, находился въ худомъ состоянїи, и что его имѣнїе скоро будетъ продано. Онъ пошелъ къ нему и ссудилъ его такою суммою денегъ, которая ему потребна была, для удовольствования своихъ заимодавцовъ. Въ скоромъ времени послѣ того вздумалось ему разпространить садъ свой, а какъ для сего надобна была ему часть поля, которая семужь самому купцу принадлежала, то началъ онъ съ нимъ торговаться и посулилъ ему вдвое того болѣе, чего она дѣйствительно стояла. Но купецъ употреблялъ тысячу увершоекъ въ помъ, что онъ сего поля продать не можетъ, и не прежде склонился къ уступкѣ онаго, какъ *Ибнъ* обѣщалъ ему весьма великую сумму, которую онъ и ошдалъ ему великодушно. Не много спустя послѣ того выкупилъ онъ одного Венеціанина изъ неволи, взялъ его въ свой домъ, и оказывалъ ему всевозможныя благодѣянія. Но Венеціанинъ наградилъ его неблагодарностїю. Онъ ночью забравъ съ собою драгоценныхъ вещей сколько, сколько могъ, убѣжалъ отъ него.

Таковыя несчастїя сдѣлали *Ибна* печальнымъ. А что его всего болѣе огорчало, то

по завистники его вездѣ о немъ разглашали, что онъ великія свои богатства пріобрѣлъ запрещеннымъ торгомъ. Дѣло сіе дошло наконецъ до судьи, и *Ивнѣ* былъ взятъ подъ караулъ. Надѣясь смѣло на свою невинность просилъ онъ судью, осмотрѣвъ его цѣлой домъ, чтобъ его невинность учинилась явною. Обыскъ сдѣланъ былъ съ величайшею строгостію, а какъ ничего не было найдено подозрительнаго, то *Ивнѣ* и получилъ опять свободу.

Ивнѣ не смотря на то потерялъ всю свою прежнюю бодрость. Униженіе, которое при семъ ему сдѣлано было, и напоминаніе того, что онъ помогалъ многимъ, которые были столь неблагодарны, поселили въ него къ людямъ ненависть, и съ сего времени дверь его была заперта для каждаго человѣка. Словомъ *Ивнѣ* сдѣлался несчастливъ, и пребываніе въ *Таприсѣ* казалось ему нестерпимымъ.

Въ одно время вышелъ изъ терпѣнія вознамѣрился онъ *Ибара* сыскавъ непременно, и счастливо его нашелъ. Безразсудный, сказалъ онъ ему, знаешь ли ты людей, къ которымъ вліялъ ты въ меня столь много любви? Вѣдаешь ли ты, что они неблагодарны, вѣроломны и дышатъ злобою. — Зачѣмъ ты внушилъ мнѣ объ нихъ хорошее

миѣніе, котораго они недостойны? — Къ собственному своему счастью, отвѣчалъ *Иваръ*, — Къ моему счастью? Ахъ я сдѣлался несчастливѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ! — Но скажи мнѣ, сынъ мой, спросилъ его *Иваръ*, что съ тобою приключилось?

Ивнъ рассказалъ ему всю свою исторію. Развѣ я, сказалъ *Иваръ* по окончаніи оныя, опредѣлялъ цѣну добродѣтели? Говорилъ ли я тебѣ когда нибудь, что каждое свое доброе дѣло пошчасъ награждено будешь? За чѣмъ ты взялъ себѣ въ голову, благодарствіями своими торговашь и пребовашь за то благодарности? Возвращись опять въ *Таврисъ*, и продолжай дѣлать неблагодарныхъ. Добродѣтель есть сама себѣ награда, которую давать ей не предоставлено сему свѣту. И такъ научись къ собственному своему удовольствію познавать людей лучше, и не полагайся на обѣщанія льстецовъ и на миѣніе толпы народной.

Ивнъ со стыдомъ пошелъ опять въ *Таврисъ* и началъ снова другимъ благодарствовать. Однако онъ не оказывалъ ужè благодарній всякому безъ различія; но только тѣмъ, которые были онаго достойны, и чрезъ то снискалъ себѣ паки удовольствіе и бодрость духа, которыя были ему спутниками во всю его жизнь.

Перецелъ съ Нѣмецкаго Карлъ Экстеръ.

4.

САДИ.

Сади добродушный Король обѣждалъ нѣкогда, переодѣвшись въ простое платье, свое государство, желая скрытно видѣть счастливыхъ подданныхъ своихъ веселіемъ на слаждающихся. Въ одномъ не очень удаленномъ отъ двора городѣ успремилъ онъ взоръ свой изъ множества обремененныхъ цѣпями невольниковъ на одну женщину, которой прискорбный и крошкій видъ его пронулъ. Она везла камнями наполненную шелѣжку, и обезсилѣвъ отъ тягости оной на минушу остановилась. Всемогущій Боже, вскричала она, окончай сіе бѣдствіе! И пошомъ преклонилась совѣмъ ослабѣвъ. Провориѣ лѣнивица! зазвучалъ страшный голосъ присава, помахвающаго грозно узловатымъ кнупомъ надъ головою шрепещущей женщины. Стой! Вскричалъ Сади, и подалъ ему нѣсколько денегъ, я хочу съ сею злосчастною поговорить. Въ чемъ ты провинилась, бѣдная женщина?

Ахъ! Еще ли находясь люди, которыхъ трогаешь мое злополучіе? Повѣспь несчастія нашего, великодушный незнакомецъ, корашка. Мы обѣдняли отъ обмановъ и своего несчастія, и не могли больше плашить подушныхъ денегъ. Уже спали мы съ чепырьмя дѣтьми своими на голой землѣ. Одинъ коверъ оста-

вался, на которомъ лежалъ пяшой ребенокъ мой, будучи смертельно боленъ; но и шопъ варвары пришедши, и не нашедъ ничего, чшобъ можно было взять подъ закладъ, вышацили изъ подъ бѣднаго младенца. Мужъ мой въ опчаяніи своемъ ухвативъ приказнаго служителя, ударилъ его объ землю. Это уголовное дѣло, кричали судьи, и мужъ мой осужденъ на вѣчную работу! А вы что?

Онъ хворъ и слабъ, и чшобъ дашь ему опять собраться съ силами я работаю за него. — Онъ былъ въ опасности умереть подъ пягостію ударовъ. Ахъ! не можно ли изобилюющему во всемъ Королю нашему обойшиться безъ моего ковра.

Утѣшься, сударыня! Вскричалъ Сади и шопчасъ опворопился; ибо онъ не могъ больше владѣть своимъ движеніемъ — Подъ швоей славной державой, какъ вы любимъ, Сади — Сіи угнѣшаемые молящя еще о шебѣ предъ Богомъ.

Онъ поспѣшаетъ къ градодержателю. Я купецъ, милоспивый государь, говоривъ ему и нахожу здѣсь между невольниками сродника одному изъ друзей моихъ: (Онъ назвалъ его имя,) можно ли его выкупить? — Это буншовщикъ, отвѣчалъ Мусселимъ, кошорый по справедливости достоинъ былъ висѣ.

вистѣицы — Но, есѣли ты мнѣ заплашишь за всю работу, которую онѣ здѣсь по концу жизни исполняютъ долженъ, то тогда можешь се спастись. Служба невольниковъ составляетъ часть моего жалованья, и я не могу переменить ничего въ семъ своемъ положеніи — Сади: Но сказываютъ, что Король суровости не любитъ — Да я и самъ, возразилъ градодержатель, не охотникъ до наказаній; но иногда они нужны для примѣра. Доходы сего города опредѣлены для Королевской кухни; начальникъ надъ оною, который нѣсколько важнѣе, пребудетъ денегъ, и кто уменѣе, тотъ получаетъ при дворѣ друзей — Сади опчелъ пребудемое количество денегъ и опходя вскричалъ: ктожь вашъ другъ, вы безпомощные? — Я употреблялъ въ пищу ваши неизвѣстные мнѣ съ кровію смѣшанные слезы, какъ сладкія какія закуски.

5.

ПОБѢДА ЧЕСТНОСТИ НАДЪ СКЛОННОСТЮ КО ЗЛУ,

Истинная поѣсть для дѣтей.

Одинъ молодой шубочистъ чистилъ нѣкогда въ нѣкопоромъ домѣ шубу, чрезъ которую посредствомъ каминна можно было пробраться въ горницу одной знашней госпожи. Ему вздумалось спуститься по оной и осмотрѣть ту горницу. Какъ онѣ примѣшилъ,

что

чшо вѣ ней не было никого, по и спустился
 шуда дѣйствительно. Вѣ робости, и очаро-
 ванѣ будучи многими прелестями, кошорыхъ
 онѣ еще никогда не видывалѣ, устремлялѣ
 онѣ свои взоры опѣ одного предмета кѣ дру-
 гому. То смотрѣлся онѣ вѣ прекрасное боль-
 шее зеркало, по предшавлялись глазамѣ его
 живописныя обои, и другія украшенія. Насы-
 шивѣ же шѣмѣ свое зрѣніе, приблизился онѣ
 кѣ уборному столу, шущѣ онѣ увидѣлѣ
 золотыя осыпанныя алмазами часы съ репе-
 тицею, и шолько палѣнился ими, что не могѣ
 удержашься, чшебы не взяшь ихѣ со стола
 дрожащею рукою. „Ахѣ, сказалѣ онѣ самѣ
 „себѣ, какѣ кѣ шебѣ приспало шакое укра-
 „шеніе! Но взяшь ли ихѣ шебѣ? — Неду-
 „ракѣ ли шы! вишь шы не можешь ихѣ но-
 „силь. — Но шы можешь ихѣ продать,
 „возьми себѣ! — Съ собою взяшь? — Да
 „я буду шогда богашѣ — Но . . . Нѣшѣ,
 „пропадайте вы часы! — Вишь я не про-
 „сплю послѣ сего ни одной ночи спокойно. —
 „Не ужѣ ли сдѣлашья воромѣ! Пропадайте
 „вы совсѣмѣ, я не могу васѣ — Однакожѣ,
 „для чегожѣбы не шакѣ„? — Здѣсь ошано-
 вленѣ онѣ былѣ вѣ своихѣ разсужденіяхѣ,
 ибо услышалѣ что кшо-шо идешѣ. Онѣ вы-
 карабкался опяшь назадѣ чрезѣ шрубу. Какѣ
 скоро онѣ пришелѣ домой, и былѣ опяшь
 одинѣ, по прекрасныя часы не выходили у
 него изѣ мыслей — „Право шы Федорѣ
 „былѣ

„ былъ дуракъ , такъ говорилъ онъ самъ себѣ ,
 „ что не взялъ часовъ. — Вишь госпожа
 „ ша очень богата , такъ что ей нужды въ
 „ шомъ , ешьли у нея часы , или нѣшъ ? —
 „ А ты такъ бѣденъ , и долженъ съ такою
 „ надсадою искашь себѣ пропитанія ; ошъ ча-
 „ совъ бы ты разбогатѣлъ , и могъ бы жить
 „ въ довольствѣ и изобиліи. „ — Не взирая
 на всѣ упреки , копорыя дѣлала ему его совѣсть ,
 пересилило однакожъ его наконецъ прелестное
 представленіе о будущемъ благополучіи. Онъ
 вознамѣрился опяшь побывашъ шамъ и
 взяшъ часы.

На другой день подъ вечеръ закрался
 онъ такимъ же образомъ въ шомъ домъ ,
 опустился по шрубѣ въ каминъ , и сидѣлъ
 шамъ до шѣхъ поръ , пока госпожа , копорая
 спала въ ближней горницѣ , по его мнѣнію
 заснула. Онъ приближается на цыпочкахъ
 сомнишельными шагами къ уборному столику.
 Берешъ часы — Теперь ты будешъ сча-
 спливъ , говоритъ самъ себѣ ! — пошто еще
 „ шамъ спряшано въ коробчкѣ ? Онъ опи-
 „ крываетъ , и драгоцѣннѣйше въ золото
 „ врѣзанные алмазы ослѣвляющъ жадной
 „ глазъ его. — „ Что ты дѣлаешъ ? „ Спра-
 шиваетъ онъ себя — „ Я возму эшо , а
 „ пошомъ вылѣзу вонъ , и спашу жить , какъ
 „ Король ! — Тогда ужъ никто не скажетъ :
 „ вонъ идешъ Федоръ , молодой шрубочистъ ;
 „ по-

„ тогда я буду называться бариномъ, или
 „ по крайней мѣрѣ дворяниномъ. — Куплю
 „ себѣ щегольское плашье; всякой день спа-
 „ ну ѣсть супы и жаркое, и каждой будешь
 „ ломать передо мною шляпу. — Но развѣ
 „ хочешь ты быть воромъ? — Тебя не сы-
 „ щущь. — Однакожѣ про это Богъ знаетъ
 „ — Не бери этого — Ты будешь всегда гово-
 „ рить самъ съ собою: ты укралъ, Федоръ,
 „ ты мошенникъ; Богъ тебя не любитъ —
 „ Но ты вишь въ другой разъ не украдешь
 „ — Однакожѣ кто одинъ разъ укралъ, тотъ
 „ всегда воръ — Охъ! да часы-то чрез-
 „ вычайно хороши, а камень-то — Эй!
 „ Федоръ, не будь дуракъ! — Ахъ воръ!
 „ бездѣльникъ! Ты позабылъ Бога! — Нѣшь
 „ я не возму ничего — Останусь все-
 „ гда бѣднымъ человѣкомъ, сдѣлаю, что
 „ должно; тогда мнѣ хлѣбъ и огородныя ово-
 „ щи будутъ казаться столь же вкусны,
 „ какъ и жаркое, и я не буду воромъ — Не
 „ дурачься, и полѣзай скорѣе вонъ! „ —
 Онъ положилъ все на свое мѣсто, вылѣзъ
 вонъ, вышелъ по утру благополучно изъ до-
 му. Госпожа въ то время не спала, и ша-
 кимъ образомъ подслушавъ его, узнала его
 по голосу. Какъ она вспала съ постели, по-
 велѣла его позвать къ себѣ. „ Федоръ, ска-
 зала она, для чего ты не взялъ часовъ? „
 — Онъ бросился съ претепомъ передъ нею
 на колѣни, и просилъ о помилованіи. — Ахъ

„ милоспивая государыня , простице меня !
 „ Я впередъ право никогда не спану смо-
 „ прѣшь прекрасныхъ вещей . Онѣ меня по-
 „ чпи околдовали ; какъ бы легко я могъ
 „ сдѣлаться воромъ ! „ — Вспань другъ мой ,
 „ сказала она ; я узнала пвою честность .
 „ Приди завтра сюда опять , я дамъ шебѣ
 „ плашье ; ты останешься при миѣ , и будешь
 „ учишься съ моимъ пажемъ ; еспьлижъ ты
 „ будешь прилѣженъ , то я буду спарашься
 „ о шебѣ болѣе . „ — Радостныя слезы по-
 „ шекли по лицу добродушнаго Федора . — „
 „ Какъ бы я охотно учился , сказалъ онѣ ,
 „ еспьлибѣ меня учили ! Сколькo бы я былъ
 „ прилѣженъ ! Сколь часто я желалъ , чшобѣ
 „ опецъ мой не былъ бѣденъ , чшобы миѣ
 „ можно было всегда бышь въ школѣ . „

Федоръ учился дѣйствительно съ сего времени съ великою охотою , и превзошелъ скоро своихъ соучениковъ , Онѣ сдѣлался потѣмъ знатнымъ челѣвкомъ , и чшо еще больше , осшался завсегда честенъ , добродѣшеленъ и богобоязливъ . Вошѣ какъ награждается не рѣдко хорошій и честный поступокъ . Не попускайте себя , *маленькіе мои читатели* , обольщаться какимилибo прелестями пороковъ , и приступать къ худымъ дѣламъ . Еспьли вы не будете за шо сполькo же награждены , какъ нашъ Федоръ , шо для васъ счастиемъ , кошорое превосходитѣ всѣхъ

богатствѣ, почестей и забавѣ сего свѣта, будешь уже и то, когда совѣсть ваша спашетъ говоришь вамъ, что вы поступили справедливо, и что Богъ желающій и могущій содѣлать добродѣтельныхъ споль счастливыми васъ любитъ; когда вы будете видѣть, что ваши товарищи и другіе люди васъ почитаютъ за то, что вы ихъ никогда не обидѣли и радовались съ ними въ ихъ радостяхъ. Въ такомъ случаѣ когда вы будете повзрѣе, и чему нибудь научишься, то поручатъ вамъ важнѣйшія мѣста, зная что вы поступали всегда вѣрно и честно, и доставятъ вамъ чрезъ то случай приносить величайшую пользу въ свѣтѣ, снискивать себѣ честь и богатство; и симъ же образомъ будете вы навсегда благополучны.

6.

Чудный случай.

Около каждой дамы при ея уборномъ столикѣ лежатъ, какъ сказываютъ Попій, спашо невидимыхъ купидоновъ, дабы сдѣлать изъ нея новое швореніе. Одинъ надуваетъ на блѣдной щекѣ исправно пылинки кармина, другіе качаются на играющихъ локонахъ, иные проспираются по измѣнчивой на груди косынкѣ; а иной долженъ мучиться, какъ маленькой Сизифъ, въ выпуклой шуровкѣ. Многіе изъ нихъ разбѣяны по различнымъ бездѣлушкамъ служащимъ къ украшенію.

шенію. Изъ сего баснословія можно изъяснить странное приключеніе, которое недавно въ моемъ присутствіи у Темиры случилось. Зеркало ея начало говорить; послушайте, что нескромное говорило.

„ Я служило вамъ, милоспивая госуда-
 „ рыня, многія лѣша вѣрно, и вы удоспоива-
 „ ли меня за то повѣренностію, копорою
 „ никакая другая часпъ вашего уборнаго спо-
 „ лика не можешъ хваспашься. Вы, казалось,
 „ были мною довольны, когда я прямо изъ-
 „ ясняло ваши влюбленныя и милыя улыбки.
 „ Сіе долгое знакомство подаетъ мнѣ право
 „ къ опкровенности: съ эшихъ поръ я не осмѣ-
 „ люсь больше шайнъ опъ васъ нѣкопрыхъ
 „ недоспашковъ и, можешъ бынъ, сударыня,
 „ вы за эшо не осердишесь.

„ Я сказывало вамъ ежедневно, что вы
 „ красивы и прелестны, продолжало учпивое
 „ зеркало. Что еспъли я возьму шеперь свое сло-
 „ во назадъ? Темира, свѣпъ согласенъ со мною
 „ въ семъ приговорѣ; выслушайте перпѣливо опъ
 „ спариннаго компаннаго своего друга испинну,
 „ копора я прошивъ воли видна изъ взоровъ
 „ каждыаго. Я опасной любимецъ. Со мною
 „ не лзя долго обходисья. Совѣшуйтесь
 „ со мною порѣже. Еспъ шакія доспоинспва,
 „ копорыя не имѣюпъ нужды въ моемъ одо-
 „ бреніи. Вы можеше бынъ очень прелестною,
 „ хошябы я и худо объ васъ говорило.

Темира не смотря на свои румяны поблѣднѣла, изъ гнѣвныхъ очей ея выступили слезы; она сбросила презрительно болшливое зеркало со стола и въ дребезги его разбила. — Я слышалъ шихой смѣхъ освобожденнаго Купидона, который полешъ свой направилъ въ опворенное окошко.

7.

Несчастіе отъ туфель.

Въ Багдадѣ жилъ немолодой и по сребролюбію своему извѣстный купецъ Абуказемъ. Онъ при всемъ своемъ богатствѣ одѣвался такъ скаречно, какъ только можно вздумать; посконная его рубашка была такъ измарана, что не можно было узнать, какого она точно цвѣта; но что въ такомъ его нарядѣ заслуживало большее вниманіе, то это были его шуфли. Каблуки у нихъ пошбины были превеликими гвоздями, а верхняя ихъ кожа вся была въ заплахахъ. Отъ десятилѣшней носки сихъ шуфлей искусные Багдадскіе башмашники все свое искусство на нихъ истощили, и множество заплашъ наконецъ ихъ такъ обременило и обезобразило, что шуфли Каземога наконецъ учинились пословицею, и ежели кто хотѣлъ означить чтонибудь скаречное, то уподоблялъ оное симъ шуфлямъ.

Купецъ сей прогуливаясь въ одинъ день на большомъ рынкѣ вздумалъ купить хрустала,

спала, котораго онъ нашелъ тамъ великое множество, а сіе для того, что онъ зная хорошій его разборъ надѣялся довольно получить барыша. Не много спустя онъ еще прослышалъ, что одинъ раззорившійся продавецъ благовоной рѣшился въ бѣдности своей прибѣгнуть къ послѣднему средству, т. е. продать ради пропитанія за дешевую цѣну нѣсколько оставшейся у него розовой воды. Каземъ воспользовался несчастіемъ сего бѣдняка; онъ вымучилъ у него розовую воду за половинную цѣну и самой той цѣны, которая надлежавшей составляла половину. Сіа удачливая покупка произвела въ сердцѣ его наивеличайшую радость; и онъ вмѣсто того, чтобы то поприазновать такъ, какъ у господныхъ купцовъ водится, ежели торговля ихъ имъ удастся, разсудилъ лучше, что ему не такъ дорого (такъ онъ говорилъ) спанеть, а припомъ и не столько погрѣшительно, если съ радости сходить въ баню, гдѣ онъ давно давно не бывалъ. Какъ онъ тамъ раздѣвался, то сказалъ ему одинъ изъ его пріятелей, хотя онъ такимъ только назывался, (ибо сребролюбцы никакихъ пріятелей имѣть не могутъ), что его шуфли сдѣлались во всемъ городѣ посмѣшищемъ; для избѣжанія чего совѣщавалъ ему купить пару новыхъ. — Я и безъ новыхъ еще могу обойтись, отвѣчалъ ему Каземъ; они у меня еще не такъ изношены, чтобы не мо-

гли болѣе служить; а между тѣмъ разговаривая раздѣлся и пошелъ въ баню.

Въ самое то время въ шуже баню пришелъ Багдадской Кади. Каземъ ранѣе его вымылся и вышедъ въ передбанникъ одѣлся; но щещно искалъ своихъ шуфлей; онъ нашелъ на ихъ мѣстѣ пару новыхъ, и подумалъ, что ему ихъ подарилъ шопъ доброй пріятель, кошорый ему недавно проповѣдывалъ о старыхъ его шуфляхъ, съ великою радостію спѣшилъ схватить сіи узорочныя шуфельки, кои по мнѣнію его не смотря на издержку были для него пригошвлены, и шакъ не медля нимало вышелъ изъ бани.

Кади вымылся, и невольники подавая ему его плашье осмошрѣлись, что у нихъ недоставало господскихъ шуфлей, вмѣсто кошорыхъ сыскали пару пресквернѣйшихъ во всемъ свѣтѣ обносковъ, зашверженная пословица показала шопчасъ, кто ихъ былъ хозяинъ. Они пустились за симъ мнимымъ воровъ въ потю, догоняющъ его и покражу находящъ на ногахъ. Каземъ въ нихъ предспавленъ былъ предъ Кади, кошорый шогдаже перемѣнивъ шуфли велѣлъ посадить его въ шюрму. Но какъ Каземъ былъ не меньше дошашоченъ, сколько и скупъ, то не безъ довольной оставшейся еще часши сей его души, богашства ш. е, могъ онъ вырваться изъ когшей

шей правосудія. Каземъ приходитъ домой; бѣшенство и досада его неописанны; оныя изливаются на шуфли. Любезныя до того Каземовы шуфли уже съ великимъ шумомъ погружаются въ рѣку Тигръ, кошорая прошекала подъ его окнами. Но по прошествіи нѣсколькихъ супокъ рыбаки пошедши на свой промыселъ закинули сѣть въ сію рѣку. Нашимъ погрязшимъ шуфлямъ судьба благопріятствуешъ. Онѣ попадаются въ сѣть. Тяжестъ ощущенная въ сѣти обрадовала духъ рыбаковъ. Но въ какое вдругъ бѣшенство приходятъ они, нашедъ въ сѣти своей извѣстныя всему городу шуфли, кошорыхъ гвозди къ большей досадѣ рыбаковъ прорвали еще нѣсколько пеплей ихъ сѣти. Чшо же рыбакамъ приходитъ на мысль? Они вздумали сыграть шушку надъ Каземомъ, и схвативъ сіи досадныя шуфли лешяшъ къ его окошкѣмъ и бросающъ ихъ въ одно окно опворенное. Туфли съ превеликимъ шумомъ упадющъ на бушылки посшавленные на окнѣ. Спекала разлешелись на мѣлкія чашши, и розовая вода его пролилась наземь.

Возможно ли вообразить Каземову при семъ случаѣ печаль! „Прокляшныя шуфли, вскричалъ онъ, рвя на себѣ изъ голсы и ихъ бороды волосы, „точно въ послѣдній разъ „вы миѣ сполько убышку надѣлали! „Сказавъ сіе хвашашъ заступъ и копаешъ яму въ

своём саду, чтобы их зарыть. Сосѣдъ его, который давно уже присматривалъ за нимъ, ища случая придрахнуться къ нему, увидѣвъ, что онъ копаетъ яму, побѣжалъ въ ту же минушу къ градоначальнику и донесъ, что Каземъ въ своём саду нашёлъ кладъ. Довольно сего, чтобы возбудить корыстолюбіе градоначальника. Нашъ скупяга радъ, какъ себѣ угодно, побожиться, что онъ не видалъ никакого кладу, но что онъ зарывалъ свои шуфли. Однако градоначальникъ не полѣнился перечесть его любезныхъ денегъ, и несчастный Каземъ едва опдѣлался отъ него богатымъ откупомъ.

Теперь же уже по мнѣнію его упряшалъ онъ на вѣки прокляшья свои шуфли; ибо зажавъ ихъ внутренно въ адскую бездну, опнесъ онъ въ каналъ довольно далеко отстоящій отъ города; куда ихъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ своихъ бросаетъ. Теперь же Каземъ нашъ льстится наслаждаться спокойствіемъ; но злой духъ не престаётъ пакостей ему дѣлать. Онъ ихъ пригналъ къ прубѣ канала и припомъ такъ плотно, что всю воду заперъ. Приспавы тотчасъ нашли причину остановленія воды. Они вынимаютъ спшуда Каземовы шуфли; относяшъ ихъ къ градоначальнику и увѣряютъ наконецъ, что онъ одинъ были причиною всего вреда причиненнаго отъ запру-

запруженія воды. Несчастный нашъ шуфель-носецъ паки преселяется въ шюргу, осуждается на величайшій денежный штрафъ, по заплатѣ котораго получаетъ онъ вѣрно свои шуфли. Чтѣжъ бѣдный Каземъ хочетъ съ ними дѣлать? Онъ непременно рѣшился принести ихъ на всесоженіе; но какъ они были мокры, то для сего положилъ ихъ высушить на крыльцо противъ солнца.

Но и шуфлы еще не кончились злосчастныя приключенія отъ наважденія шуфлей. Судьба приутошвляетъ еще гораздо большія для него. Сосѣдняя собака увидѣвъ на крыльцѣ шуфли, прыгнула съ крыльца своего хозяина на крыльцо нашего скупяги и схвативъ ихъ, зубами играя ими уронила одну на улицу. Зловредная шуфля падаетъ прямо на голову мимоидущей беременной женщины и ранилъ ее. Боль и страхъ были причиною безвременныхъ ея родовъ. Мужъ ея бьетъ челомъ градоначальнику, и Каземъ опять долженъ былъ понести еще жестокой и больше прежнихъ денежной штрафъ.

Каземъ вырвавшись изъ рукъ правосудія лезишь въ безпамятствѣ домой, хватаетъ объ свои шуфли въ руки, и опять бѣжитъ къ градоначальнику, предъ котораго представъ показывая ихъ началъ съ воцлемъ говорить „Премилосердый государь,

„ (при чемъ судья не могъ почти усидѣть
 „ отъ смѣху на своемъ мѣсѣ) „, вотъ ору-
 „ діе моего злополучія ; сіи проклятыя шу-
 „ фли ввергнули меня въ бѣдное шеперешнее
 „ состояніе ; сдѣлайте рѣшеніе , чтобы мнѣ
 „ вѣчно избѣгнушь тѣхъ злоключеній , копо-
 „ рыя безъ сомнѣнія я еще долженъ буду
 „ отъ нихъ претерпѣвать . Судья не могъ
 „ отказать въ его прозбѣ ; Каземъ же съ вели-
 „ кимъ урономъ научился , сколь иногда бѣд-
 „ ственно и вредно не перемѣнять шуфлей , и какъ
 „ наказывающа жадность у несчастныхъ поку-
 „ пать вещи за половинную цѣну .

XXIV.

ЖАДНОСТЬ КЪ БОГАТСТВУ.

О сребролюбіе ! О пагубная спрась !
 Какую надъ людьми ты возпріяла власть !
 Ты всѣхъ къ погибели влечешь себѣ подвластныхъ ,
 Ты губишь , коихъ ты къ себѣ находишь спра-
 (спныхъ ,
 И съ ними ты ведешь кровавую войну :
 Купца ввергаешь ты въ морскую глубину ,
 Обманывать людей его ты научаешь ,
 За златомъ чрезъ моря гоняшься принуждаешь ;
 Солдану живота щадить ты не велишь ,
 Скупому къ щедрости дорогу ты препишь ;
 Безчисленныя всѣмъ ты горести наносишь ,
 Мощенника къ кнушу не рѣдко ты приводишь ,
 Ты

Ты нудишь судію законы преступашь,
 Виновныхъ избавляшь, невинныхъ осуждашь;
 Подъячимъ ты велишь коварства, плушни спро-
 ишь,
 Воровъ безсовѣстно покражей безпокоишь,
 Тобою нудится разбойникъ разбивашь
 И господинъ рабовъ работою угнѣшашь;
 Французамъ новыя ты моды вымышляешь,
 Обманывашь другихъ, прельщаешь ихъ заспавля-
 (ешь,
 Ты, ты ихъ дѣлаешь училельми поршнихъ;
 Князьями кузнецовъ, Баронами иныхъ;
 Тобою смерти сынъ родителю желаетъ,
 Обязанность, родство и долгъ свой забываетъ,
 Помѣщикъ чрезъ тебя оброкъ съ крестьянъ де-
 (решъ,
 Дворецкой отъ тебѣжъ еще себѣ беретъ;
 Тобою дружество другъ дружнее теряетъ,
 Тебѣ и шайны всѣ измѣнникъ повѣряетъ;
 Тобой въ красавицахъ воспламеняютъ кровь,
 Тобой и шарики приходятъ къ нимъ въ лю-
 (бовь,
 Тобой, тобой дѣвицъ невинныхъ обольщаютъ,
 И честныхъ юношей тобою развращаютъ;
 И еслии исчислять весь вредъ миѣ твой начашь,
 Весь вѣкъ мой о тебѣ лишь буду я писашь.
 Ты въ крайность всѣхъ ведешь и всѣхъ ты по-
 (губляешь,
 Которыхъ ты своей отравой упоишь;
 Я злости пвоея одинъ скажу примѣръ. —

Спокойно жилъ мужикъ, хоть былъ не
 (офицеръ,
 Хотя своими онъ трудами прокормлялся,
 Былъ сытъ, одѣтъ, обутъ, воровъ не опасался,
 Н 5 забоч

Заботы не имѣлъ, о деньгахъ не тужилъ,
Безъ мызъ, безъ деревень, въ избѣ спокойно
(жилъ:

Но сребролюбіе покой поколебало,
Трудами жить ему ужѣ несносно стало,
Работать пересталъ, спалъ по міру ходишь
И пропитанія изъ милости просишь.

Сей промыселъ ему не труденъ показался,
Онъ имъ изъ бѣдности извлекъ себя ласкался.
Сбылось желаніе, богашъ ужѣ онъ спалъ;
Однако ремесла сего не покидалъ.

Еще богаше отъ дня онъ становился;
Однакожъ нравъ его еще не премѣнился,
Не могъ отъ сей ужѣ привычки онъ опстать,
Побольше денегъ онъ еще хотѣлъ достать.
Онъ больше получилъ: но все былъ не доволенъ,
Въ цѣпяхъ у денегъ былъ и не былъ больше
(воленъ.

Грустилъ не зная самъ, гдѣбѣ дентгн схоронишь;
Но вздумалъ наконецъ ихъ въ стѣну заложить,
Исполнилъ онъ сей долгъ, и страхъ въ немъ
(поунылся;

Однако все еще онъ по міру таскался,
Выплакивалъ, просилъ, еще онъ получалъ,
Въ богатствѣ должностью сей мало онъ скучалъ.
„О жадность вредная! Презрѣнія ты стѣбишь!
„Ты бѣдствія сему несчастному готовишь!
„Ты рушила покой, ты ввергнула въ бѣды,
„Напасши, горести всѣ приключила ты,
„Ты счастье его въ несчастье претворила,
„Его егоже ты руками умертвила!

Въ худомъ, въ пустомъ дому, въ развалинахъ
(онъ жилъ,

Куда одинъ купецъ, какъ нищаго, пустилъ,

И шумъ скупой имѣлъ ночлегъ всегда гоповой.
 Хозяинъ вздумалъ домъ себѣ поспроить новой,
 Спироеньежъ старое, за вешхосью, сломать;
 Чшо денги шумъ лежанъ, лъзаль было угадать?
 Сыскали ихъ вѣ спѣнѣ, когда шумъ домъ ломали,
 Нашедшіе вѣ свои ихъ руки поприбрали;
 А думашь кшо бы могъ, шчобѣ ими шумъ владѣлъ,
 Кшорый вѣ нищешъ шоль бѣдную жизнь велъ?
 Убогій возвращаясь къ сокровищу приходилъ,
 Рыдаешъ, чшо его вѣ семѣ мѣстѣ не находилъ,
 Рвешъ волосы, кричилъ. „Немилосердый рокъ!
 „Свирѣпствуй надо мной, верши ударъ жестокъ!
 „Но ахъ!... Онъ возопилъ, уже онъ освершился!
 „Умру! „... Сказавъ сіе, пошелъ и удавился.
 О вы, кшорыми сіа владѣешъ спросить!
 Оплачьте горькую, свою оплачьте частъ!
 Симъ мерзкимъ будучи порокомъ зараженны,
 Предъ Богомъ, предъ людьми вы гнусны, прока-
 (женны;
 Очистите себя, престаньте вѣ сквернѣ бытъ;
 Не денги, ближняго вы рождены любить!
 Когда Господь щедрошъ богатство вамъ даруешъ;
 Онъ новый шумъ къ добру чрезъ шо вамъ пока-
 (зуетъ,
 Да опъ излишества сокровищъ вы своихъ,
 Исполните свой долгъ, снабдите и другихъ.
 Не всякъ ли знаетъ самъ убогаго шакго,
 Кшорый вѣ бѣдноспи опъ нужды терпитъ
 (много,
 Нуждаешся, его къ себѣ на помощь ждешъ?
 Самъ Богъ васъ здѣсь къ добру невидимо ведешъ!
 Имѣя шысячи, имѣя миліоны
 Отрите слезы вдовъ, сиропъ прервите споны,
 Отважшесь бѣдному частицу удѣлить,
 Пошщитесь на него щедрошы вы излить!

Вашъ средство легкое бысть ближнимъ вамъ оп-
(цами!

Оно при васъ всегда передъ глазами.

Ахъ! дайте хоть за шѣмъ, чшобъ получишь
(сто крашъ.

Убогій Господу, убогій Богу братъ!

Имѣнья вашего Господь Богъ не ушрашитъ;

Онъ больше во сто крашъ прощеншы вамъ за-
(плашишь.

Богачъ! Опомнися коль любишь ты себя!

Не упуская! Сіе обогатишь себя:

А ежели и шупъ ты жадносноію шлѣешь,

Дай слезу бѣдности! . . . . Но слезъ ты не имѣешь.

XXV.

ЗАГАДКИ.

1.

У всякія души насъ прое обитають,
Миѣ первому изъ всѣхъ царемъ бышь присуж-
(дають:

Хотя престолъ я свой имѣю лишь въ мозгу;

Но я и прочими частыми владѣшь могу.

2.

Во сердцѣ я живу, я съ духомъ обитаю,
Однимъ во зло и вредъ, другимъ къ добру служу;
Людей я ошъ скоповъ собою опличаю,
Я въ нихъ подобіе Творца ихъ содержу.

3.

Привычка мать моя, она меня раждаетъ;
А навикъ днѣ ошець, онъ кормишь и питаешь.

Мой

Мой долгъ есть сохранятьъ, они что ввѣрятъ мнѣ,
Я скрытно нахожусь невидимо извнѣ.
Ты самъ, чинашель мой, меня въ себѣ имѣешь,
Начальныя слова прочтя уразумѣешь.

4.

Я тѣло безъ души, костей я не имѣю,
За качество и власнь свою опъ всѣхъ почтенъ;
Изрядно говорю; но мыслишь не умѣю,
Какъ Царь въ своей землѣ я спражей окруженъ.

5.

Узнавши тайну, мы ея не открываемъ.
Шумъ, крикъ, шрескъ, спукъ, звонъ и громъ
(препериваемъ)
И кромѣ музыки мы ничего не знаемъ.

6.

Среди веселія къ слезамъ я привожу,
Я поньше воздуха, я въ небо восхожу:
Опець меня раждаетъ;
Однако безъ меня нигдѣ онъ не бываетъ.

7.

Сражаюсь я съ огнемъ
И не стараю въ немъ,
Ворюсь я и съ водою,
Плыву, не поглотитъ она меня волною:
Похожа на стекло; но поньше я его,
Раждаюсь я въ землѣ . . . Довольно ли сего?

8.

Земля меня родитъ, я въ ней сперва лежу,
Ошшуда я на свѣтѣ неволей выхожу,
Людьми владѣю я, они меня чшущъ богомъ;
Однако имъ же я къ вреду служу во многомъ.

Три царства въ свѣшѣ есть, Царемъ чтуть въ
 (первомъ я,
 Отгадчикъ поищи въ карманахъ ты меня!

9.

Красавицей меня зовутъ
 И всѣ прелестной почитаютъ,
 Меня Царицей называютъ,
 Меня съ почтеньемъ берегутъ.

Кто бережно меня въ рукахъ своихъ имѣетъ,
 Красой своей его я чувства веселю;
 Но ешды нагло кто коснухся мнѣ посмѣетъ,
 Безъ жалости колю.

10.

Тебѣ мной, человекъ, открыта скашь наука;
 Хоть не имѣю рукъ,
 Ночами шку я холстъ не дѣлая и спуска,
 А имя мнѣ . . . . . Паукъ.

XXVI.

О Т В Ъ Т Ы

*Θалеса, одного изъ слапныхъ семи Грече-
 скихъ мудрецовъ.*

1.

Что псего дрепнѣе?

Ктобъ быть всего дрепнѣе могъ?
 Творецъ всѣхъ, безначальный Богъ.

2.

Кто всѣхъ разумнѣе?

Разумнѣе всѣхъ шопъ, кто тяжкое снесъ бремя
Изобрѣшеній всѣхъ, какъ дѣлаешь по время.

3.

Что всего больше?

Весь міръ есть большее конечно вещество,
Какое создало премудро существо:
Но мѣсто болѣе, оно и міръ вмѣщаетъ.

4.

Что всѣмъ общее?

Надежда, я скажу, всѣмъ обще общается.

5.

Что всего прекраснѣе?

Пріяшенъ солнца лучъ, пріяшенъ и зефиръ,
Прекраснѣежъ всего сей есть огромный міръ.

6.

Что всего полезнѣе?

Что смертнымъ даровалъ премудрый всѣхъ
(Содѣшель,
Всего полезнѣе святая добродѣтель.

7.

Что всего преднѣе?

Всего вреднѣе намъ наносишь смертныхъ рокъ,
Противно что добру, что мы зовемъ пороку.

8.

Кто всѣхъ сильнѣе?

Сильнѣе всѣхъ есть шопъ, кому всякъ усту-
(наетъ;
А нужда ко всему и сильныхъ принуждаетъ.

9.

Что пѣ спѣтъ лучшее?

Такой тогда отвѣтъ Фалесъ сказалъ о семъ :
 Что согласуется съ природою по псѣмь.

ХХVII.

П И С Ъ М О

КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ

ПОКОЯЩАГОСЯ ТРУДОЛЮБЦА.

Милоспивые Государи !

Авшорамъ почпи всѣхъ періодическихъ изданій обыкновенно грѣзящся чудные сны : но ваша *Вечерняя Заря* хотя ужѣ опшшупила опъ нашего горизонша и оставила по себѣ мѣсно *Покоящемуся Трудолюбцу* ; однако мы въ ней не видали опъ васъ ни одного сновидѣнія. Я не знаю, что мнѣ изъ сего заключишь ? — Или прилѣжностъ ваша къ шрудамъ не позволяла вамъ о снѣ и думать ; или вы и спя ничего не видише ; или и видише , да скупишесь сообщишь намъ Авшорскія свои мечшанія. — Но какъ бы шо ни было : а сну воля ваша , хотя одному бытъ надобно ; особливо пошому , что *Вечерняя Заря* опъ ночи не въ дальнемъ разшояніи , а

по

по ночамъ всѣ люди спятъ. Да и *Трудолю-*
вецъ поужь покоишься; такъ не ужь по сонъ
 никогда не замыкаешь глазъ его? — Ко-
 гда шакъ, по я хочу, естли вамъ по не-
 прощиво, сообщись вамъ хоня свои бредни
 и просить васъ помѣспить ихъ вѣ ваши ли-
 спочки, (кошорые по счастью, зашедъ нев-
 значай вѣ шипографію, видѣлъ я печашаю-
 щіяся подѣ даннымъ вами имѣ заглавіемъ).
 Нѣтъ нужды, что онѣ писаны не воспочнымъ
 спилемъ и не на шакой вкусъ, какъ обык-
 новено бредятъ подобные вамъ Издашели;
 ибо я ни Дервишъ, ни Брахманъ: но Спико-
 шворецъ и Православный Хрисіанинъ, хо-
 тя правда иногда и упошребляю шакія вы-
 раженія, кои пахнутъ язычесивомъ.

Безъ дальнихъ обиняковъ скажу я вамъ,
 Государи Мои, что мнѣ хочеться сдѣлаться
 вашимъ пріятелемъ; да и случай къ тому
 есть. Какъ можно не быть тѣмъ между со-
 бой друзьями, у кошорыхъ есть общій пріят-
 ель? — И! право это не хорошо! — По-
 средствомъ общаго нашего знакома *Вечер-*
ней Зари мы можемъ завести естли не
 дружество, по по крайней мѣрѣ хорошее зна-
 комство, кошорое съ *Трудолюбцемъ* вашимъ
 я ужѣ и начинаю чрезъ сію переписку. Вы
 безъ сомнѣнія ихъ любите, пошому что они
 ваши дѣши; да и у меня они не пасынки.
Трудолюбца вашего заочно полюбилъ я за

шо, что я самъ покоишься великой охотникъ; а *Вечерняя Заря* лежитъ у меня близко къ сердцу для того, что по наспу- пленіи ея часто вижу я спранныя сновидѣ- нія, изъ которыхъ сообщаю вамъ теперь сонъ пригрѣзвившійся мнѣ въ прошедшую ночь. Вме- редъ же что Богъ дастъ. —

Приснилось мнѣ будто я иду по боль- шей, широкой и очень прѣжней дорогѣ, гдѣ не прошелъ я болѣе пяташцаши шаговъ, какъ повстрѣчался со мной одинъ почтен- ный старичокъ, который увидя меня подо- шелъ ко мнѣ и предложилъ свои услуги. Я не преминулъ благодарить его за сію здѣ- ланную мнѣ учтивость наизусть зашвержен- нымъ комплиментомъ, безъ которыхъ нын- че никуда вышши не лзя; и такимъ обра- зомъ познакомившись, пошли мы вмѣстѣ въ одинъ путь. Я полищично спросилъ у него объ его имени; и онъ мнѣ сказалъ, что его зовущъ *Самотгадаемъ*. Мнѣ показалось спраннымъ сіе имя, попому что я ни въ ка- кихъ свѣщахъ его не видывалъ; однако не спалъ далѣе любопытствовашъ, и спросилъ только его: не знаешъ ли онъ какъ называет- ся сія дорога и куда она лежитъ? Довольно знаю, отвѣчалъ мнѣ *Самотгадай*; я здѣсь нѣсколько разъ бывалъ и мнѣ здѣшнія мѣ- ста всѣ знакомы. Она лежитъ къ горѣ Пар- нассу, и для того называется *Парнасскою*!

Простите меня, правовѣрные Христіане, когда я услыша, что сей пунъ поведешъ меня къ такой горѣ, кошорая почтена священной у язычниковъ, признававшихъ многобожіе, не ворошилса назадъ, но пошелъ, да еще и съ охотою. Не стыдише и не уличайне меня примѣрами многихъ споль швердыхъ прошивоборниковъ идолопоклонства, что ни за что не примуща за Гомеровъ, Гезіодовъ, Виргиліевъ, Овидіевъ и прочихъ прекрасныхъ писателей, и никакъ не признающъ ихъ хорошими авторами для того единственно, что они были не Христіане. Я вишь не на яву пошелъ по сему языческому пуну, а во снѣ; да мнѣже и на умѣ не взбрело, что онъ не Христіанской. Но я благонадеженъ на ваше долгоперпѣніе, и такъ свой сонъ продолжатъ буду далѣе.

Мы пошли по Парнасской дорогѣ съ разспановкою для того, что я хотѣлъ замѣнить все достойное примѣчанія. Прежде всего взору моему предстала многочисленная толпа ученыхъ. Лице ихъ было блѣдное и желтое, а шло сухое и тонкое; они прясли въ шляпахъ косианья буквы и бросали ихъ на землю. Я почелъ было ихъ за шакихъ, кошорые шрудилась надъ какою нибудь кабашишической шайною: но подошедши къ нимъ увидѣлъ, что это были издатели и шолковашели древнихъ писателей, и что они прила-

гали стараніе об'яснишь вѣ нихъ темныя мѣста своими исправленіями и примѣчаніями.

Великій шумъ послѣдовавшій за симъ принудилъ меня оборотиться на другую сторону, и не далъ времени обстоятельнѣе узнать, что дѣлали *Комментаторы* древнихъ писателей. Онъ происходилъ отъ Лирическихъ и Диоирамбическихъ Стихотворцовъ, которые другъ передъ другомъ силились громче запѣть и загремѣть своими лирами. Ухватки и шлодвиженія ихъ показались мнѣ столь спранными, непорядочными и непристойными, что я слыша ихъ крикъ почелъ ихъ за пьяницъ; и для того поскорѣе отправился въ путь свой, чтобъ избавишься такой компаніи, которой я очень боюсь. Удвоивъ шаги свои вступили мы въ дорогу украшенную полусадникомъ: по обѣ стороны ея лежали прекрасные луга испещренные цвѣтами и усаженные вокругъ кустарниками. Воздухъ въ сихъ мѣстахъ былъ здоровый и пріятный, а запахъ происходящій отъ цвѣтовъ совершенно удовольствовалъ мое обоняніе. Пѣніе птицъ соединенное съ шихимъ журчаніемъ ручейковъ дѣлало такой шумъ, отъ котораго приходилъ я въ восторгъ. Вода въ сихъ ручейкахъ происходила изъ горъ и камней, кои произведены были отчасти натурою, а отчасти искусствомъ. Я нашелъ шумъ многихъ людей, кои сбившись

съ

съ прямой дороги зашли въ сіи мѣста. Они споль прельщены были симъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, что казалось довольны были своимъ *завлужденіемъ*, и позабыли о предпріятомъ пуши. Сіи господà, я думаю, родомъ были изъ Франціи и Італіи; ибо плашье на нихъ было щегольское, послѣдней моды, украшенное сѣтками, позументами, снурками и-бахрамою; а волосы завишы, хорошо причесаны и щипательно напудрены. Тупъ ноги у меня поскользнулись; я сдвинулся съ прямой дороги въ спорону къ симъ людямъ, копорые мнѣ очень понравились, и вздумалъ было оспашься съ ними, ибо они по видимому вели веселую и спокойную жизнь: но спушникъ мой ворошилъ меня и сказалъ мнѣ, что сіе мѣсто обворожено, и что изъ него никто не возвращается. И такъ я пушилъ съ нимъ въ дальнѣйшій пушь.

Я не могъ отъ смѣху удержашься, увидѣвъ новое множешво шолстыхъ и жирныхъ людей, копорыхъ пухлое лице, охриплый и сиповапый голосъ несказанно обезображивали; припомъ они подвержены были великой одышкѣ и подагрѣ шакъ, что отъ нея и отъ тяжесши дебелаго своего шѣла насилу могли шаципъся; не смотря на шо, они силались бѣжашь и думали перегнашь другихъ пушешеспвенниковъ. Между ними были многіе карлы, копорые, что всего удивительнѣе,

гордились и щеславились толщиною своего
 пѣла и собственнымъ безобразіемъ. Всѣ они
 гнались изо всей мочи за шремя кавалерами,
 копорые послѣ всѣхъ ихъ ранга путешество-
 вашелей пушились въ сей пушь, и своими ка-
 чешвами удивили всѣхъ прочихъ, но при
 всякомъ шагѣ спотыкались, падали и служили
 другимъ въ посмѣяніе. Оныеже Рыцари шли
 шагомъ. Я издали не могъ узнатьъ, кто шако-
 вы были пѣ при Героя, за копорыми собра-
 лась такая многочисленная погоня, но какъ
 проводнику моему было все извѣстно, то
 я опѣ него свѣдалъ, что это были *Миль-
 тонъ*, *Шекспиръ* (*) и *Ломоносовъ*. Я
 изъ уваженія къ нимъ опошелъ къ споронѣ,
 и обернувшись увидѣлъ цѣлую армию разсѣ-
 янную по лѣсамъ, по рвамъ и глубокимъ
 стреминнамъ. Это, сказалъ миѣ мой пуше-
 водитель, новѣйшіе Лапинскіе и всякой на-
 ціи Спихопворцы: а какъ миѣ непріятно
 стало смотрѣшь на заблужденіе и бѣдствіе
 моихъ земляковъ, (копорыхъ, скажу вамъ за
 секретъ, Господа Издатели, видѣлъ я другъ
 предъ другомъ на перерывѣ спарающихся
 только подбирашь разбросанныя по правѣ
 риемы), то я обратилъ свое вниманіе на
 однихъ Лапинскихъ новѣйшихъ пишателей.
 Спранники сіи заблудились какъ и прочіе
 оп-

(*) Shakspere, Англичанинъ.

отпавши отъ своихъ проводниковъ, и не зная сами дороги были въ великомъ недоумѣніи, замѣшательствѣ и изсупленіи. Тутъ повстрѣчался съ нами одинъ спарикъ держащій въ рукахъ книгу *gradus ad parnassum* называемую, и пошелъ прямо къ нимъ. Они увидя въ рукахъ его чертежъ, по которому чаяли выйти изъ сего Лабиринша и по симъ степенямъ прийти къ Парнассу, обступили его съ великимъ крикомъ и чуть было меня не оглушили.

Я ушелъ и отъ нихъ, но увидя слѣдовавшую за нами толпу паспуховъ одѣтыхъ въ легкое лѣтнее приспойное плаще остановился и дождался ихъ прибытія. Они играли, пѣли и плясали; у каждого въ рукахъ была свирѣль перевиная цвѣтами и на головѣ вѣнокъ. Проспопа ихъ меня плѣнила и веселая ихъ жизнь крайне мнѣ понравилась. Я подошелъ къ нимъ, и услыша, что они между собою разговаривали, спалъ не мѣшая имъ слушать ихъ разговоры. Они рассказывали другъ другу о спадахъ, объ Ирисахъ, объ Амариллисахъ: но я не видалъ ни спада, ни Ирисъ, ни Амариллисъ. Послѣ разговоровъ начали они пѣть и играть аріи, кшорья по большей части были на Італіанской вкусъ. Пріятность и удовольствіе, причиненное мнѣ ихъ музыкою, служили къ большому огорченію восплѣдовавшему отъ пред-

спавившагося взору моему цѣлаго полка *Сатирикоу* и *Критикоу*. Видѣ ихъ былъ угрюмый и свирѣпый; глаза сверкали какъ молнія; а языкомъ они никого не щадили. Они безпрестанно произносили бранныя и хульныя слова, и увидѣвъ меня сія безчеловѣчная спая обступила съ грознымъ видомъ. Я насилу могъ вырваться изъ варварскихъ ихъ рукъ, и по помощію моего вождя. Избавившись такимъ образомъ отъ сихъ разбойниковъ, я пошелъ уже осерегаюсь, чшобы они насъ не нагнали, и не учинили нападенія, котораго едва я могъ избѣжать помощію благодѣтельнаго своего спутника. И такъ благополучно прибыли мы къ подошвѣ горы, у которой мы нашли безчленное множество людей всякаго званія: а какъ гора сія была круша, то они старались на нее взползсти и насильно вскарабкались, но не имѣя столько силъ, идучи по скользкому и узкому пути, ежеминушно спшыкались, шѣснули другъ друга, и многіе падали спремѣлавъ на землю одинъ за другимъ. Несчастіе ихъ мнѣ было чувствительное; и я внутренно жалѣлъ о судьбѣ ихъ всѣмъ сердцемъ: но усиліе ихъ и упорность, съ которою они силились взойти на гору противъ силъ своихъ, были для меня смѣшны и досадны. Посреди горъ сей поставлены были воровшя, которыя преграждали далѣе путь. Они были зашворены и заперты, и приворошники оныхъ, коихъ

своихъ путешественниковъ мой называлъ *даропативомъ*, *благоразумиемъ* и *добротрациемъ*, безъ паспортовъ никого не впускали. Нѣкоторые были столь пронырливы и лукавы, что проходили помощію друзей своихъ, кои впускали ихъ съ своими билетами! Но истинная слава и достоинство, стражи по эту сторону вѣршъ, освидѣтельствовавъ оныя и нашедъ паспорта ихъ подложными, съ презрѣніемъ и поруганіемъ выгоняли ихъ обратно.

Спутника моего въ сихъ мѣстахъ сколько уважали, что по немъ и мнѣ дозволено было ходить вездѣ. Я увидя, въ какой чести былъ мой поварищъ, догадался, что онъ конечно имѣетъ великія достоинства, и пошому сталъ обходиться съ нимъ учтивѣе и оказывать ему больше почтенія. Онъ ввелъ меня въ прекрасный садъ, въ которомъ сколько было дорогъ, тропинокъ и аллей, что мы осматривая ихъ, потеряли большую дорогу. Долго ходили мы по разнымъ закоулкамъ стараясь выйти на прямой путь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сего лабиринта такъ было темно, что я выходилъ изъ терѣнія и началъ было опчаяваться изъ него выйти. Онъ назывался *Аллегорією* и у древнихъ особливо былъ въ такомъ почтеніи, что съ онымъ часто соединялось и суевѣріе. По причинѣ бывшей въ немъ великой темноты

мы должны были при всякомъ шагѣ спотыкаться и остановаюсь искасть такого мѣста, въ которомъ было бы освѣщеніе. Идучи ощупью дошли мы наконецъ до конца одной аллеи, гдѣ издали увидѣли показывающійся слабый свѣтъ: но это, государи мои, была не *Вечерняя Заря* и не *Утренній Свѣтъ*, а новый разсвѣтъ называемый *разсматриваніе* ведущій къ свѣту *объясненія*. Мы пошли за симъ сіяніемъ, которое по мѣрѣ нашего къ нему приближенія становилось опѣ часу болѣе, и на послѣдокъ ясный свѣтъ открылъ намъ большую дорогу. Обрадовавшись пошли мы далѣе по сему пути, который былъ равенъ, гладкъ, чистъ и свѣтелъ; и онъ привелъ насъ къ огромному зданію. Вкругъ онаго земля усыпана была цвѣтами, прохладная вода безпрестанно била изъ множества различныхъ фонтановъ; огонь блисталъ въ поставленныхъ сташуяхъ, сдѣланныхъ изъ чистаго золота; воздухъ наполненъ былъ благоуханіемъ: дубъ, кедръ, лавръ и кипарисъ росли шумъ въ великомъ множествѣ и давали опѣ солнечнаго зноя прохладу, а листья ихъ служили опѣ лучей сильною защитою. Но я крайне удивился не нашедъ шумъ ни одного плодоноснаго дѣрева, однако не смалъ о томъ спрашивать у своего предшествовавшаго, чтобы не наскучить ему своими вопросами. Широкая рѣка быстриною своею орошая сіи мѣста, извилаясь межъ

ку-

кусповѣ разливалась на многіе рукава различной ширины и глубины, которые вообще назывались *Иппокренскимъ токомъ*, или *источникомъ Иппокрены*. Которые ручейки были мѣльче, тѣ были мушѣе и не столь чисты, потому что большее число людей приходило въ нихъ купаться и мыться: но въ самой рѣкѣ, хотя была она и глубока, вода текла такая чистая и свѣтлая какъ хрусталь. Я увидѣлъ шустъ одинъ чудесный источникъ особливаго свойства. Я думаю Господа Издатели, вы удивитесь, когда услышите, что всѣ тѣ, которые подходили къ сему источнику и въ него глядѣлись, сколько бы они дурны и непригожи ни были, находили себя рѣдкими красавцами, и такъ прельщались мнимыми своими прелестями, что онѣ сильной къ самимъ себѣ спрашпи становились сухи, щочи, начинали чахнуть и впадали въ горячку; а еспли кто хотѣлъ имѣ показатъ несправедливостъ шакого ихъ о себѣ мечпанія, то они того почитали смертельнымъ себѣ непріятелемъ. Тутъ не ушерпѣлъ я, чтобъ не полюбобыществовать, и добренькой шаричокъ сказалъ мнѣ, что сей источникъ называется *ацторское самолюбіе*. Видя справныя его дѣйствія я побоялся въ него посмопрѣшься, хотя, правду сказатъ, и мнѣ хотѣлось бытъ красавцемъ. Нѣкоторый магнизизмъ привлекалъ меня къ оному: но очевидные примѣры бѣдствен-

ственнаго сего любопытства отъ того меня
 отвратили, и такъ прошелъ я его мимо и
 не заглянувъ въ него. Мы пришли къ велико-
 лѣпному дому, въ которомъ учрежденъ былъ
 парламентъ раздѣленный на разные депар-
 таменты. Уворотъ и на дворъ сего судеб-
 наго мѣста спояло безчисленное множество
 челобитчиковъ, ожидающихъ милости отъ
 засѣдающихъ въ ономъ судей: но нигдѣ не
 было сколько просителей; какъ въ верхнемъ
 департаментѣ, который назывался *крити-
 ческимъ*. Къ нему приближице имѣли всѣ шѣ,
 которые не имѣли успѣха въ другихъ су-
 дахъ и въ него дѣла входили на *апелляцію*.
 Въ оный поданы также были доношенія и
 чолобитныя отъ древнихъ и нѣкоторыхъ
 славнѣйшихъ новѣйшихъ временъ писателей
 на своихъ издашелей, полковашелей, поправ-
 щиковъ и переводчиковъ; также долго мы
 слушали обвиненія и жалобы Римскихъ Стихо-
 творцовъ и Прозаиковъ на нынѣшнихъ Лапын-
 щиковъ и новыхъ Авторовъ, которыхъ ули-
 чали они въ покражѣ и воровствѣ.

Отъ судебныхъ мѣстъ пошли мы еще
 къ большому спроенью. Это были конюшни
 предсѣдателя Музъ. Удивительно мнѣ пока-
 залось то, что я въ нихъ вмѣсто одного
 нашелъ многихъ Пегасовъ. Къ счастью мо-
 ему мы пришли въ такое время, въ которое
 конюхи водили обыкновенно ихъ поить, и
 такъ

шакъ я могъ хорошо ихъ разсмотрѣть. Я не спану описывать всѣхъ Аполлоновыхъ коней, чшобы симъ не наскучить моимъ читателямъ; особливо шѣмъ, копорые упражненіе съ людьми предпочитаютъ упражненію съ лошадьми; для схошниковъ же до Поэзіи онишу здѣсь знатнѣйшихъ.

Первый конь, шедшій гордою вышупкою изъ своего стойла былъ Пегасъ *Эпической*. Онъ былъ жиренъ, спашенъ, пригожъ, обученъ манежу и гордился еще послѣднимъ недавно ѣздившимъ на немъ рыцаремъ. Конюшей напоивъ сего коня осѣдлалъ и опвелъ его къ помянутому кавалеру, копорато спушникъ мой мнѣ указалъ. Онъ былъ Авторъ *Россіяды*, пѣвецъ *Владимира*.

Пиндаровъ конь одинъ шолько имѣлъ крылья. Шаги его были размахисты, скоры, проворны и неравны, но пріяшны. *Элегической* былъ мѣринъ тонкой, сухой и унылой: однако милѣе всѣхъ прочихъ; особливо слѣдовавашаго за нимъ, копорый былъ угрюмъ и свирѣпъ; во ршу кипѣла пѣна и ногами кидалъ онъ съ шакою яростію, что шѣ, кои на него садились, съ великимъ шрудомъ могли на немъ держашься. Онъ вырывался изъ рукъ ведущаго его конюха, смолрѣлъ яростнымъ видомъ на всѣхъ мимоходящихъ; и какъ я подошедши хопѣлъ было къ нему

при-

приласкашьяся, и его погладишь, но онъ вспрыгнулъ на заднія ноги, поднявъ уши ужасно заржалъ, и такъ ударилъ меня копышомъ, что я опскочивъ отъ него сажени на двѣ закаялся впередъ его шогашъ и ходишь по шой дорогѣ, гдѣ будешь разбѣгивашъ сей такъ называемый *Сатирической* конь.

Шедшій за нимъ Пегасъ былъ *Эпиграмматической*, кошорый былъ прекрасная небольшая лошадка; она была такъ игрива, что не могла пройши пяти или шести шаговъ не брыкаясь, но рѣдко кого ранила. Прочіе Пегасы были или рабочія лошади, или приспавленные къ услугамъ другихъ.

Прежде нежели покинулъ я Аполлоновы конюшни спросилъ я спараго конюха, коему поручено было смотреніе за первымъ Пегасомъ о прежнемъ славномъ въ древности Эпическомъ конѣ, отъ кошораго произошли всѣ прочіе? На что отвѣчалъ мнѣ онъ печальнымъ голосомъ: что спарый сего имени конь ужè опспавленъ ушрудившись отъ часшой ѣзды и отъ различныхъ работъ, кошоры налягалъ на него всякой безмозглый педаншъ; ибо всякой несмысленный школьникъ безъ позволенія садился на него и разбѣждалъ по своей волѣ; отъ чего онъ соспарѣвшись одряхлѣлъ, и Аполлонъ сжалившись надъ симъ бѣднымъ живошнымъ для опшращенія шакого не-

милосердія велѣлъ надѣ спойломъ его надписать указъ, дабы никто, ктобы таковы ни былъ, не смѣлъ на него садиться и безъ его позволенія на немъ ѣздить.

Распросивъ его еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, вошли мы на самую вершину Парнасса, гдѣ взору нашему предсталъ просторный дворъ, среди котораго стоялъ огромный и великолѣпный храмъ чудесной работы. Онъ сдѣланъ былъ изъ одноцвѣшнаго мрамора и такъ искусно, что казался высѣченнымъ изъ одного камня; и съ наружи украшенъ былъ статуями, разными фигурами и другими изображеніями, которыя всѣ представляли разныя мѣста изъ Стихопворной Испоріи. Внутри храма прекрасная живопись изображала славныя дѣйствія описанныя лучшими Стихопворцами.

Изображенія *Илиады* столь живо и очевидно глазамъ моимъ представляли нравы и страсти разныхъ людей, что я не зналъ наяву ли я то вижу, или только мнѣ сіе представляется. *Энеида* обворожила умъ мой прелестію изображеній и близкимъ сходствомъ съ природою. *Потерянный Рай* приводилъ всякаго въ изумленіе, и всякъ опходилъ чудясь неподражаемому искусству живописца сопряженному съ столь сильнымъ воображеніемъ. Живопись

пись *Генриады* казалось изъясняла крошкѣ нравы, благородныя спрасши, прѣвильныя и прелесныя умовоображенія соединенныя съ возвышенными чувствованіями: а картина *Россиады* изъясняла духъ великій въ изобрѣшеніи нужныхъ украшеній слову и машеріи, и показывала разныя перемѣны и обороты, копорыя по нечаянности своей плѣняли и вмѣстѣ удивляли каждаго. Далѣе слѣдовали начертанія *Владимира*, копорыя хошя и не доведены были еще до окончанія; однако обѣщали плодъ доспойный пера Сочинителя и духа поемаго Героя.

Аполлонъ сидящій на возвышенномъ великолѣпномъ пронѣ, окруженъ былъ множествомъ славныхъ древнихъ и новыхъ Стихотворцовъ. Вмѣстѣ съ нимъ предсѣдательствовала и мудрая Минерва, подлѣ копорой засѣдали девять согласныхъ сестрѣ имѣя въ рукахъ, или предъ собою особыя знакъ изъясляющія искусство и упражненіе каждаго. Въ разныхъ мѣстахъ храма поставлены были жершвенники, на копорыхъ курились сердца; и жрица приставленная къ сему жершвоприношенію, коей взоръ и дѣйствія означали скуку и уныніе, приносила ихъ Аполлону на всесоженіе; но шокмо вмѣсто елѣя въ семъ священнодѣйствіи употребляемъ былъ Бахусовъ напитокъ.

Я имѣлъ время разсмотрѣшь все, что ни было достойно моего примѣчанія: но всего подробно описывать не буду; а упомяну шеперь только о чудныхъ сполбахъ, кои я въ семъ храмѣ видѣлъ. На нихъ вырѣзываются были имена вступающихъ въ храмъ и посвящаемыхъ *Солнцу* и *Мудрости*, и чудесными кажушся они мнѣ шѣмъ, что имена многихъ недавно вшедшихъ на Парнассъ Стихотворцевъ споль были неясвенны, какъ бы заглажены были ѣдкою древностию; напрошивъ шого самыхъ древнѣйшихъ писателей именъ изваянія были шакъ ясны, чисшны и видны, какъ бы шеперь только изображены были. Все сіе разсмотрѣшь я могъ посредствомъ находившагося въ храмѣ семъ большаго, во образѣ пшшугольной звѣзды сдѣланнаго, фонаря, среди множества малыхъ лампадъ повѣшеннаго и называемаго *спѣтъ пршманія*.

Осмотрѣвши все не захошлось мнѣ оставишь сихъ прелестныхъ мѣстъ, и я крайне печалился опасаясь, чтообъ меня изъ оныхъ наконецъ не выслали; но къ счастью моему я ошъ сего вдругъ вздрогнулъ и проснулся; а шѣмъ избавился ошъ страха, и миновалась моя печаль.

Вотъ, Государи Мои, что мнѣ грезилось въ прошедшую ночь, и я за нужное почелъ о семъ васъ, какъ такихъ людей, между

кошорыми естъ и Спихошворцы, увѣдомишь. Ежели вы благосклонно примете сіе сновидѣніе: то чрезъ сіе обязанъ вами будешъ усердный вашъ доброжелатель.

Узнайкшошакѡвъ.

Годъ пѣ календарѣ,
Мѣсяцъ на небѣ;
А день прищу пѣ спятцахъ.

О Т ВѢ Т Ъ.

Чрезъ сіе изъясляя нашу благодарность Г. *Узнайктотакопу* за пріятное его намъ сообщеніе сна, мы просимъ и впредь какъ его, такъ и всѣхъ почтенныхъ любительей учености споспѣшествовать намъ въ предпріятіи нами намѣреніи служить трудами нашими любезному нашему опечеству. Чшо жъ касается до того знакомства, которое желаетъ имѣть съ нами Г. *Узнайктотакопъ*; то оно не можетъ не быть для насъ лестно; особливо жъ естли оно ушверждается будешъ на шаковыхъ перепискахъ. За благосклонный его отзывъ о нашей *Вечерней Зарѣ* и хорошее мнѣніе о *Покоящемся Трудоловцѣ* благодарить бы ему конечно мы не преминули, естли бы и мы побывали въ шѣхъ мѣстахъ, въ кошорыхъ спранствовалъ онъ съ *Самотгадаемъ* и заглянули бы въ шотъ чудесный источникъ, кошорый *Самотгадай* назвалъ

Ад-

Авторскимъ самолюбіемъ: но не глядѣвшишь еще въ него, недоспашки наши ошъ насъ нескрышы, и мы не почитаемъ себя красавцами, оспавляя всякому на волю приписывать намъ гнусный или пригожій видъ, изъ которыхъ ни въ шомъ, ни въ другомъ принимаешь участія мы не будемъ, желая единшвенно сими шрудами принесши пользу любезнымъ соощичамъ нашимъ.

XXVIII.

О камнѣ называемомъ Пантапра.

Самая большая величина сего камушка не больше ногши ручнаго большого пальца. Онъ родишся въ Индіи въ пущомъ подъ землею не глубже чешырехъ фушовъ. Однако сполько сильный имѣетъ въ себѣ духъ (*gritus*), что земля надъ шѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ находишся, вздуваешся и часто разѣдается. Сыскашь его очень шрудно, и почти нельзя; ибо скрывается онъ ошъ раскапывающихъ землю, ешлы не будутъ къ шому упошреблены благоразумные способы. Одии Индѣйскіе брахманы и по сѣ великимъ шрудомъ сыскивають могутъ *Пантапру*, что на ихъ языкѣ значишъ, камень дѣлающій изъ ночи день; ибо оный свѣшишъ шакъ какъ огонь, и выпускаетъ ошъ себя сполько лучей, что даже и при самомъ дневномъ

свѣпѣ мечется въ глаза опѣ онаго блестящая лучезарность, которая не что иное есть, какъ самый помѣ сильный и чудный кроющійся въ немъ духъ. Сила сего духа такая, что всѣ вещи, а наипаче *камни*, находящіеся вблизи около него привлекаетъ, на подобіе магнита или яншаря притягивающихъ къ себѣ извѣстныя вещи.

Изъ опыта явствуетъ, что брошенные въ рѣку или море въ разныя стороны камни, послѣ какъ будетъ вброшенъ Паншавра найдутся всѣ почти около него вокругъ лежащими, точно такъ какъ бы рой пчелъ около своей матки. Иліодоръ называетъ сей камень Паншарвомъ, какъ о помѣ написалъ и Книдій Хезій у Фопія, говоря, что Бактрианъ, будучи человекъ любопытный прежде семдесятъ семь драгоценныхъ камней, наконецъ бросилъ и Паншавру, и послѣ сего нашелъ всѣ оныя *камни* сѣпившимися шаровиднымъ образомъ около него.

Камню сему еще прешіе причисляетъ свойство Иліодоръ, говоря, что всякъ носящій при себѣ сей камень не можетъ горѣть въ огнѣ. Какъ по сіе и опытомъ было доказано: ибо одна Дарская фрейлина по имени Хариклія, вѣря его словамъ съ неуспрашимымъ духомъ бросилась въ самой величайшій огонь разведенной на срубѣ, и опшуду вышла не опаливши ни одного волоса.

XXIX.

И М Н Ъ

Всѣмъ переменамъ годѣ.

Премѣненіе годовыхъ временъ, Всемогущій Отецъ, не иное чпо естъ какъ преображающееся е спешство; природа въ печеніи временъ живошворяется Тобою. Красоту Твою, благосшь и любовь въщааетъ пріятная Весна: поля испещряюща цвѣтами, воздухъ услажденъ и благорастворенъ; эхо опзывается на горахъ, восшающъ лѣса, и всѣ сердца и всякой смыслъ веселился. Опшуда съ блистающимъ свѣшомъ и шеплошою, склоняется слава Твоя къ мѣсяцамъ Лѣта: шогда солнце Твое увѣнчиваетъ удаляющуюся весну: шогда внимающъ гласу швоему при восходящей денницѣ въ полудни и въ вечеру, шовъ ужасныхъ перунахъ гремящихъ въ облакахъ, шовъ оживляющихъ дыханіяхъ зефировъ воздымающихъ хребшы водъ и препещущіе власы кустарниковъ. Посемъ являешься паки благосшь Твоя съ обильною осенью, и зовешъ на пиршество всякое дыханіе. Великій Боже, Ты свяшъ и ужасенъ въ лицѣ Зимы. Тогда рассыпаешь шы мракъ и облака окрестъ Себя; бури капяшя надъ бурями; величественный сумракъ несетя на крылахъ въшреннихъ, Ты повелѣваешь мірамъ обожать шебя, и предъ дыханіемъ Аквилона природа преклоняется.

Природа таинствѣ исполненная! Какокая хипроспѣ, кококая сила Божества является въ Тебѣ и заставляетъ Себя чувствоваться повсемѣстно! Какое прелестное смѣшеніе прощобы и изумляющаго художества, красоты и благошворенія! Смѣшеніе обѣятое шѣвною, нечувствительною исчезающею и соединяющеюся для сославленія цѣлаго стройнаго, непрестанно перемѣняющагося и веселящагося. Но по подобію скоповѣ скишающійся изумленный человекѣ, не зрѣшѣ сея могущія десницы непрестанно дѣйствующей, вращающей въ шишинѣ сферы, шрудящейся въ закрытой пучинѣ и опшполѣ указующей извлечь свои богатства Веснѣ, шпрѣбляющей лучами солнца и умѣбрюющей ихѣ жарѣ. О дивное и ушладдающее премѣненіе, коего разнообразіе предспаетѣ по чредѣ никогда непремѣняемой и коего впечатлѣнія сѣ восхищеніемѣ получающѣ всѣ источники жизни! . . .

XXX.

ВЕСНА.

Примите меня священныя сѣни, возвышенныя и густыя своды, пристанища важныхѣ размышлений, примите меня; вдохните мнѣ новыя пѣсни, во славу обновляющейся природы; а вы, веселье луга, пресѣкаемые

мые

мые Лабиринтомъ ручьевъ, и долины покрытыя цвѣтами и росою, я хочу дышать дарами вашихъ куреній. Прекрасные холмы, я хочу ходить по вашимъ благовоннымъ вершинамъ и воспѣть на златыхъ струнахъ радость, усмѣхающуюся вокругъ меня повсюду изъ нѣдръ сихъ счастливыхъ полей. Гласъ мой опзовется при воспаніи зари, и рдѣющій вечеръ будешь еще внимать моимъ пѣснямъ.

Возбужденные весною къ любви, гордые бѣгуны, быстро спремаясь чрезъ рошу. Земля дрожитъ подъ ихъ стопами, жилы ихъ напрягаются, развѣваются ихъ власы, ихъ ноздри дышутъ огнемъ сластолюбія. Они со береговъ ввергаются въ рѣку и разсѣкаютъ воды, чтобы прохладить себя, потомъ спремаясь чрезъ долины, скачутъ на горы, опшуда взираютъ на наши поля удаленныя за вершины лѣсовъ и спремниъ и дають слышать свое ржаніе съ высоты облаковъ. Тамъ идутъ съ поспѣшностію вола; горяція ихъ ноздри дышутъ жаромъ, они разверзаютъ рогами нѣдра земли и поднимаютъ шуманъ пыли: одни спремаясь на вершину горы, другіе бѣгутъ повергнувшись въ подземныя мѣста и опшуда выпускаютъ пропаянный ревъ свой.

Пшицы, на вершинахъ деревъ открываютъ любовныя свои мученія; или качаясь на

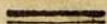
вѣвѣяхъ , буквѣ , предающагося согласному переключиванію. Я хочу ихъ слушать и наслаждаться прельщающимъ зрѣлищемъ ихъ забавъ и лобызаній. Маленькой ручей, останови спремительное шеченіе водъ своихъ, умолкнише вѣперки воздыкающіе на листьяхъ, не прерывайше ихъ любовныхъ пѣсней. Усугубляйше, обшашели вершинъ, усугубляйше свое пѣніе и меня научите. Они начинаютъ. — Согласная симфонія слышна на дубахъ и шерновникѣ и раздается по сводамъ сѣней; вся спрана исполняется звуковъ.

Но соловей, гнушающійся смѣшивать пѣніа свои съ пѣснями другихъ пшницъ, удаляется во глубину лѣса, и окруженный густыми пѣнями, воспѣваетъ пустыне но прелестныя вершеты, вѣчно населаемыя сладкою задумчивостію, гдѣ мраки ноци, принужденныя уступитъ лучамъ зари, кажутся сошедшими въ одно мѣсто. Здѣсь, гдѣ смущающее озеро напояетъ безчисленныя ивы его обшояція, нѣжная сіа пшичка, качаясь на вѣвѣяхъ, перемѣняетъ пышаеобразно свой голосъ, гремящій по всей пустынѣ. Тако ликъ гласящихъ орудій пробѣгаетъ по чредѣ тысящу звуковъ, или шумитъ скорыми и разящими въ слухъ звонами. Но когда съ лишкомъ любопытная его подруга допустила себя пойманъ обманщику въ силки, кои вѣроломство пшичелова сокрыло въ чашѣ липняка, когда пѣніа

нія его ужъ больше не обворожаютъ; тогда уныло, заблуждается онъ по всѣмъ окрестностямъ. — Роса пріятныхъ запаховъ, приносимая ошъ ближнихъ луговъ на жужжащихъ крилахъ зефировъ, привлекаетъ меня въ семъ мѣстѣ отдохнушь. Здѣсь, возлеги близъ колеблющихся розъ, на одрѣ цвѣшовъ, хочу я издалека насладиться сими пріятными испареніями. Приидите, шамо обрѣспи меня, о друзья мудрости! — Прелестныя предметы, предметы восхищительныя, веселящіе человѣка, о когда бы жаръ, коего дождь не умѣрялъ еще съ шого времени, какъ угрюмая зима убѣжала ошъ лица приближавшіяся пламенныя зѣницы, о когда бы жаръ не возмогъ повредишь красоты явленія вашего, и обманушь надежды земледѣлаша. Благошворящее небо, прохлади землю и пролей на нее свое благословеніе — Нисходитъ благословеніе несомое въ облакахъ: оно спѣшитъ разсыпаться въ дожди. Шепчущіе зефиры ему предшествоуютъ, они потрясаютъ листьями деревь и волнуютъ жашвы яко пучину.

Солнце скрывается за завѣсу сгущенныхъ паровъ, сіяніе небесъ омрачено, покровы шѣней пробѣгаютъ холмы и долины. Согревшая поверхность воды серебряными кругами исчезающими ошъ напыщенія возвѣщаетъ, что дождь еще невиденъ. Наконецъ я зрю его падающа съ избыткомъ и густый вязъ едва защища-

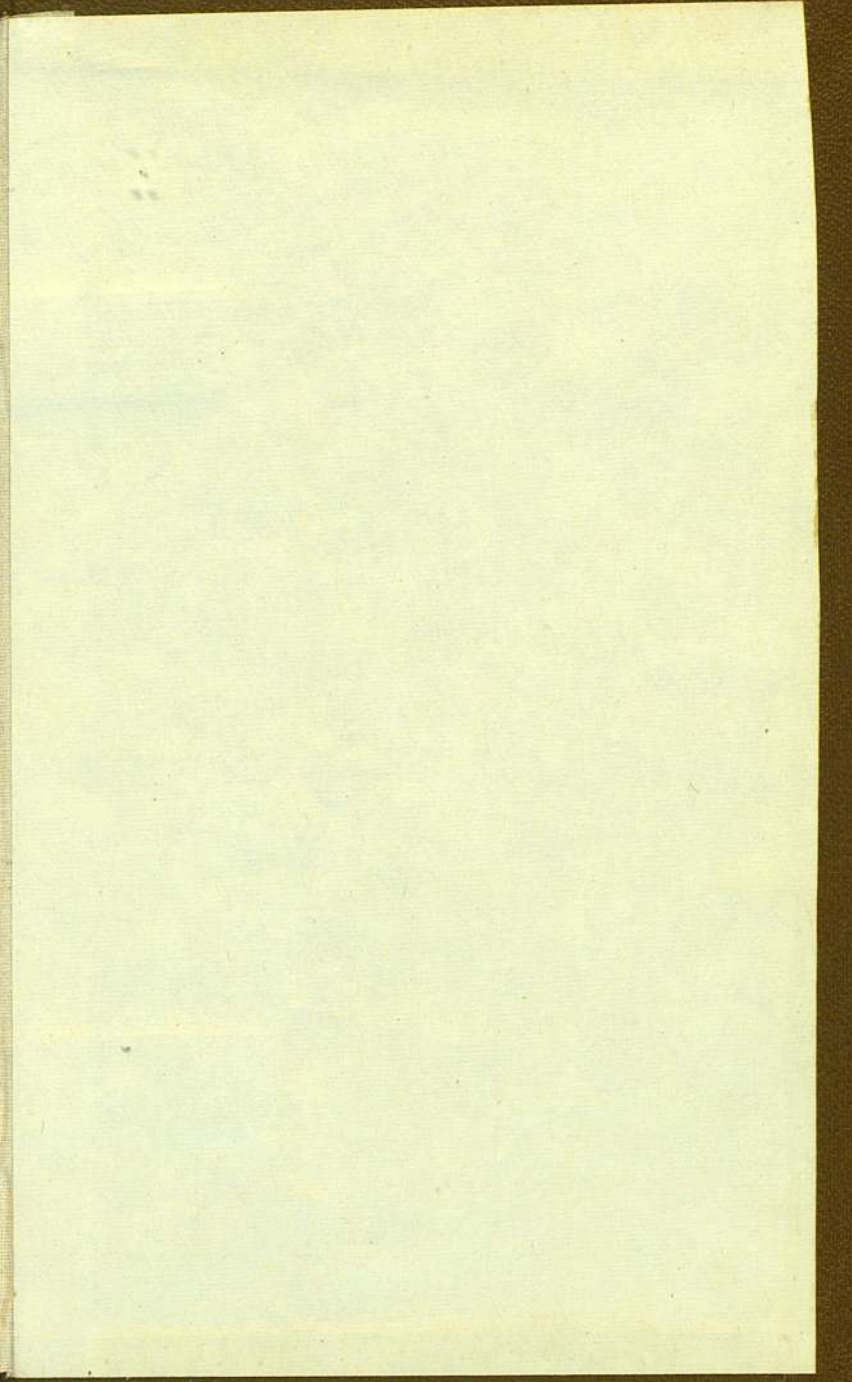
ешѢ меня отѢ косаго его нападенія. — Между
тѢмѢ рѢсницы, закрывавшія око вселенныя,
теплые пары разсыпаются и зрѢлище небесѢ
открывается. Являются висящія моря, спе-
кающіяся каплями, вся природа оживлена и во-
схищена радостію, какѢ бы самое небо про-
лилось на землю. — Коль блистаютѢ пестрыя
поля отѢ сихѢ капель, подобныхѢ алмазамѢ!
Какая прелесть видѢть ихѢ падающихѢ съ
разцвѢтшихѢ кустовѢ! РаспѢнія прохлаждены
и испускаютѢ благовонія пріяниѢе прежняго
— Весь воздухѢ окуренѢ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Ж VII 9 - 341

$$\frac{7}{54}$$

1784

4.1

M/9